

АННА АРХИПОВА

КНЯЖИЦ
ОЛЕКСА

Второй сказ из цикла "Княжич Олекса".

Княжич Олекса. Сказ второй

1. СЛОМЛЕННАЯ ВОЛЬНИЦА

Дружину князя Ярослава встречал громогласный колокольный звон новгородских церквей. Звон этот разносился далеко за пределы крепостных стен вольного града, летел над водами реки Волхов, над лесами и полями и, казалось, достигал самого неба, затянутого в этот день тяжелыми свинцовыми облаками. Все жители гордого Новгорода — и старцы с отроками и богачи с бедняками — в этот день высыпали на улицы, дабы засвидетельствовать почтение и покорность князю Ярославу.

Князь вошел в Новгород со стороны Славянского конца, дабы, пройдя со своей дружиной через всю обширную торговую сторону города, продемонстрировать всем жителям численность и мощь своей военной рати. И его замысел удался: новгородцы, видя множество хорошо вооруженных ратников, следующих вослед хозяйской дружине Ярослава, в исступлении крестились и молили святых уберечь их жизни от гнева сурового князя.

— Глядите-ка, княжичи вослед отцу едут! — шептались горожане, провожая взглядами отроков, двигавшихся за отцом. — Привел своих сыновей снова к нам. Неужто опять посадит их на новгородский столец?

Все трое — Федор, Александр и Андрей — был наряжены в искусно расшитые кафтаны плечи их закрывали парадные плащи-корзно, застегнутые драгоценными брошами, на головах мальчиков красовались шапки из богатого меха, а ноги их обуты были в червлённые сапоги. Сразу видно, князь Ярослав не жалеет гривен на содержание своих птенцов! Пусть вокруг чернь гибнет от голода и лишений, княжичи не будут знать нужды ни в чем — уж об этом-то князь-отец непременно позаботится! Горько было видеть новгородцам изобилие, в котором купались сыновья Ярослава, ох как горько!..

Миновав Славянский конец, князь Ярослав въехал на деревянный мост, зовущийся «великим», и связывающий Софийский и Торговый берега Новгорода. При этом собравшийся люд еще пуще принялся креститься — припомнив, как вскоре после побега княжичей Федора и Александра из Новгорода, поднялась на Волхове страшная буря и разрушила часть древнего моста. Тогда по городу ходили суеверные слухи, что, должно быть, нечистая сила, благоволящая князю Ярославу, отомстила горожанам за то, что те хотели навредить княжичам.

Сразу за мостом из земли выростали мощные бревенчатые стены детинца и Пречистенская башня, чьи врата в ожидании прибытия князя Ярослава были распахнуты настежь. А за стенами начиналась почетная мощеная дорога, ведущая к белокаменному Софийскому собору, по обе стороны которой выстроились в ряд наиболее именитые и богатые горожане.

Вид распахнутых перед дружиной врат детинца и бьющих земные поклоны бояр и купцов радовал сердце Ярослава. Не сразу, но удалось ему окоротить новгородскую вольницу! И те, кто доселе кричал о свободах, теперь вынуждены просить у него пощады и смиренно склоняться перед ним!

И как Ярослав мог не припомнить того, как пятнадцать лет назад он впервые миновал стены новгородского детинца и оказался у порога Святой Софии? Каким гордым и духовно возвеличенным он себя ощущал, получив от тестя своего, князя Мстислава Удалого, благословение на княжение в Новгороде!.. И как был он потрясен, уразумев, что новгородская вольница зовется таковою не просто так — а потому, что люди здесь и

вправду считают себя народом вольным. Всё в местных порядках да обычаях безмерно раздражало Ярослава! Сколько же сил ему пришлось приложить, чтобы переломить волю строптивых новгородцев! И вот он въезжает в город на правах победившей стороны, в сопровождении трех сыновей и окруженный устрашающей военной силой! Теперь эти гордые новгородцы бояться и слово сказать в его сторону, а лишь смиренно гнут пред ним спины да исступлённо молятся.

Хозяйская дружина на подходах к площади, примыкавшей к Софийскому собору, рассредоточилась на местности, чтобы держать под надзором ближайшую проулки и переулки. Старшая дружина, войдя в детинец, заняла территорию вдоль стен детинца, таким образом заполнив собой все свободное пространство древнего укрепления. Младшая дружина осталась на рассветном берегу Волхова, остановившись у моста, и дожидаясь дальнейших приказов. Князь Ярослав превосходно понимал, как сильно злит и пугает новгородцев вид такой многолюдной дружины на улицах города — и это усиливало его чувство торжества. Пуцай новгородцы потрясутся да помаются, глядя на его ратников! Им полезно будет.

Въехав на площадь у Софийского собора, Ярослав остановил коня неподалеку от широкого каменного крыльца. На самом крыльце его встречали самые именитые представители Новгородской вольницы. Архиепископ Спиридон, лишь год назад принявший епархию из рук занемогшего и по той причине ушедшего на покой архиепископа Антония. Посадник Степан Твердиславович, избранный на вече из числа бояр Софийской стороны, после того как Водовик с позором сбежал из Новгорода. Тысяцкий Микита Питрилович, представлявший собою глас простолюдинов на Вече, и так же избранный взамен прежнего тысяцкого, утратившего доверие народа. Архиепископ вооружился большим золотым крестом и иконой Божьей матери, знаменитой тем, что много лет назад она помогла новгородцам одержать победу над войском князя Андрея Боголюбского. А посадник держал в своих руках блюдо, украшенное богатым рушником, с лежащим на нем румяным караваем хлеба и плоской соли.

Князь Ярослав, не спешиваясь с коня, перекрестился, глядя на крест Софийского собора. Этот жест повторили трое его сыновей, остановивших своих лошадей за спиной отца. После этого князь перевел взгляд своих грозных очей на тех, кто встречал его, сохраняя при этом молчание. Первым заговорил архиепископ Спиридон, обратившись к князю с приветственной речью, в которой всячески восхвалял достоинства переяславского князя и поведал о том, с какой радостью ждут новгородцы конца смутных времен, возникших в городе после того, как Ярослав отвернул от них свой светлый лик.

Князь Ярослав, выслушав архиепископа, только усмехнулся презрительно и промолчал. Посадник, тысяцкий и архиепископом переглянулись с многозначительностью — стало понятно, что князь ожидает от них раскаяния публичного и унижительного. Хоть и знает он твердо, что Новгород безоговорочно преклонил перед ним колени, но мало того Ярославу! Хочет он ценой гордости знатных новгородцев потешить свою гордыню и лицезреть, как именитые бояре валяются в грязи у копыт его скакуна!

Но делать нечего, ведь Ярослав отныне господин всея Новгорода! Не упадешь на колени сейчас, кто знает, что взбредет в голову мстительному князю? Он привел с собой большое ополчение не просто так, а прямо давая понять, что, коли душа его того пожелает, то спустит он своих дружинников на свободный город, наказав его уже не только голодом и мором, но и огнем и мечом!

Кряхтя и тяжело вздыхая от обиды, преклонили колена посадник, тысяцкий — а вслед за ними упали на колени и прочие бояре. Согнувшись, они челом коснулись земли, показывая свою покорность силе ярославовой. И только владыка Спиридон остался стоять, продолжая прижимать к груди крест, и только проголосил решительно:

— Негоже мне, слуге божьему, вставать на колени перед человеком — пусть и преисполненным силы и праведности! — ибо человек не бог! Возьми же, княже, бога в свидетели и поклянись, что супротив Новугорода не имеешь намерений! — после чего архиепископ поднял вверх крест, тем самым увещевая Ярослава выказать почтение священной реликвии и церкви.

Помедлив еще немного, князь все же снизошел до призывов Спиридона.

Ярослав никогда не отличался излишней набожностью, справедливо полагая, что нельзя править княжьим уделом как воин и при этом соблюдать все библейские заповеди. Он даже презирал церковных людей, которые, не будучи в силах защитить сами себя мечом, смеют учить его, князя-воина, как надо думать, как надо жить и как дела княжеские вести! Однако также Ярослав понимал, что одной военной мощью и законодательными приказами сложно управлять городской чернью и смердами — ибо, когда простой люд впадает в крайнее отчаяние, то он перестает бояться меча и закона. Единственное, чего чернь и смерды боятся больше смерти — это гнева господнего и вечной кары за прегрешения. Вот почему так важна поддержка церковников для князя! Ведь церковник всегда разъяснит холопу, что власть князя — то власть от бога и грешно сопротивляться такому владычеству, а надобно смиренно принять свою тяжелую долю и терпеливо нести свой крест. Именно такие соображения заставили князя Ярослава отнестись снисходительно к нежеланию Спиридона падать пред ним на колени. Поддержка архиепископа ему еще пригодится в будущем — так что не стоит сейчас унижать духовного старца без особой на то надобности!

Откинув в сторону плащ-корзно, подбитый пурпурной паволокой и украшенный собольей опушкой, князь спешил с коня и неторопливо приблизился к архиепископу. С должным почтением Ярослав снова перекрестился и поцеловал протянутый ему золотой крест и икону. Спиридон с чувством облегчения благословил его на княжение на Новугородской вольнице и всех землях, что платили ей дань. Еще пуце затрезвонили колокола на церковных звонницах, объявляя всем, что архиепископ дал свое благословение князю и что отныне Новугород находится под опекой князя Ярослава и его грозной дружины.

Приняв слова приветствия и пожеланий долгих лет жизни от посадника, тысяцкого и именитых бояр, Ярослав вместе со своей свитой и сыновьями отправился в палаты Владычного двора, где по случаю прибытия князя было устроено пиршество. Зрелище ломящихся от яств столов, расставленных в просторных палатах, невольно удивило княжича Александра — он много слышал от разнообразных послов о страшном голоде, терзающем Новугород, и знал о роли своего отца в этом, однако только сейчас задался вопросом: «А разумно ли так роскошествовать в столь трудные для новугородцев времена?»

Княжич взял было ложку, но потом отложил её — кусок в горло не лез, в голове крутились досадливые мысли о голодающем народе. Зато Федор и Андрей, притомившиеся от верховой езды, резво работали ложками, насыщая свои утробы. Александр сосредоточил свое внимание на отце, который восседал во главе стола в окружении новугородских управленцев и архиепископа и вел с ними беседу.

— Урожай в этом году не радует, пресветлый князь! Уж осень наступила, пора думать о

лютой зиме, что вскорости постучится в наши двери! А который год летом непогода лютует, уничтожает посевы — то заливает ледяными дождями, то иссушает палящим солнцем, то на аршин вглубь промораживает землю! Народ мрет аки мухи — без числа! — дребезжащим гласом вещал Спиридон, обращаясь к Ярославу. — Столь много погибло от голода, что отстроил я скудельницу для погребения умерших, так три тысячи мертвых тел так быстро заполнили скудельницу, что пришлось строить еще две! Доколе, князь, народ новгородский будет претерпевать горести и лишения? Когда же благодать вернется на эти земли и снова начнет господин Великий Новгород процветать?

Ярослав отвечал не сразу, он неспешно отпил вина из золотого кубка, отер усы и только потом поглядел на взволнованного архиепископа. Князь не хотел сейчас, на пиру, обсуждать политику; ему хотелось насладиться своим триумфом, отдохнуть после славного завершения борьбы за власть над Новгородской Вольницей, быть может даже потешить себя надеждами, что отныне никто из здешних именитых богатеев не посмеет «указать дорогу» ему или же его сыновьям... Впрочем, князь Ярослав был человеком деятельным и хорошо понимал, как важно ни на миг не выпускать из рук узд, коими управлял он подвластными ему землями и людьми, их населявшими.

— Не кручинься, владыка Спиридон! Коли вернулся я княжить в Новгород, то, не сомневайся, в беде я земли эти не брошу! — так ответил князь ему.

Но столь туманное обещание отнюдь не удовлетворило архиепископа. И Михаил Черниговский, придя княжить в Новгород, щедро сыпал разнообразными обещаниями — а что из того вышло? Что толку от добрых слов, ежели на деле князь Черниговский побоялся вступить в войну с Ярославом и позорно отступил, стоило только переяславскому князю созвать свою дружину?.. Нет, хотел Спиридон услышать более надежные заверения в том, что, с приходом князя Ярослава на эти земли, настанет конец всем напастям и страданиям народа!

— Как же не кручиниться, княже? Зело тяжело нам дались последние три години! Городская чернь от голода или в другие веси уходит или смутьянствовать начинает — зажиточные дома и лавки огнём жжёт, бояр как собак вешает на оградах, — продолжал повествовать Спиридон с возмущением. — Мало того, от всех напастей, обрушившихся на долю людскую, начал отступать народ от веры православной! Нет вспомоществования от бога христианского и слуг его — так говорит люд — так мы обратимся к богам древности, коим поклонялись предки наши! Понатыкали деревянных идолиц в лесу и ходят туда на поклонение, бесов тешут своим отступничеством! Коли так пойдет и дальше, то ослабнет вера православная на сих землях, одичает люд совсем, пошатнется основание Святой Софии!..

Князь Ярослав, недовольный его жалобами, бросил на архиепископа тяжелый взгляд.

— Сказал же я, что горести народные я унять собираюсь! А раз сказал, значит, сделаю! — сурово проговорил он. — Но ежели надобно тебе, владыка, немедля узнать, что я делать собираюсь — то скажу тебе прямо, что замыслил. Открою я пути торговые через Волок Ламский и Торжок, чтобы к зиме подвезли купцы хлеб в Новгород. Окромя этого, призову я в Новгород немецких купцов — у них нынче урожай на славу удался! — по первому зову моему приплывут они сюда на шнеках, полных жита. Не пропадет Новгород этой зимой, не печалься!

Спиридон истово перекрестился, довольный его ответом.

— Хвала тебе, княже Ярослав, за мудрость твою и милосердие! — пробормотал

архиепископ почтительно. — Опора ты наша и защита! Пропали бы мы без тебя, сгнули бы в водовороте бед и горестей...

Александр, внимательно слушавший отца, почувствовал легкое — едва ощутимое! — но все же облегчение. Значит, отец сменил гнев на милость и собирается остановить голод в новгородской земле!

Жестоковыйный Ярослав Всеволодович, которого все вокруг обвиняли в бессердечии и сребролюбии, воспитывал своих сыновей под стать себе: приучая их смотреть на беды мирских людей свысока, драть с подданных три шкуры и ставить княжеские интересы поперед народных. Княжич, заседаая в гриднице рядом с отцом, когда тот судил-рядил да принимал послов, гонцов и выдвигенцев от бояр, привык равнодушно внимать рассказам о бедах и напастях, о неурожаях и наводнениях — памятуя о наставлениях отца о том, что князю негоже вестись на уловки хитрецов, не желающих платить дань или протестующих против княжеского притеснения. В глазах Александра любое решение отца являлось конечной истиной, но по приезду в Новгород шевельнулось что-то в душе мальчика — испытал он непривычное ему чувство сострадания, увидев, как вольный и некогда гордый новгородский народ вынужден униженно целовать землю перед копытами княжеского коня.

Поймав себя на таких странных мыслях, Александр тут же устыдился их. Как может он, сын князя, сострадать тем, кто в прошлом унизил их княжеское достоинство? Разве не прогнали новгородцы его отца три года назад, когда Ярослав призывал их вступить в его дружину и вместе идти войною на Ригу? Разве не пытались они похитить самого Александра и его брата, чтобы удерживать в заложниках до возвращения князя из похода? Разве не из-за дурных намерений новгородцев Александру и Федору пришлось срочно бежать из Новгорода и затем подвергать свою жизнь опасности, добираясь сначала до Смоленска, а потом до Переяславля-Залесского?.. Нет, новгородцы не заслужили сострадания — сами они навлекли на себя княжеский гнев!

Александр задумчиво посмотрел на нетронутое блюдо перед собой. Из-за чего он отказался есть? Из-за жалости к новгородцам?.. Узнай отец о его мыслях, то, несомненно, назвал бы его недостойным воинской и княжеской доли! Воинской — потому что голодающий воин ослабевает и в битве не может сражаться в полную силу. Княжеской — ибо князь должен руководствоваться не жалостью и сердечным волнением, а холодным рассудком и твердым расчётом. Отец являлся для Александра небом и землей и не было для княжича никого важнее и влиятельнее на всем белом свете — и страшнее смерти для него было осуждение отцовское! Потому не имел права он, как сын Ярослава, позволить себе слушать свое сердце! Мальчик взял ложку и принялся есть, наслаждаясь вкусом сытной и горячей пищи.

Князь Ярослав, откинувшись на спинку резного кресла, с удовольствием прислушивался к тому, как скоморохи играют на гусях и флейте. Этим вечером ему хотелось отдохнуть душой! Он поглядел на своих сыновей, сидевших по его правую и левую руку, отмечая про себя, что каждый из них выглядит как будущий богатырь — это заставляло его отцовское сердце преисполняться гордостью за свое потомство.

Федор и Александр уже достаточно взрослые, чтобы учиться командовать дружиной и управлять подвластными землями — потому Ярослав впредь собирался брать их с собою в походы и разъезды, чтобы они могли понемногу овладевать необходимыми для князя-воина умениями. По древней традиции на тринадцатый-четырнадцатый год жизни княжича отцу

следовало провести сына через ритуал «крещения боем». А значит, через где-нибудь год Федор должен будет не просто сопровождать отца в военном походе, но и вместе с оружием в руках лично участвовать в сражении. Ну а потом настанет очередь Александра...

Князь задержал свой взгляд на Александре. Ярослав уже предвидел, как будет протестовать и гневиться второй его сын, едва услышит, что Федора отправляют воевать, а ему еще нужно ожидать своей очереди! Этот непоседа вечно стремится во всем обойти Федора, не желая признавать его старшинства. Как же в этом Александр походил на Ярослава! И эта схожесть, проявляющаяся в характере и поступках, будила в сердце князя Ярослава нежность по отношению к сыну, хоть он и старался это скрывать — и лишь иногда чувства, вопреки его воле, прорывались наружу.

Да, князь любил своего второго сына пуще других своих отпрысков. Ярослав старался не думать о своих чувствах слишком много, но, если на смертном одре кто-то спросит его, ради чего он прожил свою жизнь так, а не иначе, то он ответит: «Ради сыновей... Ради сына».

Когда появился на свет Александр, Ярослав почитался на Руси опальным князем. Князем, который проиграл решающее сражение в борьбе за власть и только милостью победителей не лишился своего маленького удельного княжества. Князем у которого отняли жену, словно у бесправного холопа. Князем, от которого его собственные родичи-князья требовали смирения и тихого прозябания в Переяславле-Залесском... И Ярослав действительно несколько лет жил так, как хотели от него победители, будто впад в спячку, подобно усталому медведю — но рождение сына, нареченного Александром, пробудило его от этого тяжелого сна.

Помнится, он держал на руках сына, вглядываясь в его серо-зеленые глаза и Ярослава пронзила мысль о будущем, которое ожидает Александра. Что он оставит своему сыну? Завещает Переяславль-Залесский, в обход старшинства Федора? Или, по традиции передав столицу княжества старшему сыну, выделит Александру город в глубинке удела, тем самым поставив его в зависимость от Федора, еще сильнее раздробив и без того небольшое владение и тем самым еще больше ослабив его? Разве такой судьбы он хотел для своего любимого сына?..

Вот тогда Ярослав принял решение бороться за власть на земле русской. Он готов был драться с кем угодно даже за толику власти и сажень земли! На сей раз он действовал мудро и основательно: ему нужна была сильная и преданная ему дружина — потому он не жалел для своих ратников ничего, тратя на содержание своей дружины куда больше, чем прочие князья на Руси. Благодаря этому вокруг Ярослава собрались лучшие воины, преданные ему как воеводе и господину, и его дружина начала внушать страх прочим князьям. И страх тот был оправдан — ибо больше князь не проиграл ни одной битвы!

Именно желание заполучить как можно больше власти и тем самым сколотить наследство для сына, вынуждало Ярослава упрямо бороться за Новгород. Ради этого он без пощады морил их голодом и делал всё, чтобы никто не пришел новгородцам на помощь! Эта республика была землей без потомственной княжеской власти и Ярослав хотел удержать право княжить в Новгороде за собой, в расчете посадить здесь на княжение Александра, когда тот подрастет. Но чтобы принудить новгородцев принять Ярослава и его род как единственно возможных князей, нужно крепко утвердиться на этой мятежной, вольной земле. И если надобно будет заморить голодом две трети живых душ в Новгороде, сжечь их огнем или вырезать мечом — он пойдет на это не задумываясь!

«Мой сын, мой Олекса будет княжить здесь! А потом его сын и сын его сына!» —

размышлял Ярослав и в его душе пылали два всепожирающих огня: любовь к Александру и ярость, направленная на тех, кто стремился помешать ему претворить в жизнь задуманное.

Он перевел взор на новгородского посадника да бояр, восседавших за его столом — ярость в его душе была направлена на них. Это сейчас они смирились и признают его силу и верховенство. Но это двуличные собаки, коим нет веры! Как только покажется новгородским боярам, что накопили они сил, то сразу же они попробуют скинуть с себя иго княжеской власти! Нельзя этому позволить случиться! Нужно основательно поломать их всех да запугать, дабы и заикнуться не смели о том, что Новгород может обойтись без покровительства Ярослава...

Тем временем посадник Степан Твердиславович поднялся со скамьи и, держа в руках чашу с вином, произнес торжественные слова во славу князя Ярослава. Князь, милостиво улыбнувшись, кивнул ему и снова пригубил свой кубок в ответ, продолжая думать о своём:

«Здесь будет вотчина Александра, его княжий столец! А тех, кто встанет на пути у меня, я разорву и растопчу!»

2. НОВЫЙ ПОХОД

Недолго пришлось Ярославу спокойно сидеть на новгородском столе. Спустя две седмицы после прибытия переяславского князя и его дружины в Новгород, пришли недобрые вести из Смоленска: Михаил Черниговский, вернувшись в свое княжество, созвал дружину и вторгся в соседнее Смоленское княжество, взяв на приступ Можайск.

Славный град Смоленск переживал трудные времена после смерти досточтимого князя Мстислава, доброго друга Ярослава. На княжеский столец сел сын Мстислава — Ростислав Мстиславович — однако же разумением своим и умением управлять вотчиной он весьма уступал своему покойному батюшке! Мало того, что в самом Смоленском княжестве из-за княжеской междоусобицы нет порядка и ушкуйники без страха грабят селения, так под боком у Смоленска все наглее и наглее хозяйничают литовцы, разоряя веси и разграбляя земли. Положение в княжестве усугублялось страшным земным трусом, случившемся год назад и разрушившим до основания многие постройки в Смоленске, погубив при этом многих людей и вызвав пожары, а затем и моровой голод. Смоленское княжество ослабевало неумолимо и враги уже приглядывались к нему, выжидая время, когда можно будет отхватить от него кусок.

Михаил Черниговский, лишившись вида на Новгород, решил, как видно, попробовать попытать счастья в другой стороне! Можайск был лишь малым уделом в Смоленском княжестве и первым оказался на пути дружины Михаила. Не было сомнений, что на Можайске черниговский князь останавливаться не станет, а двинет дружину дальше, на Смоленск. Предвидя грозящую опасность князь смоленский Ростислав срочно отрядил гонца к князю Ярославу с мольбой о немедленной военной помощи.

Получив такие известия, князь Ярослав погрузился в глубокие думы.

Намерения черниговского князя были ему ясны и понятны, но Ярослав колебался, не будучи уверенным, как ему поступить. Придя княжить в Новгород Ярослав собирался заняться решением насущных вопросов: разобраться с подначальным Новгороду, но уж больно своенравным Псковом, пройти по всеям корелов и эстов, зачистивших с набегам на северные границы Новгородской вольницы, не говоря уже о том, что ливонцы на западе копят силы и не сегодня — завтра выдвинутся войной на русскую землю. Последнее дело виделось Ярославу особенно важным — нет сомнений, латиняне стали забывать вкус русского меча и чем скорее они его вспомнят, тем лучше.

Ввязываться в войну за смоленский княжеский столец Ярославу было совсем не с руки сейчас! Тем паче, что с наследником Мстислава переяславский князь не был связан ни узами дружбы, ни долгом чести — а вот с Михаилом Черниговским он заключил мир и договорился о бракосочетании своего сына Федора и черниговской княжны Улии. При таком раскладе заступиться за смоленского князя означало пойти против своего будущего родственника и союзника.

Однако ж имелись у Ярослава соображения в пользу вмешательства в войну Ростислава Мстиславовича и Михаила Всеволодовича. Как видно, оставив надежды закрепить на новгородском столе, Михаил решил попытаться заполучить смоленские земли и через то усилиться и обогатиться. А зная нрав Михаила, Ярослав мог предвидеть, что силу эту черниговский князь захочет использовать, чтобы помешать Ярославу распространять свою власть. Потому не выгодно было князю Ярославу преуспевание Михаила Черниговского!

Надобно князю Черниговскому указать, где его место — а место его подле ноги Ярослава, как смиренному слуге и даннику! А раз так, то придется вмешаться в брань между Черниговом и Смоленском.

— Отправьте гонца к князю Ростиславу. Сообщите, что дружина моя выступает ему в подмогу немедля! Не дам я в обиду сына моего сердечного друга Мстислава Давыдовича! — отдал он приказ гриднику Торопке Меньшому. Затем, посмотрев на своих советников-бояр и сыновей, прибавил с кривой усмешкой: — Ишь как судьба повернулась! Бегал от меня Михайло Черниговский, от сечи хоронился, но не выйдет ему уйти от меня на сей раз! Сделаю я так, что он землю пригоршнями есть будет.

Старший сын, с беспокойством слушавший его речь, вскочил с лавки и, торопливо поклонившись, заговорил с отцом:

— Позволь сказать, батюшка! Как же можно войной на князя Черниговского идти, раз он отдает за меня свою дочь?

Вопрос сына вызвал у Ярослава насмешливую улыбку.

— Что, неужто боишься без невесты остаться, а? — проговорил он небрежно. — Не тужи, коли не выйдет сыграть свадьбу с Улией, найду я тебе другую невесту — еще богаче и знатнее! Без доброй жены не останешься, Федор, обещаю тебе.

Пребывая в растерянности, Федор вернулся на лавку, а следом вскочил Александр.

— Отец, скажи, возьмешь ли ты нас собою? — воскликнул он взволнованно.

Ярослав тихо вздохнул, подумав, что Александру, конечно, не терпится своими глазами увидеть грядущую сечу с черниговцами. И ведь князь-отец и правда отныне собирался брать с собой старших сыновей в походы, дабы они набирались ума и постигали ратное дело. Однако сейчас Ярославу также нужно было закрепить на новгородском столце и приучить новгородцев к мысли, что ими будет править сперва он, а затем и его сын Александр. Нельзя уйти на войну и забрать с собой Александра после всего лишь двух седмиц прошедших с прибытия на княжение. Нет, надобно посадить сына в Новгороде в качестве княжеского наместника, оставив в Рюриковом Городище три сотни отборных дружинников для порядка и охраны.

— С собой я беру Федора, а ты, Олекса, и брат твой Андрей, останетесь наместниками в Новгороде, — объявил князь Ярослав. Видя, что сын собирается бурно запротестовать против такого решения, он строго прибавил: — Не перечь мне, Александр! Ты будущий князь и увидишь еще немало битв, но покуда мал ты возрастом, не тебе решать на какую сечу ты пойдешь! Посему выполняй моё веление: ты останешься на новгородском столце и, покуда я не вернусь из похода, будешь заправлять дружиной и княжить от моего имени! И ежели по возвращению я увижу, что ты славно выполнил мое поручение, то, даю слово, в следующий поход ты отправишься по правую руку от меня.

Александр упрямо поджал губы и видно было, что не хочет он мириться с отцовским решением. Но князь-отец глянул на него столь выразительно, что благоразумие все-таки возобладало в мальчишке и он, слегка побледнев от огорчения, сел обратно на лавку.

Ярослав же, встав с кресла, дал знак своим советникам вместе с ним подойти к стене гридницы, где висел, растянутый на деревянной раме, большой пергамент, изготовленный из плотно прошитых и склеенных между собой нескольких кусков добротной воловьей кожи. В ширину пергамент достигал двух с половиной сажений, в высоту был не меньше полутора. На пергаменте этом были красной, синей и зеленой красками начертаны земли Новгородские вместе с её данниками и соседними княжествами. Недолго князь и бояре

совещались, решая, каким путем им быстрее и проще будет добраться до границ Смоленского княжества. Выбрав одну из торговых дорог, проходящих между реками Двиной и Волагой, которая позволит не тратить время на переправу конницы через водную преграду, князь Ярослав отдал приказ поднимать дружину в поход.

Закончив совет, Ярослав распустил бояр и подозвал к себе одного из гридников — мужа, уже достигшего почтенного возраста и не слишком подходящего для поля брани, но известного своим глубоким умом и обширным пониманием княжеских дел.

— Тебя, Яким Матвеевич, ставлю я тиуном(1) при сыновьях моих Александре и Андрее. Разбираешься ты и в делах политических и торговых, потому обязываю я тебя следить крепко за исполнением моих указов в Новгородской Вольнице и учить уму-разуму моих отпрысков. Особенно учи Александра, пусть вникает в то, как дела княжеские ведутся и как надобно следить за исполнением законов!

Гридник земно поклонился своему господину и выдохнул:

— Благодарствую за такую честь, князь! Клянусь, не обману доверия и всё сделаю, как ты приказал!

Закончив раздавать указания, Ярослав, наконец, взглянул на сыновей.

— Нечего рассиживаться тебе, Федор. Дружина не станет ждать тебя одного! — обратился он к старшему сыну. — Чтобы завтра к условленному часу был ты готов и сидел на коне!

— Слушаюсь, батюшка! — пришлось Федору снова вскочить с лавки и раскланяться перед отцом.

Отец в сопровождении свиты покинул гридницу, а трое братьев остались одни. Александр поднялся с лавки и, хмурая брови да кусая сердито губы, приблизился к расписной карте. Замерев подле нее, он стал разглядывать линии и точки, обозначающие границы княжеств, торговые пути, реки и волоки. В который уже раз он невольно подивился тому, насколько обширны владения Новгородской вольницы: от берегов Варяжского моря(2) на западе и Дышючего моря(3) на севере и до Югорских хребтов(4) на востоке. Переяславль-Залесский и принадлежащие ему земли смотрелись лишь маленькой кляксой по сравнению с владениями Новгородской республики!

— Только и глядеть на нарисованное тебе и остается, Олекса! Тебя ж отец с собой не берет! — заговорил вдруг Федор хвастливо, продолжая сидеть на лавке. — А я пойду во главе дружины с батюшкой, да потешусь, погляжу, как воины наши сражаются с врагами!

Александр не оглянувшись, сделав вид, что не слушает брата, но плечи его напряглись.

— Видишь, каковы владения Новгородские? Богатые земли это! Потому батюшка так управлять ими желает! А наш батюшка — кремень! Подомнет он новгородцев под свою пяту, оставит за собой право княжить в Новгороде — я от бояр это слышал, — не умолкал между тем Федор. Чувствовал он себя воодушевленным: отец взял его в военный поход, оставив младших братьев в Рюриковом Городище, и теперь у него будет повод от души покичиться этим. Тем более, что знал он точно, что участвовать в сражении он не станет, ибо мал еще, а будет следить за битвою издали в полной безопасности. И хотелось ему поддеть Александра, умерить его гордыню. Вот он и начал болтать, не думая о том шибко о том, к какому исходу приведу его неосторожные слова: — Ну а я, как первенец его, сяду на новгородский столец и буду править и в Переяславле-Залесском и тут. А ты, как малый брат, будешь ходить под моим началом да приказы мои исполнять...

Александр резко повернулся к нему и Федор, испугавшись его взбешенного взгляда,

утратил дар речи.

Запоздало старший княжич осознал, что сдуру наговорил лишнего, позабыв на миг, насколько вспыльчив его младший брат и как тяжела у него рука. И раньше, до того кормильцем Александра стал Мусуд, младший то и дело колотил Федора — ну а после того как за его воинское воспитание взялся татарин, то связываться с Александром стало просто опасно. Проклятый Мусуд научил своего питомца таким приемчикам, что справиться с ним не было никакой мочи!

И кто потянул Федора за язык, а?.. Заносчивость выиграла в старшем княжиче, вот он и потерял осмотрительность! Мысль, что он стал уже настолько взрослым, что отец берет его на войну, оставив при этом Олексу вместе с молокососом Андреем, раззадорила Федора, вот он и наговорил лишнего. Насколько опрометчивыми оказались высказанные мысли, Федор понял, когда Александр схватил его и с такой силой швырнул, что тот пролетел половину гридницы, прежде чем рухнуть на спину и удариться затылком. Андрей, перепуганный стычкой братьев, лишь сдавленно вскрикнул и сжался в комок, опасаясь и на себя навлечь гнев Александра.

— Ходить под твоим началом? Не дожить тебе до этого! — рявкнул Александр настолько яростно, что еще пуще напугал брата.

«Он и вправду меня погубит!» — подумал в ужасе Федор и окончательно струхнул.

Он сделал то, что делал обычно, после того как доводил брата до белого каления — что есть силы бросился наутек. Выскочив из гридницы в сени, Федор промчался в сторону гульбища(5), а оттуда, желая найти надежное убежище от гнева брата, заскочил за дверь смотрильни — прогулочной башни, пристроенной к княжеским хоромам, для надежности закрыв изнутри дверь на деревянный засов.

Александр, подскочив к двери, толкнул её и, поняв, что она заперта, зарычал от ярости. За дверью послышались торопливые и тяжелые шаги по ступеням — Федор убежал наверх, на крышу башни. Александр, не желая прекращать погоню и отказываться от намерения поколотить старшего брата, огляделся по сторонам и придумал, как ему преодолеть преграду. Скинув с себя кафтан, он перелез через борты гульбища, оказался возле стены башни и, ухватившись на выступающие по углам восьмирека (6) концы брёвен, полез наверх. От дождей, ливших с хмурых небес всё лето, бревна, из которой была сложена башня, распухли от влаги и покрылись скользким налётом, но Александр ловко цеплялся за малейшие выступы и упрямо карабкался вверх.

Кто-то из дружинников, заметив фигуру княжича на стене башни, закричал, обращая внимание окружающих на него. Мусуд, поджидавший Александра на крыльце гридницы, услышав крики, выбежал на двор и, глянув наверх, охнул и взволнованно всплеснул руками:

— Куда лезет, непоседа!

Он побежал в хоромы, расталкивая попадавших по пути гридников и челядинцев. Перепрыгивая через ступеньки, Мусуд миновал подклет(7), выбежал на гульбище и вскорости оказался у двери, ведущей на верхний ярус смотрильни. Убедившись, что дверь заперта, татарин налег на нее плечом — и та с хрустом и треском поддалась натиску, провалившись внутрь. Выбив таким образом дверь, Мусуд устремился вверх.

Тем временем Федор, стоя на верхнем ярусе башни, с облегчением переводил дух и радовался тому, что удалось ему ускользнуть от рассерженного брата. Однако, радость его была недолгой — за его спиной появился Александр. Младший брат бесшумно подтянулся на руках, перепрыгнул через борт и ликующим возгласом бросился на Федора.

Ухватив Федора за ворот кафтана, Александр поволок обмершего от ужаса старшего брата к краю смотрильни. Бросив его спиной на борт, огораживающий башню, младший княжич навалился на него сверху, удерживая того за грудки. Фёдор оказался наполовину висящим в воздухе и только хватка Александра удерживала его от падения с высоты. Федор что есть силы закричал, в надежде призвать хоть кого-нибудь на помощь.

Наклонившись чуть вперед, младший княжич яростно прошипел в лицо ему:

— Не будешь командовать мной! — проговорил он с ледяной решимостью и повторил уже сказанные ранее слова: — Не дожить тебе до этого!

Казалось даже, что он готов разжать пальцы и позволить Федору упасть вниз. Мусуд, поднявшись на смотровой ярус, тут же бросился к княжатам и одной рукой ухватив Александра, а другой Федора, оттащил обоих от края башни. Когда татарин оторвал Александра от брата, то Федор плюхнулся задом на пол — от страха у него отнялись ноги. Младший княжич, возмущенный вмешательством кормильца, начал было вырываться из его рук:

— Пусти! Я еще не проучил его!

Но Мусуд, продолжая крепко удерживать его, заговорил примирительным тоном:

— Уйми гнев, Олекса! Негоже князю терять голову от чувств и творить беду, чтобы потом сожалеть о ней, когда разум перестанет горячиться!

Его слова возымели силу над Александром. Поглядел княжич на своего кормильца — на его изуродованное ударом витня лицо — и вспомнил, что случилось в прошлый раз, когда гнев застлал ему разум. Разве не устыдился он своего поступка потом? Разве не сожалел горько о том вреде, который он причинил своему наставнику, которого ценил и глубоко уважал? Разве не обещал Александр сам себе, что впредь постарается сдерживать свою ярость?.. Кроткое, но справедливое наставление Мусуда подействовало на Александра как ушат ледяной воды. Младший княжич сразу как-то сник и успокоился, опустив взор в пол. Поняв, что ему удалось убедить подопечного отказаться от своих недобрых намерений, Мусуд наконец выпустил его из своей хватки.

— Все ли в порядке, княжич? Не ушибся ли? — обратился татарин к Федору.

Тот моргнул ошарашенно и, ничего не ответив, с трудом встал и поспешил убежать по лестнице вниз. Мусуд проводил его внимательным взглядом, подумав о том, что, несмотря на пережитый старшим княжичем страх, волноваться не о чем: Федор постыдится жаловаться на брата князю-отцу, ведь тогда княжий двор поднимет его на смех — надо же, старшего поколотил младший!

— Стряслось-то что, Олекса? — спросил кормилец, повернувшись к подопечному.

Александр стоял у борта башни, упершись в него руками и смотрел на двор перед княжескими хоромами, где суетились люди, на крыши изб и конюшен, коими было застроено Рюриково Городище, на сторожевые башни и прясла крепостной стены, опоясывающей Городище, на водную гладь реки и кромки деревьев. Порывистый ветер, пахнувший дождем и осенью, трепал темно-русые волосы мальчика и те, падая ему на лицо, скрывали его горящий взор.

Приблизившись к мальчику, Мусуд тоже оперся на борт.

— Олекса?

Мальчик с заметным трудом перевел дыхание, прежде чем откликнуться:

— Болтает он много, вот я и захотел окоротить ему язык, — ответил он нехотя.

— И чего ж такого болтает?

Александр поморщился, чувствуя закипающий в сердце гнев, ему пришлось вновь переломить себя, чтобы сохранить спокойствие.

— Говорит, что когда станет князем, то будет сидеть на стольце в Переяславле и здесь, в Новугороде — а я буду у него на посылках.

Теперь Мусуду стала ясна причина стычки двух братьев! Конечно, Александру с его-то гордостью и своеволием нелегко такое услышать из уст старшего брата! А меж тем, всё, что наговорил Федор, являлось правдой. По закону старшинства Федор после кончины Ярослава получит большую часть достояния отца. А что младшие сыновья Ярослава?.. Им останется быть подданными старшего и, при хорошем раскладе, получить небольшие городки или веси для прокорма и прозябать там.

— Брось горячиться, Олекса! Кто знает, как судьба повернется? Не кручинься поперед времени, — стремясь утешить подопечного, мягко заговорил Мусуд. — Ежели вырастишь мастистым воином и станешь непобедимым полководцем, то без своего удела не останешься! Кто-то будет призывать тебя добровольно, желая твоей защиты, а кого-то ты победишь в битве и будешь ими править на правах силы. Разве не так поступает твой батюшка, пресветлый князь Ярослав? Разве не знает его грозное имя вся Русь? Разве не боятся его гнева враги? Разве не призывают его княжить, дабы оказаться под крылом его?

Княжич не повернулся к нему, но лик его заметно просветлел.

— Ты прав, Мусуд, — поразмыслив, согласился он. — Я сам решаю свою судьбу.

Не успел кормилец похвалить его за мудрость, как Александр, задорно усмехнувшись, заявил:

— Скучно сидеть в хоромах! Вели седлать коней, поедем на охоту! Посмотрим, кто добычу побогаче привезет! — и, не дожидаясь ответа Мусуда, бегом направился к лестнице.

---

(1) Княжеский управляющий делами

(2) Балтийское море

(3) Белое море

(4) Уральские горы

(5) Терраса

(6) Восьмигранный деревянный сруб

(7) Нижний нежилой этаж строения

3. ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Миновал Покров Пресвятой Богородицы и, согласно старой традиции, новгородцы больше не выходили в поля для уборки урожая и начинали ждать прихода зимы. Уличные посиделки и гуляния, обычно длившиеся все лето — и не заброшенные даже из-за неурожая — прекратились, и юноши и девицы, охочие до бесед и танцев, по вечерам начинали собираться в избах.

Эта осень, пришедшая в новгородские земли, больше не сулила людям голода и лишений. Князь Ярослав сдержал свое слово и открыл торговые пути, идущие через Волок Ламский и Торжок, а также призвал с запада немецких купцов, тем самым наполнив до верха городские житницы и обеспечив Новгород хлебом на всю зиму. Теперь и стар и млад могли не бояться долгих холодов и зимней темени, доселе грозивших новгородцам неминуемой голодной смертью. Новгород оживал, наполнялся силой и удалью, несмотря на угасание природы перед первыми морозами. Архиепископ Спиридон не забывал в своих проповедях славить имя князя и призывать народ к благодарности и смирению перед княжеской властью.

В конце каждой седмицы Спиридон присылал в Городище кого-нибудь из церковных служек с приглашением на проповедь. Александр, подобно своему отцу, никогда не проявлял особенной набожности и если и осенял себя крестом, то только потому, что того требовала традиция. И он совсем не хотел тратить время на выслушивание речей про житие библейских патриархов, божьи кары за прегрешения и грядущий Армагеддон — обо всем этом он и так слышал много раз. Но тиун Яким убедил его, что князь должен быть дружен с высшим церковным духовенством, так как церковь есть необходимая подпора княжьего столца — и потому Александр стал исправно приезжать в Софийский собор на воскресные богослужения, заслужив тем самым одобрение архиепископа.

Куда более занятным, чем выслушивание проповедей, Александр находил посещение ремесленных улиц. Здесь, в столице Новгородской Вольницы, каких только ремесленников не водилось! Особенно княжичу нравилось знакомиться с ремеслами, которых не имелось в Переяславле-Залесском — к примеру, в Новгороде производилось стекло. Именно Новгородские земли славились месторождениями особенной глины, из которой производились прочные горшки, которые выдерживали нужный уровень жара, необходимый для выплавки стекла. Если Александр не был занят обучением метафизическим наукам, не решал дела в гриднице и не уезжал на охоту с Мусудом — то он обязательно стремился попасть в ремесленную мастерскую и получить от местных умельцев какой-нибудь полезный урок. Любознательность княжича и его неспесивое поведение заставляли простой люд диву даваться — как же так, отпрыск княжеского рода, а не совсем не ленив и не заносчив!

— А княжич-то не только мечом махать да командовать может! Смотри-ка, как простой смертный, меха(1) дует у печи! — шепталась чернь, видя, как княжич возится у горнила в стеклодувной мастерской.

Выполняя наказ отца, Александр, старался исправно исполнять княжеские обязанности. Когда нужно было он вместе с братом усаживался на кресло возле пустующего княжьего столца в гриднице и под присмотром тиуна Якима Матвеевича принимал вестовых и делегатов от боярской клики. Вестовые докладывали о том, как обстоят дела в пограничных

новгородских землях, не нарушаются ли установленные границы, исправно ли платятся подати с подначальных городов и весей. Бояре, в свою очередь, без устали роптали на завышенные поборы Ярослава и не забывали напомнить, что Новгород сполна платит содержание князю и его дружине — а сам князь-то уехал на чужую войну, обязательства свои забыл, дел не решает, всё бросил на самотёк!

Меж тем, отсутствие князя Ярослава всё более затягивалось.

Ярослав, войдя в Смоленское княжество, разбил войско Михаила Черниговского и гнал его до самого Чернигова, где неудачливый князь заперся за стенами детинца и приготовился выдержать осаду. Великий князь Владимирский — Юрий Всеволодович — узнав о деталях распри между младшим своим братом и Михаилом Черниговским, неожиданно-негаданно принял сторону Ярослава и выслал дружину в помощь. Объединенные силы двух князей быстро сломили сопротивление черниговцев и заставили Михаила сдаться на милость победителей.

Ярослав, вняв просьбе Юрия быть снисходительным к проигравшему, пощадил беспокойного князя, удовольствовавшись лишь разграблением Чернигова и унижением Михаила, коего он заставил встать на колени и поцеловать землю у своих ног. Простив таким образом своего врага, переяславский князь пообещал не разрывать договоренность о свадьбе Улии и Федора, при условии, что Михаил больше не рискнет смотреть в сторону земель, входящих в круг интересов Ярослава. Конечно же, Михаил дал такое слово — после чего распря была закончена.

Но на этом военные дела Ярослава в чужих княжествах не закончились. Едва отгремела битва за Чернигов, как ко двору князя прибыли посланцы из Полоцкого княжества от князя Святослава Мстиславовича. Тот, после изгнания со смоленского княжеского стола и неудачной попытки отнять власть у наследника Мстислава Давыдовича, смог закрепиться на полоцком княжеском столе. Однако порядка в новообретенном княжестве своими силами навести он не сумел — литовцы и немцы без стеснений нарушали границы и клали полоцкие земли под свою пята. Прознав о том, что князь Ярослав недалеко, Святослав спешно отрядил послов к нему с просьбами о подмоге.

В обмен на помощь, полоцкий князь обещал отдать Ярославу львиную долю военной добычи и впредь быть верным соратником во всех его начинаниях. Переяславский князь не смог устоять перед возможностью еще больше обогатить свою казну и потому внял призыву Святослава и двинул свою дружину в Полоцкое княжество.

Такие вести от отца приносили Александру княжеские гонцы.

На новгородские земли пришла ранняя зима — лютая и снежная — какая бывает в неурожайные годы. Белым снегом замело леса, поля и дороги; льдом за считанные дни сковало озеро Ильмень, а затем и воды реки Волхов, остановив судоходство. Но жизнь новгородцев, как и бойкая торговля, не остановились с приходом суровых холодов — едва лёд на реках и озерах стал достаточно крепким, как их стали использовать в качестве дорог. Всё так же направлялись в Великий Новгород купцы, везя обозы, набитые разнообразными товарами. Всё так же с утра до вечера гудели ярмарки на городских улицах и шумели потехи, устраиваемые для завлечения толпы в торговую сторону.

Александр же всё ждал возвращения отца, но вести получал неутешительные. Князь Ярослав не думал пока заканчивать поход против врагов Полоцкого княжества, так как убежден был, что еще не всю выгоду вытряс из литовцев и немцев. В своих посланиях сыновьям, Ярослав повелевал им вести себя примерно, помнить об отцовских наказах и

выполнять все наставления тиуна.

Княжич же, хоть и старался внимать опыту и мудрости Якима Матвеевича, но не мог не тревожиться из-за новостей, которые приносили ему вестовые. Те докладывали, что из-за голода и неурядиц в Новугородской Вольнице ослаб страх в боярах, заправлявших делами в Пскове и что те перестали содержать в порядке линию острогов(2), выстроенных на границах с латинскими землями. Псков по праву назывался младшим братом и боевым оплечьем Новугорода, первым вставая на пути латинян, когда те пытались распространить свою власть вглубь русских земель — и без этих острогов, тянувшихся с юга далеко на север, Псков да и вся Новугородская земля оказывались без защиты и предупреждения в случае нападения с западной стороны.

Новугородский князь не имел права вмешиваться в торговые и людские дела Новугорода и Пскова, но всё, что связано с воинским ремеслом, было в его власти — а потому Александр, как князь, чувствовал необходимость принять какое-то решение в вопросе острогов. Но тиун всячески отговаривал его от вмешательства в это дело, убеждая его, что не следует опрометчиво призывать псковитян к ответу.

— Обожди, княже! Псковские бояре — это не новугородские! Они кормятся от латинского стола и не боятся князя Ярослава так, как его боятся здесь, в Новугороде! Не нужно туда соваться, слепо поверив доносам. Еще оскорбятся они, совсем от Новугорода отпадут и присосутся окончательно к латинскому вымю! Давай дождемся возвращения князя Ярослава, пускай он своей светлой головой и великим разумением сам решит, что делать с острогами.

Александр, хоть и испытывал сомнения, до поры до времени прислушивался к Якиму. Тяжело было ему, одиннадцатилетнему отроку, понять, где в делах с хитрыми и потерявшими страх боярами нужно надавить силой, а где отступить и действовать в обход. Даже его отцу, князю Ярославу, не легко было совладать с псковским боярством! Княжич помнил, какими словами почти четыре года назад псковичи отказались поддержать его отца в походе на Ригу! Своими мыслями и сомнениями Александр мог поделиться только с Мусудом, только ему он доверял всецело.

Кормилец, внимая ему, как мог старался ободрить воспитанника:

— Эти города — что Новугород, что Псков — издревле почитаются мятежными, свободолюбивыми. Говорят, поселились здесь беглецы из какого-то далекого древнего города, который был уничтожен страшной бурей. Та буря иссушила их земли и сделала воду горькой как полынь. И те, кто пережил эту бурю, ушли оттуда и стали подыскивать новое место для жизни. И нашли эти земли. Потому Новугород так и зовется — ибо он Новый Город, отстроенный взамен старого, погибшего града. И оттого души здешних людей отличаются от душ прочих русичей, нет в них кроткости, нет трепета перед княжеской силой, но есть страсть к свободе, даже если за свободу эту им приходится платить кровью. Хочешь — не хочешь, но считаться с этим придётся. Даже батюшка твой, князь Ярослав, понимает это — потому и не торопится резать и жечь их, а хочет добиться от них смирения и повиновения через уразумение, что нужен он им как воздух и вода. И когда уяснят они это со всей твердостью — то уже не отпустят Ярослава с княжения, а если он уйдет, то будут умолять его вернуться.

Чувствуя сердцем, что Мусуд прав, Александр всё же вздыхал:

— Но как же быть с острогами?

— Авось ничего страшного не случится, латиняне и прочие псы, говорят, сидят пока что

смирно и дурного не помышляют. А раз так, то подождут остроги возвращения Ярослава в Новугород, ничего с ними не станется!

— А если отец, вернувшись, спросит, почему я разрешил вопрос и вместо того сидел без дела?

— Как же ты можешь решить его, коли не знаешь, насколько в самом деле плохи дела с этими острогами?

Княжич помолчал, обдумывая вопрос, потом ответил:

— Могу взять малую дружину и сам объехать остроги, посмотреть, правда ли они забыты и заброшены, — заявил он вдруг. — Лёд на реках встал, открылись зимние путища и можно борзо подняться по ним до Ладоги, а оттуда пойти вдоль границ вниз по течению рек и озёр, да и осмотреть остроги.

Теперь уже Мусуд встревожился, услышав такие мысли от воспитанника:

— Ты чего, Олекса! Князь велел тебе беречься опасности, а не лезть на рожон!

— Какая ж опасность, ежели ты сам сказал, что латиняне сидят тихо и носу не показывают? — с неудовольствием возразил княжич. — Да и не стыдно ли князю бояться владения свои объезжать?

— Если б только в латинянах дело было! Там, на путищах хватает опасностей! Где тамошние племена могут по дурости облаву устроить, а где и на зимовья ушкуйников можно напороться.

— Отец оставил мне дружину в распоряжение, отобрав лучших ратников, — парировал Александр рассудительно. — Уж они справятся и с лесными племенами и с ушкуйниками!

Стараясь не задеть гордость мальчика, татарин зашел с другой стороны:

— Ну а если князь Ярослав осерчает на тебя за самовольство? Если не оценит, что ты без дозволения его отправился смотреть остроги? Что тогда? Чем оправдываться перед ним будешь, а?

Доводы кормильца звучали убедительно. Вспомнились Александру и строгие отцовские слова: «Учти, Олекса, ежели еще раз нарушишь данное мне слово — взбучку всю оставшуюся жизнь помнить будешь!» И хоть не боялся он отца и, если нужно, готов был принять от него наказание за своеволие своё, но обрушивать на свою голову его гнев необдуманном поступком он всё же не желал.

С облегчением приметив, что удалось ему возвать к благоразумию мальчика, Мусуд мягко прибавил:

— Отправь князю донесение, изложи там всё по порядку.

— Отправлял уже, — снова вздохнул тот. — Ответа только не дождался.

— Так отправь еще. А ответ рано или поздно придёт.

Княжич вздохнул третий раз, но потом все-таки кивнул согласно.

— Хорошо. Так и сделаю.

Близилось Рождество Христово, когда у врат Рюрикова Городища появился конный отряд, сопровождавший сани, запряженные тройкой крепких лошадей. В санях сидел седовласый мужчина важного вида, облаченный в теплый тулуп, накинутый поверх песцовой шубы. Переяславские дружинники, несшие стражу у ворот, не пропустили отряд за крепостные стены, перегородив путь копьями и потребовали от главы отряда ответ — кто они такие и с чем пожаловали.

— Имя мое Борислав Радомирович. Кем я буду? Купец с псковской стороны! — горделиво сообщил седовласый всадник. — Прибыл я ко двору князя Ярослава

Всеволодовича с сокровенным известиями, весьма для князя полезными.

— Али ты не знаешь, что нет в Новугороде князя Ярослава? — таков ответ был стражи. — Не вернулся еще князь из похода в смоленские земли!

— То мне известно! Но дело мое не терпит промедления, — солидно проговорил приезжий. — Слышал я, что оставил он наместниками сыновей своих, княжичей Александра и Андрея, а так же тиуна над ними.

— Все верно!

— Так доложите им о моем прибытии!

В княжеские хоромы был отправлен служка с сообщением о неожиданных гостях с псковской земли. Ждать ответа Бориславу Радомировичу пришлось недолго, вскорости служка вернулся и передал приказ — пропустить купца за ворота и проводить в хоромы. Войдя в гридницу, купец оказался в просторном зале, обогреваемым большой изразцовой печью. Вдоль стен тянулись дубовые скамьи, предназначенные для советников князя и его милостников — сейчас, в отсутствие князя Ярослава, они пустовали. В дальнем конце зала возвышался княжий столец, а на лавке возле него сидел мальчик лет семи-восьми, очевидно, княжич Андрей. Рядом с ним стоял почтенного возраста мужчина, на груди которого висела, тускло мерцая при свете лучин, печать князя Ярослава Всеволодовича — значит, это был тиун Яким Матвеевич.

«Но где же старший княжич?» — успел подивиться купец, как в гридницу из боковых дверей вошел Александр.

Второй сын князя Ярослава, как видно, только зашел в хоромы с улицы — щеки мальчика разругались от колючего мороза, а на его теплых меховых сапогах еще остался снег. Как и сказывала народная молва — княжич обладал необычайно красивым ликом и ясными серо-зелеными глазами. Следом за княжичем вошел высокий и широкоплечий татарин с хитрым и пытливым взглядом — его лицо наискось пересекал багровый рубец, задевая веко, отчего один его глаз казался чуть меньше второго. Татарин остановился за креслом Александра, замерев в собранной позе, как подобает несущему службу воину. Про него Борислав Радомирович был наслышан — в народе сказывали, что татарин этот является доверенным лицом князя Ярослава, а также кормильцем и телохранителем княжича Александра.

Купец, сняв меховую шапку, принялся земно кланяться.

— Исполать вам, пресветлые князья! Долгих лет жизни вам и вашему отцу, светлому князю Ярославу! — проговорил он и, прибавив еще несколько фраз, прославляющих род Ярослава и его славные дела, седовласый мужчина многозначительно заявил: — Просил я передать, что известия я принес тайные, сокровенные. Их не должны слышать случайные люди! Потому прошу светлых князей, — он поглядел поочередно на Александра и Андрея, — удалить из гридницы лишние уши.

Брови Александра слегка приподнялись, выдавая его удивление, однако он все же кивнул, давая сигнал четырем дружинникам, охранявшим гридницу — те вышли за дверь и прикрыли за собой створы. Но татарин не вышел вместе с ними, вместо этого он приблизился к Бориславу Радомировичу и встал недалеко от него, у стены. Купец, конечно, понял, что княжий кормилец устроился напротив него не просто так, а для того, чтобы держать его под своим надзором и не позволить сделать ни одного лишнего движения в сторону Александра и Андрея.

— Так что же ты собирался поведать нам? — заговорил княжич Александр.

— Имя моя Борислав Радомирович. Родом я из псковщины, из старого купеческого рода, что испокон веков жили на этих землях. В Великий Новгород привели меня не только лишь дела торговые, но и желание предупредить князя Ярослава о назревающей в Пскове боярской смуте. Тревожные вести я принес для вашего досточтимого князя-батюшки! — степенно заговорил гость. — Бояре, управляющие городом и имеющие большие торговые дела с латинянами, замыслили недоброе — хотят они совсем отпасть от Новгорода и призвать к себе орден меченосцев из ливонских земель. Об этом бояре тайно шепчутся у себя в хоробах, совещаются, думают, как бы им сподручнее повернуть задуманное. Узнав о возвращении князя Ярослава на княжение в Новгород, застрашились бояре, что помешает он им открыть врата Пскова перед ливонцами! Боятся они, что прознает он про их планы да накажет сурово! Но даже так они не оставляют своих дурных намерений! Но пусть то, что я сказал, худо — но это еще не вся беда, о которой мне удалось прознать...

— Что еще тебе ведомо? — задал вопрос старший княжич, внимательно слушавший его речь.

— Соглядатаи шепчут, что латиняне замыслили войну против князей русских. Поговаривают, что в будущую годину или около того сам отец латинской церкви хочет дать благословение для этого! Говорят, будто соберутся все силы немецкие и пойдут огнем жечь нашу землю, да крестить народ православный в веру латинскую. А бояре псковские только тому и рады! Кому война, а кому мать родна! Вот так-то...

Пока Александр молчал, обдумывая услышанное, заговорил тиун:

— А тебе какой интерес выступать против псковских бояр? — обратился Яким Матвеевич к купцу. — Разве ты не из одной с ними клики?

Резкое обращение тиуна задело купца за живое, он сердито приосанился.

— Семи пядей во лбу не надобно иметь, чтобы твердо знать: латиняне не хотят, чтобы мы богатели, они хотят богатеть сами! Кто из бояр надеется разжиреть под их крылом — тот обманывается жестоко. Все, что принесут латиняне на землю псковскую — этот меч и огонь! Отнимут у нас все, что нажито, а ежели не захотим отдать по доброй воле — перережут всех без жалости. Знаю я это твердо! Потому и явился сюда! Без твердой княжеской руки скоро и псковские и новгородские земли с благословения бояр уйдут под власть латинян!

Яким Матвеевич хотел что-то ответить купцу, но Александр движением руки велел ему молчать.

— Благодарю тебя, Борислав Радомирович, что принес мне вести, пусть и не утешительные, — заговорил княжич ровным голосом. — Будь покоен, отец мой, князь Ярослав, узнает обо всем, что ты поведал мне. И поверь, он призовет предателей к ответу.

Купец, довольный услышанным, снова принялся земно кланяться.

— Слава князю Ярославу и вам, его сыновьям!

— Ступай с миром! — кивнул старший княжич ему благосклонно.

Когда дверные створы закрылись за купцом, Александр вскочил с кресла и решительным шагом пересек гридницу, подойдя к развешенной на стене карте. Княжич пристальным взглядом изучал карту, цепляясь взглядом за точки, обозначавшие остроги, контролировавшие водные и сухопутные торговые пути. Мусуд молча подошел к нему, уже догадываясь, о чем думает его воспитанник.

— Возьмем полсотни ратников на борзых конях и пройдем этим путем, — мальчик провел пальцем по линии, обозначавшей реку Волхов. — Поднимемся до Ладоги, до самых

рубежей, где кончается порядовка острогов. Оттуда пройдем по Водской Пятине к реке Нарове, — Александр указал на другую реку на карте. — Нарова впадает в Чудское озеро, которое выведет нас к Пскову. А от Пскова пройдем к Изборску и окажемся у низовья порядовки острогов.

Закончив излагать план, княжич наконец взглянул на Мусуда.

— Когда думаешь выступать в поход, княже? — только и спросил тот.

Александр вдруг сурово усмехнулся, становясь тем самым похожим на своего отца.

— Неужто даже отговаривать не станешь? — спросил он с некоторым лукавством.

— А зачем?.. Я по твоим глазам вижу, что тебя никакими речами не уговорить! — тяжело вздохнул татарин. — Но возьмем мы с собой не полсотни, а сотню дружинников, не меньше. Нужно нам готовыми быть к любой опасности в дороге, да и не забывай, что в псковщине тамошние бояре могут нас встретить ой как неласково!

— Твоя правда, — согласился с его доводами княжич. — Лучше взять сотню ратников для надежности.

Тиун Яким, прислушивавшийся к их разговору, поспешил вмешаться:

— Куда же ты засобирался, княжич? — спросил он растерянно.

— Я с малой дружиной отправлюсь проверить остроги, что выстроены на границах с латинянами. Нельзя откладывать на потом этот вопрос, ежели грозит нам опасность от латинских собак! — пояснил Александр, обернувшись к тиуну. — К тому же ранее уже докладывали мне, что часть из них находятся в упадке, а какие и вовсе брошены стражниками. Нужно убедиться в этом воочию. А в Новугороде пусть Андрей останется наместником, куда меня нет.

— Негоже тебе, княжич, в твоём-то возрасте, да еще без благословения отца отправляться на такие дела! — запротестовал Яким Матвеевич немедленно. — Князь Ярослав строго повелел мне беречь тебя, Александр, и брата твоего Андрея от любой опасности! Не можешь ты отправляться с дружиной в поход, не одобрит этого твой батюшка. Поставь во главе дружины бывалого ратника, опытного в своем деле, да и отправь с поручением, а сам в Городище оставайся.

Мусуд подумал, что предложение тиуна как нельзя лучше разрешает ситуацию: и остроги будут проверены и Олекса останется в безопасности, здесь, в Новугороде. Мысль, что Александр в походе может подвергнуться опасности, заставляла сердце татарина сжиматься от страха за непоседливого княжича. Однако ж, вместе с тем, понимал Мусуд прекрасно, что ежели Александр что-то вбил в свою голову, то тут уже ничего не поделаешь — всё равно ведь тот всё сделает по-своему! И раз уж княжич решил лично идти проверять остроги, то теперь его волю уже ничто не изменит...

Александр оглядел тиуна с ног до головы гордым взглядом, после чего изрёк:

— Мой отец поставил тебя советником при мне. И дело твое — давать советы, но не приказывать мне, как дела княжеские вести! — не спуская пристального зора с гридника, он сделал несколько шагов к нему и с нажимом проговорил: — Не навязывай мне свои законы! Я — князь! Я и есть — закон! Закон для тебя и всех остальных! Так что не забывай своего места, тиун!

Смотрелся княжич в этот миг настолько внушительно, что тиун против воли отступил перед им.

— Княже, не гневись! Кто же спорит, что слово твоё — закон? — пробормотал он смущенно. — Я только о твоей жизни беспокоюсь, ради блага твоего...

— Беспokoйся о моем брате, — холодно Александр кивнул в сторону Андрея. — А я сам по себе буду!

Мусуд слушал княжича со смиренной безнадежностью: он знал, что так всё и выйдет. Стоит только попробовать осадить Олексу, как он сразу же показывает княжеский норов и становится невыносимым гордецом — который, чуть тронь его, сразу вспыхивает аки огонь! Потому татарин и не попробовал даже отговаривать его от затеи с походом по острогам.

— Так когда же выдвигаемся, княже? — снова спросил Мусуд, желая ненавязчиво отвлечь Александра.

Тот перестал буравить Якима Матвеевича взглядом и посмотрел на кормильца.

— Завтра. Сегодня же распорядись, чтобы подготовили запасы нам в дорогу и выбрали коней повыносливей.

— Будет выполнено, — почтительно склонил голову татарин.

Княжич Андрей, доселе боявшийся сказать хоть слово и навлечь на себя гнев брата, все-таки решился заговорить:

— Зачем тебе ехать, Олекса? Вдруг батюшка осерчает на это?

Алекснадр бросил на младшего брата темный, непонятный взгляд, но не удостоил его ответом и поспешил покинуть гридницу.

---

(1) Меха — поддувальный инструмент для кузнечных и стеклодувных печей.

(2) Острог — фортификационное сооружение, опорный пункт, постоянная или временная населённая укреплённая крепость, несущая стражу на важных путях и границах.

4. ВДОЛЬ ОСТРОГОВ

На следующий день, едва тусклое зимнее солнце выглянуло из-за темной линии горизонта, малая дружина во главе с Александром выдвинулась из Рюрикова Городища. Княжич Андрей, оставшийся единственным наместником князя Ярослава в Новгороде, стоял на крыльце княжьих хором и провожал брата смятенным взглядом.

Не по себе было Андрею от мысли, что старший брат отправился в разведывательный поход, не прислушавшись к советам тиуна. Никак у младшего княжича не укладывалось в голове, отчего Александру не сидится спокойно в Городище, а всё тянет на рискованные затеи. В душе своей Андрей осуждал брата за то, что тот не внял наставлениям Якима Матвеевича и, вместе с тем, весьма завидовал смелости Александра. Зная, что в пути ему может грозить опасность, он все же возглавляет дружину; и понимая превосходно, что отец может сурово наказать его за своеволие, Александр все равно поступает по-своему. Хотел бы Андрей стать таким же решительным и не страшиться ни опасности, ни отцовского наказания!

— Эх, горячая голова у княжича Александра! Никакого сладу с ним нет! — тихо бормотал Яким Матвеевич, тоже смотревший вослед уходящей сотне дружинников. — И как же перед князем Ярославом буду отвечать за его дела? Как?.. Как пить дать, шкуру с меня князь снимет, когда узнает об этом! Точно снимет шкуру! Эх!..

Миланья вышла к воротам вместе с другими немногочисленными бабами, проживавшими в Городище — супругами приближенных к князю Ярославу гридников и милостников, которым князь дозволил сопровождать мужей — и так же, как и прочие жены, земно поклонилась княжичу Александру, когда тот проехал мимо. Княжич, конечно, даже не посмотрел в сторону баб, а вот Мусуд, чей конь двигался вровень с конем Александра, бросил мимолетный взгляд на жену. Поглядел коротко — и тут же отвел глаза, смотря только вперед, на открывающуюся перед дружиной дорогу.

Бабы стояли у ворот, покуда мимо не проехали последние ратники, после чего стали потихоньку расходиться. Миланья же еще долго глядела вдаль, будто надеясь еще увидеть хвост дружины, хотя та давно скрылась за поворотом дороги, уходящей через пролесок к скованной льдом реке. Рассеянным жестом она погладила свой живот — еще плоский и не выдававший её положения. Миланья и сама всего лишь несколько дней назад поняла, что находится на сносях. И она ничего не сказала о своем открытии Мусуду.

Не сказала вовсе не потому что хотела утаить от него эту весть! Её супруг, несомненно, будет рад узнать, что в своих летах обзаведется наконец-то потомством! Мусуд, как и весь прочий люд, считал Миланью бесплодной — ведь за годы супружества с Микулой Славичем, а затем в замужестве за Мусудом, она так и не понесла ни разу от мужей своих. Миланья же не разуверяла никого в этом, хотя знала твердо, что может родить — просто для этого еще не пришло время.

Да и как можно было разъяснить это тем, кто был далек от её языческого мира, что есть роковые законы, управляющие жизнью тех, кому суждено было уродиться колдунами да знахарями? Роковой закон, управляющий родом Миланьи, гласил: колдунья из её рода в нужный год сможет родить только раз и только девку, которой так же суждено будет стать колдуньей. Годы шли, а нужный год так и не наступал и порою Миланья начинала думать, что дитя так и не будет ей послано богами — но, вопреки её сомнениям, она все же смогла

понести от своего мужа. Это произошло после её переезда в Новугород. Наверное, поэтому Миланью так настойчиво тянуло в эти места, ибо здесь должна была зародиться жизнь в её чреве!..

Но, подарив ей долгожданное бремя под сердцем, боги ниспослали Миланье виденье.

Увидела она не глазами своими, а душой своею, то, что повергло её в ужас! Сперва узрела Миланья лишь весеннюю ночь — еще холодную, слякотную и на диво звездную. А потом ощутила она отчетливо, что пахнет в воздухе оттаявшей после суровой зимы землей и речной водой, уже освободившейся от ледового плена — только вот все эти ароматы перебивает жгучий, ядовитый запах огромного пожара. Потом взору её открылся вид на Новугород — великий, свободолюбивый град полыхал неистовым пламенем во тьме ночной и зарево от этого пожарища затмевало свет звезд. Она слышала громогласный звон колоколов, истошные людские крики и видела смятение на улицах города.

А затем перед её взором встало Рюриково Городище, вотчина новугородских князей. Разглядела Миланья многочисленные тени, подкравшиеся к стенам Городища под прикрытием ночи — тени эти без труда преодолели стены, пользуясь тем, что дозорные столпились в той части крепостной стены, где открывался вид на полыхающий губительным заревом Новугород. Одна за другой тени эти взбирались на стены и, подкравшись к потерявшим бдительность дружинникам, перерезали им глотки, не давая и пикнуть. Избавившись от стражников, тени спустились к воротам и, сняв засовы, распахнули их настежь. И тогда в ворота Городища ворвалась смерть.

Вспыхнули огнем избы внутри Городища, полилась горячая кровь. Теней, несущих смерть, было много — слишком много! — а княжеских воинов мало. Почему княжьих дружинников было столь малое число, Миланья не ведала, но отчетливо разглядела среди защитников Городища мужа своего Мусуда. Тот сражался с нападавшими тенями посреди двора, у крыльца княжьего терема — сражался отчаянно, бросая в бой все свои силы, всю свою ярость.

Миланья чувствовала отчаяние, переполнявшее сердце её супруга: во тьме ночной, окруженный вооруженными до зубов врагами, Мусуд не мог добраться до Александра — он не видел его, не знал, где он и что с ним. Он, пытаясь пробиться к княжьим хоромам, дрался как дикий зверь, сражая наповал своим кривым татарским мечом противников, но на место убитых врагов вставали всё новые и новые тени...

«Олекса!.. Олекса!..» — что есть силы крикнул Мусуд, бешено озираясь вокруг себя.

В голосе его звенел неприкрытый ничем страх. Страх не за себя и не за свой жизнь свою, а за Александра, который был где-то там, за пеленой тьмы и жгучего дыма. Мусуд надеялся услышать отклик Александра на свой призыв и понять, в какой стороне тот, но никто не ответил ему. В следующее мгновение одна из теней подскочила к Мусуду со спины и, молниеносно взмахнула огромным топором, собираясь разрубить его...

От ужаса Миланья лишилась чувств и упала прямо на пол в избе.

Сколько она провалялась в беспомощности, она и сама не знала — а когда пришла в себя, то долго еще не могла подняться на ноги и всё сидела и лила горькие слёзы. Неужто Мусуду суждено погибнуть в кровопролитном бою, которому должно случиться этой весной?.. Неужто Миланье опять придется потерять того, кого она любила и поклялась называть своим мужем? Нет, не хотела она утратить Мусуда так же, как утратила когда-то своего первого супруга Микулу Славича!

— Не отдам я тебе, матушка Смерть, Мусуда! Не отдам! — шептала Миланья

обескровленными губами, раскачиваясь из стороны в сторону. — Не отнимешь ты у меня мужа, а у дочери моей отца!

Тогда она приняла решение: необходимо придумать, как обхитрить злой рок.

Когда в тот вечер Мусуд вернулся домой, Миланья ни словом, ни делом не выдала своего угнетенного состояния духа. Из всех сил скрывая свою сердечную боль она, как это бывало прежде, ласково встретила супруга, усадила его за стол, хозяйничала у печи, угождала всячески ему. И Миланья ни словом не обмолвилась о том, что отныне носит под сердцем дитя. Рано еще об этом говорить! Сперва нужно сообразить, как увести Мусуда из-под меча, что навис над его головой...

Проведя бессонную ночь подле спящего мужа, Миланья какие только думы не передумала!

Что она могла сделать, чтобы предотвратить грядущую жестокую сечу в стенах Городища? Предупредить княжича Александра или даже отца его, князя Ярослава? Попросить того не оставлять этой весной Рюриково Городище без надлежащей охраны? Да кто ж из них поверит ей! Неужто они послушают какую-то бабу, пусть и слывущую ведьмой? Никто ей не поверит, даже она станет кричать о том, что должно случиться... Нет, единственное верное решение — сделать так, чтобы этой весной Мусуд уехал прочь из Рюрикова Городища!

Но как того добиться?..

Прямо и откровенно поведать мужу о своем видении и упросить того уехать вместе с ней из Новгорода в Переяславль-Залесский? Нет, Мусуд не поверит ей, посмеется только над страхами своей жены. А даже если и поверит, то ни за что не согласится бросить княжича Александра! Он останется подле своего воспитанника вопреки мольбам своей жены, и, когда наступит страшный час резни, окажется в гуще бойни — и примет смерть, пытаясь оборонить Александра от врагов.

Нет, нельзя действовать напрямую! Нужно обманным путем увести Мусуда из Новгорода — так, чтобы он ни сном ни духом не догадывался о грядущем нападении на Рюриково Городище. Но как, как?.. Сказать Мусуду, что она хочет возвратиться в родной дом и там разродиться от бремени — и под таким предлогом упросить мужа отвезти её назад, в Переяславль-Залесский? Тоже не выйдет! Мусуд не согласится даже ради их будущего дитя отлучиться от Александра.

Потом Миланью осенило. Заводить речь о возвращении домой нужно отнюдь не с Мусудом, а с господином его Александром. Если княжич согласится отправить её в Переяславль-Залесский в сопровождении мужа, то Мусуд не посмеет воспротивиться повелению свыше. Откажет ли ей Александр? Нет, не откажет, решила Миланья. Догадывалась она, что Александр, хоть и старается во всем походить на батюшку своего, но сердцем еще не зачерствел и таится в этом сердце вина за то, что он в порыве гнева хлестнул Мусуда по лицу! А раз так, постарается Александр хоть как-то угодить Мусуду и его жене. Да, княжий сын выполнит её прихоть!

На короткий миг Миланья задумалась о том, какая судьба ждет её и Мусуда, если княжич Александр погибнет в ту грядущую кровавую ночь. Князь Ярослав не простит своему гриднику гибели сына. Но и это казалось женщине делом вполне решаемым! Ежели станет известно о том, что княжич погиб, то бросят они с Мусудом дом и покинут навсегда Переяславль-Залесский. Обустроиться можно и в любом другом месте, так сочла Миланья.

Склонившись над спящим мужем, она принялась разглядывать его умиротворенное

лицо. Осторожным движением, так, чтобы не нарушить его сон, Миланья прикоснулась кончиками пальцев к шраму, оставленному ударом княжеского витня. Княжич заслужил остаться без защиты в ту роковую ночь! Александр, впад в буйство, ударил того, кто бережет его как зеницу ока и готов без раздумий отдать за него жизнь. Так пусть княжич Александр получит достойное воздаяние за свой проступок!

— Так даже лучше будет. Теперь, нося под сердцем твое дитя, я уразумела это... — шептала Миланья, челом своим прижимаясь к груди мужа. — Слишком ты любишь его! Даже если б я могла тебе родить сына, а не дочь — ты бы и сына нашего не любил так крепко, как любишь Александра. А так не должно быть!..

Дружинники закрыли ворота Городища и стук от опускаемого засова заставил Миланью вздрогнуть и выйти из глубокой задумчивости, в которую она погрузилась с головой. Она осталась одна у врат, все прочие бабы уже давно разошлись. Неторопливым шагом она направилась к избе, которую определили им с Мусудом для семейного проживания.

Она не переживала, что с Мусудом может что-то приключиться в нынешнем походе. Нет, он вернется благополучно! Не настал еще роковой час. Пока еще в разгаре зима, до весны далеко, а значит, волноваться рано. Покуда весна не растопила глубокие снега на земле и не согнала лёд на реках и озерах еще есть время. Еще есть время...

Александрова дружина двигалась к низовьям реки Волхов борзо, невольно ошеломляя попадавшиеся по пути купеческие санные обозы, идущие по торговому пути, зовущемуся издревле дорогой «из варяг в греки». Торговые люди, следующие по замерзшей реке в сторону Новгорода, почтительно сторонились, пропуская вооруженный отряд и шептались о том, что впервые за последние четыре года кто-то из князей, сидящих в новгородском столце, решился показать нос из Рюрикова Городища да пройти по этим местам.

Торговля на Волхове была бойкой, а берега её заселены многолюдно — оттого все остроги, построенные еще в седую старину первыми князьями, содержались исправно. Деревеньки, выросшие под укрепленными крепостными стенами острогов, исправно снабжали несущих стражу боевые отряды житом. А сами дружинники, проживающие в крепостях, не забывали о необходимости набирать новых ратников из местных племен и обучать их воинскому ремеслу. Даже голод, бушевавший на югах Новгородской области три года подряд, не нарушил установленного военного порядка в этих местах. Мусуд, которого Александр назначил старшиной, осматривая новгородские остроги, нахваливал перед княжичем преданность острожных воевод своему долгу.

Миновав Ладогу, Александр свернул у Невы и, оказавшись в Водской Пятине, двинулся по ей в сторону реки Нарова. Покуда продвигался отряд по землям Новгородской вольницы, не было у Александра повода сердчать на то, как заправляли воеводы острогами. Но как только вышел отряд к Нарове, где пролежала граница между псковскими землями и новгородскими, то княжич заметно помрачнел — вестовые не лгали, сообщая о том, что псковские власти перестали держать в порядке линию обороны своей земли.

Здесь, на переменчивой реке Нарова, с ее мирным и раздольным течением в одних местах, и порогами да водопадами в других, не было безопасности ни для купцов, идущих торговыми путями, ни для простого люда, жившего на речных берегах. Объехав несколько северных псковских острогов и найдя их брошенными, Александр направился вверх по

течению Наровы и перед ним открылось зрелище ослабевшей от беззакония земли — потерявшие страх разбойники, поставив свои ушкуи на зимовье, устраивали пешие облавы на прибрежные веси и торговые обозы. И некому было приструнить ушкуйников, ведь пустовали без стражи остроги, должны защищать торговые пути и здешний мирный люд от набегов.

— Дурни стоеросовые псковские бояре! — угрюмо бормотал Мусуд всякий раз, когда доводилось проезжать мимо сожженного селения или разграбленных обозов, вокруг которых валялись вмерзшие в лёд мертвецы. — Таковую землю разбазаривают! Такие дороги торговые на поток отдают!

Александр слушал кормильца молча, но глаза его поблескивали недобрым огнем.

Ночевки на псковских землях отряду приходилось устраивать где попало — то останавливаясь в заброшенных острогах, то ночуя в сожжённых деревнях, а то и вовсе под открытым небом. Мусуд всякий раз выставлял усиленную стражу вокруг становища, опасаясь нападения лихих людей на отряд. Но до поры до времени с ушкуйниками они не встречались.

На подходах к Чудьскому озеру княжеский отряд нагнал один из торговых обозов, двигавшихся по льду в сторону Пскова. Издали дружинники заметили темную точку на слабо припорошенном снегом льду Наровы — это был хвост обоза, в котором ехали четверо вооруженных мечами и копьями ратника, нанятых купцами для охраны в пути.

Когда между отрядом Александра и обозом оставалось не больше версты, как доселе прямая Нарова делала поворот вправо, скрываясь за подступающим к реке густым сосновым бором. Когда торговый обоз, следуя за изгибом речного русла, тоже свернул и скрылся за плотным строем высоких столетних сосен, колючий зимний воздух прорезал залихватский ушкуйничий свист. Мусуд тут же поднял руку, подавая сигнал отряду немедля остановиться.

— Ушкуйники облаву на обоз устроили! — сказал он и повернулся к Александру. — Что делать будем, княже?

Княжич, прищурившись, смотрел туда, где за поворотом в этот миг разгорелся бой между охранниками обоза и разбойниками. Лесные заросли не позволяли увидеть самого сражения и нельзя было понять, какими силами обладают ушкуйники. Впрочем, это совсем не смутило Александра — напротив, взор его вспыхнул предвкушением.

— Нагнать обоз и перерезать всех ушкуйников! — ответил княжич с железными нотками в голосе.

Предвидя, что княжич сам захочет повести отряд на бой, Мусуд тут же схватил его коня за узду.

— Ты, княже, останешься позади! Негоже тебе самому лезть в драку, — решительно заявил он. — Сам знаешь! Князь Ярослав запретил тебе рисковать. Не гневи батюшку своего понапрасну!

Лицо Александра исказила гримаса злости и разочарования, однако на сей раз он не попытался ударить Мусуда витнем и через то освободиться от его сдерживающей хватки. Усилием воли поборов свои буйные чувства, мальчик согласно кивнул кормильцу, признавая его неоспоримую правоту.

— Веди дружину ты, Мусуд, — сказал он тогда.

— Нет уж! Я от тебя ни на шаг не отойду! — возразил Мусуд, опасаясь оставить Александра на попечение охраны. Мало ли что! Вдруг нападет кто из зарослей, покуда дружина режется с разбойниками. Или княжич все же вздумает ввязаться в сечу, а кроме

него, Мусуда, никто не сумеет удержать мальчишку от опрометчивого поступка. Оглянувшись на дружину, татарин громко скомандовал: — Охрана князя остается при нас! Остальных поведет Глеб Сеница! Вперед, други, и положите всех ушкуйников без пощады!

Опытный в ратном деле дружинник Глеб Сеница протрубил в рог и дал сигнал отряду скакать за ним к месту столкновения купцов и ушкуйников. Дружина, набирая ход, двинулась вперед, к сгибу русла, за которым развязался бой. Сотрясая копытами лёд, конница достигла поворота и скрылась за ним. Александру, окруженному дюжиной охранников, ничего не оставалось делать, как ждать развязки поодаль.

— Когда же мне позволят участвовать в сече? — насупился княжич, не спуская при этом глаз с поворота реки.

— Известно, когда! — ответил Мусуд, продолжая держать руку на узде его коня. — Вот проведет князь Ярослав над тобой обряд крещения боем, так сможешь рубиться, сколько душенька твоя пожелает!

Александр вздохнул сердито, как бы говоря: слишком долго ждать!

Стычка дружинников и оравы ушкуйников длилась недолго: хорошо вооруженные и облаченные в латы ратники без особого труда смяли сопротивление разбойников и перебили их. Вскоре из-за поворота показался вестовой, отосланный к княжичу с сообщением, что ушкуйники поголовно разбиты и можно подойти к месту сражения.

Оказавшись подле остановившегося посреди реки обозу, Александр увидел залитый кровью лёд и тела убитых ушкуйников, коих насчиталось не меньше трех дюжин. Почти все ратники, сопровождавшие обоз для охраны, тоже лежали мертвые — их успели заколоть разбойники, прежде чем княжеская дружина пришла им на помощь. Купцы и их служки, уже приготовившиеся принять смерть лютую от рук разбойников, в потрясении взирали на появившегося пред ними Александра.

— Чего же вы, люди торговые, ходите этими путями? — спросил их княжич, приостановив своего коня подле них. — Али не заметили, что остроги на этой земле заброшены и некому вас защищать? Отчего не пошли через Водскую Пятину да по Волхову? Там безопаснее!

Старший среди купцов — догадавшись, что говорит с ними отпрыск какого-то высокого рода — поспешил сдернуть с себя меховую шапку. Его спутники тоже торопливо обнажили головы, изъявляя тем самым почтение к своему спасителю.

— Идти через Пятину — кругаля давать и время терять! — отвесив поклон княжичу заговорил старший купец. — Решили мы нанять побольше ратников да попробовать пойти коротким путем чрез Чудское озеро.

— И как, выручили вас ратники? — насмешливо поднял брови Александр.

— Впредь мудрее станем! А тебе, добрый господин, наша вечная благодарность за спасение! — воскликнул купец, продолжая отбивать земные поклоны. — Но кто же ты будешь, наш спаситель? Вижу, что ты не боярин даже, а благородный князь! Но какого ты рода?

— Перед тобой сын князя Ярослава Всеволодовича! Князь Александр! — заговорил Мусуд, когда княжич горделиво промолчал в ответ на вопрос купца. Произнес он это настолько грозно, что купцы попадали на колени и принялись отбивать поклоны, касаясь лбами льда.

— Пресветлый князь! Прости неразумных за непочтительность!

— Довольно речи разводять, — отмахнулся от них княжич и отдал приказ кормильцу:

— Выдвигаемся дальше!

Мусуд взмахнул рукой, подавая очередной сигнал. Дружина перестроилась, вставая в строгие ряды и снова двинулась вперед по льду реки Нарова. Купцы продолжали кланяться, пока последний из княжеских ратников не проехал мимо них.

Долго они ехали молча, пока Мусуд не нарушил молчание, заговорив на тюркском языке:

— Ты мог бы забрать у них всё их добро. В благодарность за то, что спас их от гибели неминуемой.

На иноземных языках кормилец разговаривал с Александром, когда хотел скрыть от окружающих, о чем они толкуют между собой. Когда Мусуд стал его кормильцем, любознательный княжич настоял, чтобы Мусуд научил его говорить на диковинных языках, которые татарин усвоил за время своих странствий по чужим землям. И теперь Мусуд с Александром то и дело переходили от русского языка то на тюркский, то на кипчатский, то на персидский. Сам княжич, благодаря наставникам-книжникам и ученым монахам, знал язык греческий, немецкий и латынь, но находил их употребление в своей речи не столь занятным.

Александр опустил с лица меховую повязку защищавшую его от стужи.

— Мог бы... Только вот зачем? — ответил он тоже по-тюркски. — Я в здешних землях ради другого дела.

— Отец твой поступил бы куда иначе, — закончил свою мысль Мусуд.

Княжич ничего не ответил, только пожал плечами и снова натянул повязку на лицо.

Татарин скрыл улыбку, невольно появившуюся на его устах. Благородство Александра, не покусившегося на купеческое достояние, хотя те оказались совершенно беззащитны перед ним, вдруг растрогало его. Пусть Олекса и походит во многом на отца своего, но где-то в сердце своем он отличается от сребролюбивого Ярослава. Где-то в сердце этого мальчишки, который бывает и гневливым и скорым на расправу, доброта человеческая таится. Доброта, скрываемая тщательно ото всех, ведь не одобрит того князь Ярослав, осудит тот сына за это! А что же будет потом? Что победит в сердце Олексы, когда возмужает он?..

На следующий день отряд вышел к истокам реки Наровы — Чудьскому озеру.

Остроги выстроенные на восточном — русском — берегу озера уже не пустовали. В них еще сохранялась стража во главе с воеводами, однако ж и они тоже страдали от лишений — от недостатка довольства, вооружения и от того, что псковские заправила не выплачивают исправно содержания ратникам. На расспросы Мусуда, воеводы жалобились на то, что набеги с латинской стороны на мирные селения случаются все чаще и, кроме того, латиняне начали строить крепости на западном берегу озера.

— А знают ли псковские воеводы о крепостях этих? — спрашивал татарин.

— Да как не знать-то! Знают! Только не веруют, что латиняне зло супротив нашей земли замышляют! — так отвечали воеводы.

Продвигаясь всё дальше по Чудьскому озеру в сторону Пскова, дружина Александра подошла к месту, где озеро заметно сужалось, становясь похожим на тесную протоку. И тут же, вырастая из толщи льда, возвышалась над озером могучая скала устрашающего красно-бурого цвета.

— Это узкое место зовется Узменью, — сказал Глеб Синица, хорошо знавший псковские земли, потом он указал на скалу и добавил: — А это Вороний камень.

5. ВОРОНИЙ КАМЕНЬ

5. ВОРОНИЙ КАМЕНЬ

— Славное место для острога, — отметил Мусуд, оглядывая тын крепости. — С умом крепость поставили!

Говорил он об остроге, построенном на Вороньем острове, который прятался за скалой кровавого цвета, зовущейся Вороньим камнем. Стены сторожевой крепости примыкали к кромке Чудьского озера и для защиты от водной стихии в основании были укреплены массивной каменной кладкой. От острова тын крепости поднимался вверх по скале, тем самым делая Вороний Камень частью острожных укреплений. На самой вершине скалы виднелся дозорный помост, где несли службу несколько ратников. Те издали заметили приближающийся княжеский отряд и, когда дружина во главе с Александром подошла к воротам острога, их уже встречал там осторожный воевода. Мусуд не успел зычно объявить им о том, что перед ними находится сын князя Ярослава, как воевода, поклонившись, обратился к княжичу по имени:

— Исполать тебе, славный князь Александр!

Как видно, кто-то из воевод чудских острогов отрядил к нему гонца с предупреждением о том, что в сторону Узмени по льду озера движется княжеская дружина. Из деревеньки, расположившейся на острове совсем рядом со стенами крепости, сбежался люд — мужики, бабы и детвора — поглазеть на ярославовых дружинников, впечатлявших простолюдинов своими доспехами и вооружением. По приказу воеводы, коего звали Козьма Василькович, ворота острога широко распахнули перед отрядом и княжеские ратники въехали во дворце, которое с трудом вместило в себя всю конную сотню.

— Пожалуй, княже, в дом, утоли голод и жажду, отдохни с пути! — Козьма Василькович широким жестом указал на просторную избу, предназначенную для отдыха стражников. — Печь жаром пышет! А с поварни мигом брашно на столы подадут!

Александр, однако, не торопился воспользоваться гостеприимством воеводы.

— Брашно подождет, — ответил он, спрыгивая с седла на мерзлую землю. — Хочу подняться на скалу и осмотреться.

Подивившись выносливости мальчика — после утомительного конного перехода да еще и в такой мороз, княжич не стремится поскорее отогреть свои косточки у печи и насытить утробу! — воевода Козьма повел княжича по пригорку к Вороньему камню. Если со стороны озера скала казалась отвесной и совершенно неприступной, то со стороны острова её склон был куда менее крутым — для удобства обитателей острога, в камне были вырублены ступеньки, которые вели на самый верх, к дозорному помосту.

— До чего цвет диковинный! — проговорил Мусуд, который, как и Александр, впервые видел Вороний камень. — И отчего это место Вороньим называется?

— Здешние народы бают, будто во времена стародавние на этом острове жила ведьма страшная да сильная. Могла она и бурю вызывать и мор насыпать на люд и в ворону оборачиваться. И жили в великом числе на острове соратники ведьмы — вороны — здесь они и гнезда вили и птенцов выхаживали. От того и стали это остров называть Вороньим.

Сказывают, что любила ведьма подняться на вершину горы, раскинуть руки свои костлявые да и сигануть вниз — да только не убивалась она насмерть и не топла в озере, а в птицу обращалась и, взмахнув крыльями, тут же взлетала к облакам, — степенно отвечивал воевода Козьма. — Однажды преполнилась чаша терпения люда, коим она бед причинила неисчислимо, и сговорились они поймать ведьму, да и убить её. Тогда схватили мужики ведьму, языка лишили и руки молотами сломали — чтобы она не сумела произнести слов проклятия и, даже обернувшись в птицу, не смогла улететь. Потом связали они ведьму крепко-накрепко, подняли на вершину Вороньего камня — да и бросили вниз, в омут озерный! Упала ведьма в воду да и утопла. Но, только случилось это, как стон великий пронесся по земле и по воде. И скала воронья пропиталась кровью и стала червлёного цвета. И стали места озерные, куда упала ведьма, проклятыми...

— Проклятыми? — переспросил Александр с любопытством. — И как же так?

— Есть омуты тут, около Вороньего острова и дальше, до самого Желачка, где и зимой и летом опасно проходить. Летом лодки сами по себе опрокидываются, а души христианские как камни ко дну идут. А зимой там лёд чёрный и слабый, того и гляди провалишься — ну а в теплые зимы вода там и не замерзает вовсе. Да и само озеро как будто живое — ширится оно, разрастается! С каждым годом наступает оно всё больше на острова и берега, затапливает их и приходится людям сниматься с насиженных мест, бросать дома и строиться выше по берегу, куда озеро ещё не добралось. Чудные здесь места, словом!.. — Козьма Василькович приостановился и отер пот с лица. Он успел сопеть от натуги, в то время как до вершины скалы ещё оставалось четверть пути. Переведя дыхание, он решил, что, возможно, показался княжичу чересчур суеверным, и потому поспешил добавить: — Ну про ведьму да проклятие — то сказки народные, княже! Ты спросил, а я рассказал, как слышал от здешних старожил.

Княжич глянул на воеводу снисходительно и вдруг произнес:

— Порою и сказки оказываются былью.

Они вновь зашагали по витиеватой рубленой лестнице наверх, к вершине.

Мусуд, двигаясь следом за княжичем, задался вопросом: не припомнилась ли Александру анчуткина чащоба и свинорылый бес, с которым столкнулся их отряд четыре года назад? Тогда они не прислушались к предупреждению лесных жителей, отговаривавших их ехать в тот день через чащобу и угодили прямиком в лапы к нечистой силе. То, верно, стало для Александра уроком и теперь он куда серьезнее относится к басням о проклятых местах!

Вот и дозорный помост. При постройке острога вершину скалы выровняли и покрыли её крепким бревенчатым настилом, а по бокам настила установили массивные опоры, на который поставили крышу, защищавшую дозорных от непогоды. Тут денно и ночью несли службу двое ратников, обязанных подать тревожный сигнал, коли разглядят они приближающуюся опасность.

Оказавшись наверху, княжич неспешным шагом прошел вдоль бортов помоста, разглядывая открывающиеся с высоты окрестности на юге, севере, западе и востоке. Да, Мусуд был трижды прав, когда сказал, что место для острога выбрано удачно — Вороний камень главенствовал над всей округой, выше него не было на этих землях ничего!

Отсюда, с вершины Вороньего Камня, были видны острова Озолица и Желачек, лежащие на севере, мимо которых отряд проехал прежде, чем достигнуть Узмени. Видел Александр и западный берег озера, хотя он, должно быть, находился не менее чем в семи

верстах от Вороньего острова. На востоке находилось устье реки Желча, впадающей в Чудьское озеро и несколько деревенок, прилепившихся к озерному берегу. А повернувшись на юг, Александр мог убедиться в том, что узкая протока — Узмень — тянется далеко, так, что и не видно, где Чудьское озеро снова раскидывается вширь. Отсюда, с вершины Вороньего камня, можно было и зимой и летом издали заприметить приближение врагов — пусть бы они плыли на лодках или шли по льду!

— То место, где вы прошли с отрядом, — воевода Козьма ткнул пальцем на пространство между островом Желачек и гористым мысом на восточном берегу, — зовется Большими воротами. Через него проходят все, кто двигается по Чудьскому озеру. Здесь те, кто отправился на ливонские земли, поворачивают в сторону Омовжи, а те, кто на Русь идет, сворачивают на юга к Пскову или на восток к Новугороду.

Александр пригляделся: сверху отчетливо было видно, что лёд Чудьского озера местами покрыт большими темными пятнами. Одно такое пятно находилось у самой отвесной стены Вороньего камня, несколько таких же пятен темнели севернее, возле Озолицы и дальше, у острова Желачек. Рядом с одним таким пятном княжеская дружина проехала, когда направлялась к острогу, но даже не заметила его! Разницу в цвете льда можно было заметить только с высоты.

— Это что там за пятна? — спросил княжич осторожного воеводу.

— Я же говорю — черный лёд! Его здешний народец «сиговицей» зовёт, — пояснил Козьма Василькович. — Омуты там бездонные! Вода летом крутит как бешеная, а зимой промерзает еле-еле.

Александр оперся руками на борты помоста, не сводя глаз с сиговицы, черневшей под скалой. Всё его существо вдруг охватило неприятное — и уже знакомое! — чувство чьего-то незримого присутствия. Так уже было с ним в анчуткиной чащобе! Как только княжич с дружиной вышел на лед Чудьского озера, он ощутил, что нечто невидимое человеческому глазу пристально следит за ним. И чем ближе он оказывался к Узмени, тем сильнее становилось это чувство — оно нарастало, заставляя Александра постоянно пребывать настороже. Однако, не желая, чтобы Мусуд да и все прочие догадались о его тревоге, княжич заставил себя отвлечься от созерцания черного льда.

— Что ж, теперь можно и подкрепиться, — сказал он, повернувшись к телохранителю и воеводе.

Спустившись вниз, в осторожное дворище, княжич убедился в том, что ратники уже расседлали коней, укрыли их попонами и задали им корм. Дом, отстроенный для проживания в ней сторожевого отряда, не мог вместить в себя всех княжеских дружинников — и потому тем пришлось расположиться на ночлег в конюшне, дворовых пристроях и бане. Тут же, во дворище, развели несколько костров, чтобы обогреться и приготовить еду — ведь осторожная поварня не могла прокормить за раз столько ртов. Для Александра и его телохранителей накрыли стол в избе, а Козьма Василькович объявил, что уступает княжичу свою светелку, дабы тот мог выспаться со всеми удобствами.

За вечерней трапезой княжич заговорил с воеводой о деле:

— Как снабжает вас Псков довольствием и оружием? Всего ли вам хватает для службы? Часто ли случаются стычки с разбойниками и соседями с западной стороны?

В ответ воевода Козьма вздохнул тяжело и покачал головой:

— Хотел бы сказать, что не на что жаловаться — да не могу! Довольствие урезали, оружия нового не подвозят — приходится в деревенской кузне самим чинить испорченные

мечи да топоры. Бойки(1) для стрел приходится лить из чего попало. Выручает нас Узмень — место многолюдное, торговое, можно здесь выменять у купцов железо для наших нужд. А что до стычек... А куда без них? Сами видели, что в северной стороне остроги брошены! От того обнаглели ушкуйники совсем!

— А латиняне?

Козьма Василькович сердито фыркнул, как бы говоря: а то как же!

— Это племя только и дожидается, когда ослабнем мы совсем, чтобы можно было подмять эти земли под свою пята! Для чего еще им строить крепости по ту сторону озера? Оттуда они и ходят на русские земли, веши грабят да жгут. Но ходят пока кругом Чудьского озера, через Нарову, где нет больше острогов. Боятся идти напрямик через озеро, знают, что не пропустим. Потому дают кругалю и заходят вглубь русских земель оттуда — и таким же путем возвращаются. А мы что?.. Нам псковские бояре строго запретили цепляться с латинянами, покуда они не покушаются на наш острог.

Говорил он то же, что Александр уже слышал от других осторожных воевод!

— Великая надежда у нас на батюшку твоего, князя Ярослава Всеволодовича! Чаем мы, что наведет он порядок в псковщине! — проговорил меж тем Козьма Василькович. — Слава о ратных делах и мудрости его гремит на земле русской — и только он сумеет научить уморазуму псковских бояр! Только его они боятся и только его волю они будут исполнять!

Княжич, довольный хвалебными словами в честь Ярослава, благосклонно кивнул ему:

— Я тут для того, чтобы разведать о делах здешних и доложить обо всем отцу, — ответил Александр с достоинством. — Благодарю тебя за честность и прямоту, Козьма Василькович! Рад я, что остались в псковской земле воеводы, ратующие за процветание родной земли!

После трапезы Александр ушел в светелку. Мусуд пристроился на лавке рядом с дверью светелки — словно сторожевой пес приготовившись караулить сон своего хозяина. Ратники из числа личной охраны княжича устроились в трапезном зале, тем самым полностью перекрывая подходы к светелке, где отдыхал Александр.

Княжич, оставшись один, разулся и улегся на застеленную овечьими шкурами лежанку. В углу светила лучина, а горящие дрова в печке умиротворенно потрескивали. Однако ему было все так же не по себе: из-за чувства чьего-то чужеродного присутствия подле себя и от дурных новостей, которые сыпались на него от осторожных воевод как из рога изобилия. Он ворочался с бока на бок, пока усталость не взяла своё и он не погрузился в глубокий сон.

— Олекса!..

Мальчик, услышав своё имя, распахнул глаза — кто же зовёт его? Почувствовав, как спину его колет жгучий холод и Александр поспешил вскочить на ноги. С потрясением он осознал, что больше нет ни светелки, ни стен избы, ни самого острога и что лежал он спиной на льду Чудьского озера. Над его головой мерцали серебряные звезды и ясная зимняя луна, а вокруг него кружит пробирающий до костей ветер, осыпая его снежной пылью.

— Олекса!..

Протяжный, похожий на подвывание, женский голос доносился от сиговицы у Вороньего камня. Ведомый этим голосом Александр двинулся туда, откуда он звучал, остановившись только тогда, когда заметил в слабом лунном свете, что льда перед ним больше нет — впереди темнела большая полынья. Вода в полынье парилась и была чернее самой ночи.

— Олекса! — зашептала черная вода.

— Кто ты? — спросил мальчик, не сводя глаз с омута.

— Мы сила, рожденная этой землей и этой водой... Мы то, чему молились твои предки... Мы то, что живёт во тьме и в ком течет тьма... Но кто же ты? Кто ты?.. Ты чувствуешь нас, ты слышишь нас! Ты похож на нас...

Александр отступил на шаг и возразил:

— Нет! Ничего нет во мне похожего!

От черной воды по воздуху пронесся тихий, нечеловеческий смех.

— Кровь... Ты одной крови с нами! Но почему?.. Дай нам узреть эту тайну!

Резкая боль пронзила голову мальчика и он, скрипнув зубами, сжал виски ладонями. И вдруг перед взором его вспыхнуло видение: страдающая от родовых мук женщина удивительной красоты, а над ней колдунья, положившая руки на её живот и шепчущая заклятия на неведомом языке. Александр, несмотря на боль, издал удивленный возглас: догадался он, что это его мать — та, что покинула этот свет, когда он был еще младенцем и которую он совсем не помнил...

— Вот какова твоя тайна! Колдунья обманула рок, отняла у смерти её добычу! — зашептала полынья со злорадством. — На тебе печать колдовства! И потому-то кровь твоя почернела! Потому ты породнился с нашей силой...

Боль отпустила Александра так же внезапно, как и нахлынула на него.

— Ты, княжич, получил красоту от матери, мудрость от отца, а от колдуньи чары... Дары эти защищают тебя, они спасительным светом ведут тебя во тьме... — продолжали бормотать черные воды тем временем. — Эти дары рождают в сердцах смертных любовь к тебе — и многие будут любить тебя и умирать за тебя! Но берегись, Олекса! Как будут любить тебя больше жизни, так и отыщутся и те, кто возненавидит до исступления! Стерегись их! Слышишь ли нас, Олекса?..

Вздрагнув, Александр проснулся: над ним склонился Мусуд, который что есть силы тряс его за плечи.

Кормилец слышал, как застонал от боли княжич и тут же ворвался в светелку — где обнаружил Александра, сжимающего во сне голову и стонущего сквозь зубы. Мусуд принялся трясти мальчика, пытаясь разбудить его, однако эти усилия оказались тщетными. Он собирался на руках вынести Александра на мороз, в надежде привести его в чувство — как тот вдруг распахнул широко серо-зеленые глаза.

— Олекса! Все ли хорошо? — воскликнул Мусуд.

Тот сел и отер лицо, чувствуя, что оно покрыто испариной. Ничего не отвечая на вопрос, Александр поднялся на ноги, ушел к сундуку, где сложил свое оружие и, прежде чем Мусуд понял его намерения, вытащил из ножен кинжал — и полоснул лезвием по своей ладони. Густая кровь горячими каплями потекла из раны. Кормилец, вскрикнув взволнованно, кинулся к нему и поспешил отнять кинжал.

— Что ты творишь-то?!

— У меня не черная кровь, видишь? — заговорил мальчик, взирая на него почти что безумным взглядом. — Она не черная!..

— Конечно, не черная! С чего бы? Что ж нашло-то на тебя, Олекса?! — татарин оторвал от своей сорочки лоскут и принялся перевязывать пораненную ладонь Александра. — Молю тебя, княже, не пугай меня так! Али забрать мне у тебя все оружие?!

Княжич прикрыл глаза, вздохнул полной грудью воздух, а когда снова посмотрел на Мусуда, то взор его прояснился.

— Сон приснился, — сказал он так, будто и не страшлось ничего. — Дурной сон...

Мусуд не сразу, но все же поверил ему и перестал крепко держать его за руку.

— Что ж такого приснилось тебе?

Александр покачал головой, давая понять, что не хочет рассказывать.

— Это нечисть какая опять? — прямо спросил кормилец, требовательно всматриваясь в его лицо. — Не виляй, заметил я, каким ты стал, едва мы к Вороньему камню подошли!

Княжич промолчал и вернулся на лежанку, завернувшись в теплую овечью шкуру.

— Не тревожься, Мусуд, — заговорил он после очень долгого молчания. — Не буду я больше тебя пугать.

Сердито вздохнув, кормилец уселся на сундук и заявил:

— Будешь али не будешь — теперь спи под моим надзором! Никуда я теперь не уйду отсюда!

Делать нечего, пришлось Александру спать под присмотром Мусуда.

Когда разгулялось утро — морозное, но тихое и солнечное — конная княжеская сотня оставила позади острог на Вороньем острове. Княжич Александр лишь на короткий миг приостановил коня, оглянувшись на Вороний камень, будто ожидал увидеть возле него кого-то. Мусуд проследил за его взглядом, но не заметил там ни одной живой души — так что же там высматривал княжич?..

Александр натянул на лицо меховую повязку и, отвернувшись, направил коня в сторону Узмени.

---

(1) Боёк — железный наконечник стрелы.

6. МЕЖ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

6. МЕЖ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

В Пскове бояре, предупрежденные гонцами от осторожных воевод, уже ожидали Александра. Стоило княжеской дружине появиться под псковскими крепостными стенами, как навстречу ей уже спешили именитые бояре во главе с посадником. Вопреки опасениям Мусуда, бояре встречали Александра с показной сердечностью и должной почтительностью, устроив пышную встречу сыну князя Ярослава.

— Гляди, как расстарались! Значит, сохранился страх в их сердцах! — по-персидски сказал Мусуд при виде толпы бояр.

— Много ли того страха сохранилось? — отозвался княжич на том же языке. — Они низко кланяются, да только указы исполнять не спешат.

Псковские господа меж тем громко приветствовали его:

— Исполать тебе, князь Александр Ярославич! Здравия тебе и долгих лет жизни! И да славится имя отца твоего, князя Ярослава Всеволодовича, на землях русских!

Александр рассматривал лица бояр, искаженные сейчас угодливыми лицемерными улыбками. Он сомневался, как ему нужно держать себя с ними. То ли ответить им нарочито благосклонно, дабы не обидеть этих заносчивых господ; то ли держать себя свысока и сразу дать понять, что он не поведется на их льстивые речи. Спросив себя, какое бы решение принял сейчас отец, княжич выбрал второе — холодно кивнув, он поприветствовал бояр коротко и следом сразу заговорил о насущном.

— Моей дружине нужен покой и довольствие, — заявил он с железными нотками в голосе. — Озаботьтесь этим немедленно.

Теперь на лицах бояр появилось беспокойство, они не ожидали, что отпрыск князя Ярослава поведет себя столь сурово с именитыми людьми. Но исполнить приказ поспешили поскорее, пообещав, что ярославовы ратники будут согреты и накормлены. Княжича пригласили в хоромы самого зажиточного боярина в Пскове — Твердилы Иванковича — занимавшего пост городского посадника. К вящему неудовольствию бояр личная охрана княжича проследовала за ним в хоромы, не оставляя своего господина без присмотра ни на миг.

В просторном зале княжича поджидали накрытые столы, за которыми собралась вся псковская знать. Когда Александр расположился в кресле, Мусуд остановился за его спиной, а прочие телохранители встали полукругом. Бояре недовольно переглядывались друг с другом — княжич не доверяет им, раз вошел в дом высокочтимого человека с вооруженной до зубов охраной!

— Так зачем же ты, пресветлый князь, пожаловал в Псков? — заговорил посадник, когда его гость немного подкрепился.

Александр перевел на него неулыбчивый взор:

— А разве ты не знаешь, Твердило Иванкович? Неужто тебе не донесли гонцы, что иду я смотреть остроги вдоль торговых путей?

«Ишь, какой у него гонор! Весь в отца своего! Нисколько не чтит родовитых бояр, —

подумал Твердило сердито. — Свалился еще один норовистый князь на наши головы! Как будто одного Ярослава нам мало было...»

— Это-то мне известно, княже! — заговорил он как можно учтивей. — Только не возьму я в толк, почему же ты прежде, чем отправиться в такое дело, не спросил нас — бояр, управляющих Псковом — об острогах этих? Нешто мы бы оставили вопрос твой без ответа?

Александр смерил его едким взглядом, прежде чем проговорить:

— Без ответа, может, и не оставили — да только сказали бы правду?

Бояре в зале протестующе зашумели, услышав его обвинение.

— Обижаетесь, князь!

— Пошто напраслину возводишь?

— Да такая дерзость нам и не снилась!

Посадник оглянулся на своих собратьев-господ и, довольный, закивал головой:

— Как бы смогли, получив грамоту с печатью князя Ярослава, сказать неправду?

Возмущение бояр выглядело вполне убедительным, однако Александр не купился на это.

— Ну коли собрались говорить эту самую правду, то поведайте, почему остроги на севере псковщины брошены?

И тут бояре принялись хором жалобиться. Дескать, трудные години настали для Пскова да еще и голод в соседнем Новгороде сколько бед доставил! А из-за князя Ярослава, который ради мести новгородцам перекрыл часть торговых путей, торговля захирела, прибыли сильно поубавилось, купцов иноземных стало меньше заезжать в псковщину. Оттого и перестал Псков содержать северные остроги, потому и разбежались кто-куда тамошние воеводы и ратники, оставив места службы. Словом, не виновны нисколько псковские заправилы в том, что торговые дороги на их земле остались без должного досмотра и охраны.

Александр терпеливо выслушал их оправдания, после чего заговорил:

— Ежели всё было так, как сказываете вы, бояре псковские — то скажите мне, почему в новгородской земле остроги не брошены? Новгород три года голодал, но даже тогда не урезал довольствия для острогов. Никто из острожных воевод и ратников не оставил места службы в новгородской земле! Все на своих местах и все исполняют свой долг, даже если сам Новгород терпит бедствие. А что Псков?.. — княжич поднял вопросительно брови. — Псков от неурожая не страдал, вас непогода обошла стороною и житницы ваши полны запасов. И даже если торговых людей на ваших землях поубавилось, однако ж ни вы, ни народ ваш совсем не бедствуете! И все же стоит ваша земля без хозяина и как будто ждет, кто посноровистей приберет к рукам!.. — он снова обвел взглядом собравшихся псковских господ. — Так кого вы обмануть стараетесь, бояре псковские? Неужто надеждой тешитесь, что отец мой поверит в ваши выдумки? Неужто думаете, что не прижмет он вас к ногтю, когда вернется из похода? Как перед ним ответ держать собираетесь?

В зале повисло тяжелое молчание, только кто-то из бояр с досадой сопел в бороду.

— Не суди строго да не грози нам карами без надобности, княже! — откашлявшись, заговорил Твердило. — Признаем мы, что с северными острогами дело обстоит плохо. Каемся, наш недосмотр, наша вина! Однако ж, смени гнев на милость! Нельзя враз взять да и восстановить остроги — для этого время нужно.

— Если стремление есть, то и времени немного нужно, — возразил Александр.

Бояре снова шумно запротестовали, а посадник развел руками в стороны:

— Чего ж ты от нас услышать-то хочешь, княже?..

— Хочу я не слова слышать, а дела видеть! Хочу, чтоб к возвращению отца моего, князя Ярослава, начали вы восстанавливать остроги на северной стороне псковщины, — отчеканил Александр. — Да восстанавливать не на словах, а на деле! И не отговаривались вместо этого и время тянули!

Пришлось посаднику и прочим боярам пообещать ему немедля заняться острогами.

Однако, вопреки заверениям бояр, что к приезду князя Ярослава Всеволодовича в Новугород дела с острогами пойдут на поправку, у Александра на сердце оставался камень. Чувал он, что брешут господа псковские, зубы заговаривают. Хоть и есть у них средства для того, чтобы привести остроги в порядок, не хотят они заниматься этим — то ли от глупости, то ли от корысти.

Уйдя после трапезы в покои, отведенные Твердилой для ночевки, Александр принялся мерить ее шагами — бродя от стены к стене, как загнанный зверь. Мусуд, который собрался ночью стеречь воспитанника тут же, в покоях, понаблюдал за ним некоторое время, прежде чем заговорить.

— Правильно делаешь, что не доверяешь им, — заговорил он снова по-персидски, подозревая, что их могут подслушивать. — Подлые собаки они, эти господа. Подлые — да глупые при этом. Ума им не хватает понять, что, ежели границы не охранять, всякий захочет их нарушить.

— Видел, сколько в городе вооруженных латинян? — глухо произнес Александр по-персидски. — Они здесь совсем как хозяева.

И правда, пока дружина ехала по кривым псковским улочкам, княжич успел заметить не только многолюдность городских улиц и богатство торговых рядов, но и множество уроженцев западных земель — шведов, ливонцев, немцев — многие из которых не стеснялись разгуливать по улицам с перевязями на поясах, в ножнах которых красовались мечи и кинжалы. И это при том, что носить боевое оружие в мирное время внутри крепостных стен могли лишь княжеские дружинники и дозорные из числа городского ополчения. Кажется, псковские бояре слишком на многое закрывают глаза!

— Пока отец твой в походе, что мы можем сделать? — вздохнул Мусуд в ответ. — Только смотреть на сей беспорядок.

Александр примолк, продолжая задумчиво ходить по светелке.

— Надобно заставить их взяться за восстановление сторожевых крепостей как можно скорее, — сказал он немного погодя. — И, чтобы дело не стопорилось, лучше бы поставить над ними наместника.

— И как же ты это сделаешь? — удивился Мусуд.

И вновь княжич погрузился в долгое молчание.

— Псков изобилен многим, но и он должен закупать у соседей то, чего в его землях не добывается, — заявил он вдруг. — Они покупают у Новугорода соль и железо. Ежели мы запретим продавать в псковщину железо, то они смогут еще поартачиться. Но вот без соли им придется туго — цены на соль вмиг взлетят до небес и чернь забунтует. Какими б не были псковские бояре гордыми, но с чернью им придется посчитаться.

Татарин одобрительно хмыкнул: да, Александр хитро придумал!

— Замысел твой хорош, Олекса, — признал он, однако не преминул добавить: — Но помнишь ли ты, что новугородский закон запрещает князю вмешиваться в торговые дела?

Недобрая улыбка мелькнула на лице мальчика, когда он глянул на него:

— Моему отцу новгородский закон не указ.

Мусуд не мог не признать, что и тут он прав!

— Но отца твоего здесь пока что нет. А тиун Яким Матвеевич побоится вызвать гнев псковских и новгородских бояр на себя. Не позволит он тебе издать такой указ самовольно, — догадавшись, что прямо сейчас Александр прикидывает в уме, удастся ли ему обойти тиуна и издать указ без его поддержки, кормилец поспешил сделать резонное замечание: — Окромя того, посчитать следует, справятся ли три сотни ратников — пусть и лучших в своем деле! — ежели Новгород и Псков взбунтуются и попробуют поднять тебя на меч?

Кислая мина на лице княжича явственно передавала его глубочайшее разочарование.

— Ты прав... Три сотни ратников — мало... — проговорил он раздосадовано.

«Значит, не пугает его отцовская кара и сопротивление тиуна, — подумал Мусуд, отчасти разделяя огорчение своего воспитанника. — Досадует он только о том, что отец не оставил ему дружину побольше, дабы смог он раздухариться в его отсутствие...»

— Однако ж, замысел твой удачен. Так и вправду можно принудить бояр заняться крепостями, — продолжил татарин меж тем. — Только мыслью я так: надобно тебе отправить батюшке своему донесение о том, как дела обстоят в псковщине и рассказать ему свою задумку. А там посмотрим, как князь решит обставить дело — быть может, раз сам не сможет прибыть с дружиной вскорости, то придет необходимое подкрепление?

Кислая мина никуда не исчезла, но Александр примирился с доводами Мусуда.

— Верно. Так и поступлю, — кивнул он головой и, успокоившись, прекратил расхаживать по светелке.

Мусуд, сидя на лавке возле дверей, за всю ночь не сомкнул глаз — как и телохранители за дверью. Хоть находились они в доме уважаемого боярина, занимавшего пост псковского посадника, но здесь было опаснее, чем во время ночевки под открытым небом и в острогах на торговых путях. Здесь была вотчина тех, кто не желал покоряться власти князя Ярослава и тайно помышлял, как же им скинуть с себя ярмо княжеской власти. Здесь нужно держать ухо востро и смотреть в оба.

Задерживаться в Пскове, несмотря на просьбы бояр погостить подольше, Александр не стал. Уже на следующее утро дружина оседлала отдохнувших коней, построилась в стройные ряды и, под предводительством княжича, двинулась прочь из города. Торговая дорога вела их дальше на юг, к Изборску, вдоль острогов.

На подходах к Изборску княжеская дружина оказалась подле Труворового кургана — могилы Трувора, пришедшего княжить на русские земли вместе со старшим братом своим Рюриком. Александр, еще никогда не бывавший на месте погребения своего знаменитого предка, захотел сделать привал и осмотреть погребальный курган. Несмотря на снегопады и морозы рукотворный холм не выглядел забытым — с разных сторон к нему были протоптаны тропинки, свидетельствующие о том, что местный люд зачем-то посещает могилу легендарного воина из клана Рюрика.

Поднявшись на курган, княжич понял, почему это место сплошь испещрено тропками — кто-то из местных язычников превратил могилу его предка в капище. Здесь, в центре возвышенности стоял крупный серый валун, изъеденный летними дождями и зимней стужей. Вокруг этого камня виднелись врытые в землю камни поменьше. Весь снег внутри каменного кольца был истоптан, а у основания валуна в середине круга виднелись следы языческого жертвоприношения: горсть семян, несколько лепешек с медом, куриное яйцо,

огарки лучин.

Княжич долго стоял возле камня, с любопытством рассматривая его.

— О чем призадумался, Олекса? — спросил Мусуд, решившись нарушить тишину.

— О том, какво оставить позади родину и отправиться княжить в чуждые земли... — негромко промолвил Александр. — Как же далось то трем братьям? Чего им стоило? Хотел бы я знать это!

— Для смелого мужа родиной станет земля, избранная им самим.

Княжич со слабой улыбкой покосился на него:

— С тобой так и случилось?

Татарин небрежно рассмеялся и со смущением потер затылок.

— Пожалуй и так, — подтвердил он.

Александр снял рукавицу и прикоснулся ладонью к валуну:

— Спи вечным сном, князь Трувор, — беззвучно прошептал он. — Спи в земле, которую избрал родиной своей.

Малая дружина, с которой Александр выехал в поход по острогам, вернулась в Новугород в аккурат к наступлению особенно лютых морозов сеченя. Вновь очутившись в стенах Рюрикова Городища, княжич, не теряя времени, отослал к князю Ярославу донесение с гонцом. В своем послании он изложил и то, что видел, проезжая вдоль острогов, и рассказал делах бояр псковских, а по итогу предложил отцу надавить на Псков через запрет торговли солью.

Ответ пришлось ждать долго — гонец вернулся лишь в начале весны.

Вопреки опасениям Мусуда и тиуна Якима Матвеевича, что Ярослав разгневется на самовольство Александра, князь похвалил сына за совершенную поездку по острогам. Однако князь строго запретил и тиуну и Александру самим бодаться с псковским боярством, пообещав, что сам разберется с вопросом по своему возвращению в Новугород.

— Когда же ждать князя? — спросил гонца Александр.

— Пресветлый князь переждет половодье в Смоленском княжестве, — сообщил гонец. — После чего повернет дружину к Новугороду.

Княжич попробовал было расспросить гонца подробнее о намерениях своего отца, но тот отвечал туманно, ссылаясь на запрет Ярослава. Стало ясно — князь Ярослав с дружиной не просто собирается переждать половодье в смоленских землях, а имеет еще какие-то цели в тамошних землях. Но знать о делах князя, покуда тот не вернулся в Рюриково Городище, никому не следовало.

Отцовские распоряжения ввергли Александра в уныние, но — что поделаешь? — пришлось им покориться. Покориться и ждать возвращения отца. Это непросто далось княжичу — за время похода он отвык от обывательской жизни и потому дела мирские нагоняли на него тоску. С трудом он принудил себя вернуться в прежнее жизненное русло, напоминая себе с усердностью: терпение сие есть добродетель.

Меж тем церковные колокола трезвонили без устали: в разгаре был Великий Пост.

После большого и многолюдного Новугорода Переславль-Залесский показался Миланье на диво скромным поселением, хоть и прожила она тут почти тринадцать годов. Здесь и стены детинца смотрелись не столь неприступными и хоромы казались не такими высокими

и улицы не столь широкими, как в граде на Волхове. Да, вотчина князя Ярослава уступала Новугороду и богатстве и в величии!

Однако сердце горянки наполнилось облегчением, стоило им миновать крепостные стены Переславля и оказаться подле дома, дарованного Мусуду князем в честь свадьбы. Наконец-то они добрались до дома! И добрались как раз вовремя — весна уже ступала в силу, лед на реках стал блеклым и рыхлым, скоро ледовая корка на реках и озерах лопнет и половодье разгуляется во всю мощь. А значит это, что Мусуд останется в Переславле-Залесском, пока земля не перестанет от сырости проваливаться под копытами коней, а реки не вернуться в свои русла.

У ворот дома их встретили сторожа — старик со старухой — которых Мусуд оставил смотреть за хозяйством, покуда он с Миланьей живет в Новугороде. Быстрого осмотра Миланье хватило, чтобы убедиться в том, что дом старики держали в порядке, а скотину в сытости. С радостью она вошла в свой дом, погладила, как-то было прежде, мурчащую кошку за ухом и села на лавку подле пышущей жаром печи. Пока старик-сторож помогал Мусуду распрягать лошадей, его старуха вернулась в избу и поспешно принялась сдвигать столы да накрывать на них: хозяев и ратников, сопровождавших их, следовало попотчевать сытной трапезой!

Вот Мусуд вошел в дом, приглашая за собой княжьих ратников. Шумно переговариваясь меж собой, мужчины устроились за столами и принялись за еду, а Миланья предпочла уйти в опочивальню, прикрыв плотно за собою дверные створы. Ждала она, когда ратники насытятся и покинут их дом, надеясь, что тогда Мусуд придет к ней — но даже когда шум застолья стих, а изба опустела, муж не открыл двери опочивальни.

Миланья тяжело вздохнула, понимала она: Мусуд сердит на нее.

За весь путь от Новугорода до Переславля-Залесского он ни словом ни делом не выдал своих чувств. Он заботился о ней, беспокоился об её удобстве, ни на миг не терял бдительности на случай, если натолкнуться они на засаду какую. И всё-таки Мусуд был сердился на неё! Смотрел на неё угрюмо и сторонился разговоров с нею. Не мог Мусуд простить Миланье, что она хитростью оторвала его от Александра, выпросив у княжича дозволения уехать с мужем в Переславль-Залесский.

Такова был цена спасения мужа...

Припомнила она, как протестовал Мусуд, едва только прознал о том, что обратилась она к княжичу с просьбой отпустить её в Переславль-Залесский вместе с супругом! И хотя Александр сразу же дал свое дозволение, Мусуд еще долго спорил и с ней и с княжичем, ни за что не желая оставлять подопечного без надзора. Но несмотря на возражения, княжич своего решения не поменял и настоял на том, чтобы Мусуд отправился в путь вместе с женой.

Да, замысел Миланьи исполнился...

Поворочавшись немного на ложе, Миланья поднялась и вышла в горницу. Мусуд спал на лавке, прижавшись спиной к печи и подоткнув под голову свернутый походный плащ. Выглядел он уставшим и — даже во сне! — угрюмым. Она не сомневалась, что, коли б не весенняя распутица, то он бы не стал задерживаться в Переславле-Залесском — а ссадил бы жену с саней подле крыльца и, не делая передышки, развернул бы коней обратно в Новугород.

«Пошто серчаешь на меня, любый мой? — подумала Миланья. — Ведь жизнь тебе спасаю!»

Она хотела было разбудить его да позвать в опочивальню, но передумала — не нужно сейчас тревожить Мусуда, пусть спит, где тому вздумается! Пусть отойдет и от дороги долгой и от мыслей своих тяжелых. Пусть отдыхает и набирается сил. Придя к такой мысли, женщина неслышной поступью ушла обратно в опочивальню.

Спустя седмицу после возвращения Миланью и Мусуда в Переславль-Залесский половодье вошло в полную силу: лед Плещеевом озере вскрылся — вода стала стремительно подниматься, подтапливая берега; реки и ручейки превратились в бурные пенящиеся потоки, а земля вспухла, пропитавшись талой водой. Дни стали заметно теплее, а солнце светило все жарче, растапливая остатки снегов в лесах и полях. Несмотря на сырость и грязь, которые были повсеместно, люд пребывал в радостных настроениях: наконец-то холодная и суровая пора осталась позади, а впереди их ожидает возрождение после зимнего сна матушки-земли!

Надежды Миланьи на то, что Мусуд — оказавшись дома, успокоится и тихо-мирно подождет времени, когда земля просохнет, а половодье сойдет на нет — к её огорчению не оправдались. Муж её места себе не находил и все считал дни, когда возможно будет отправиться в обратный путь. Сие тревожило Миланью, невольно она начинала переживать, что не сумеет уберечь мужа своего от опасности, что сумеет тот вернуться в Новгород прежде времени. Она даже подумывала о том, чтобы добавить Мусуду в питье зелье из особых трав и заставить того захворать — и тем самым удержать его от желания выехать в Новгород как можно скорее. Она почти решилась на отравление — до того снедал её страх за Мусуда.

— Чего ты все смотришь в сторону заката? — спросила она однажды мужа. — Думаешь, если смотреть туда, то и время быстрее пролетит?

Тот глянул на нее испытующе и до Миланьи вдруг дошло, что догадывается он о её намерении задержать его в Переславле-Залесском.

— Не нужно было мне брать тебя в Новгород, — заговорил он с сожалением.

— Это почему? — спросила жена, хотя и знала уже, каков будет ответ.

— Оставь я тебя в Переславле, то не пришлось бы мне отрываться от службы, чтоб вернуть тебя домой.

Боль тронула струны души Миланьи, когда услышала она это!

— Оставь ты меня в здесь, то не носила бы я сейчас ребенка под сердцем! — горячо возразила она.

Мусуд только отмахнулся от нее и ушел из избы. Женщина побродила по дому, никак не находя себе места после слов мужа, затем все же решилась пойти следом за ним. Нашла она его в конюшне, где он возился с седельными ремнями, проверяя, не износились ли они, не повредились ли скрепы. Он ненадолго поднял взгляд на жену, затем снова занялся седлом.

— Если подозреваешь меня в чем-то, то молви прямо, — потребовала Миланья решительно.

— В чем мне тебя подозревать? — насмешливо отозвался тот, не отрываясь от дела.

— Тогда почему сторонись меня? Как будто я и не жена тебе вовсе!

Супруг только покачал головою, сетуя на её докучливость.

— Хочешь знать, против ли я твоего возвращения в Новгород? — продолжила Миланья, распаляясь из-за его безразличия. — Так вот — знай! — против. И ежели подозреваешь, что нарочно я упростила княжича отправить тебя со мной, то в корень зришь!

Мусуд опять вскинул на нее глаза и теперь в них не было насмешливости.

— Вот уж не ждал, что жена моя душой окажется, — пробормотал он.

Миланья, негодуяще поджав губы, сделала несколько шагов к нему:

— Ты за свою жизнь прошел много земель, ты служил многим господам! Князь Ярослав и сын его — господа очередные, только и всего! Сейчас ты служишь им, а после станешь служить кому-то другому...

— А если не захочу служить кому-то другому? — поднял грозно брови Мусуд.

— Да разве ведаешь ты, как судьба повернется? — невесело рассмеялась горянка. — Сегодня есть эти князья, завтра не будет их...

Сказав это, она увидела, как окаменело лицо супруга и запоздало спохватилась, что в чувствах наговорила лишнего. Не только оскорбила воинскую честь мужа, но и едва не созналась в том, что известно ей грядущее! Не должен Мусуд дознаться ни сейчас, ни потом о предвидении её! Если он поймет, что знала она о надвигающейся на Александра беде и нарочно обманула и княжича и мужа своего — то ни за что не простит её!

— Следи за своим языком, женщина, — предупреждающе произнес Мусуд.

Тогда Миланья поспешила подбежать к мужу и принялась обнимать его:

— Прости меня, неразумную! Чего не ляпнешь в расстройстве! Прости, любый мой! — она хватала его крепко за широкие плечи, прижималась к его груди, привставала на цыпочки и целовала его губы. — Не серчай на меня за глупые слова! Что возьмешь с бабы, а?..

Не сразу, но тот смягчился и все же обнял жену в ответ.

— Знаю я, всё знаю... Сама ведь говорила о сём! Говорила же — хорошо, что княжича ты полюбил как сына, — зашептала Миланья, уткнувшись ему в плечо и с жадностью вдыхая его мужской запах. — Говорила, говорила... А сама гневлюсь на то! Голова как в огне от мысли, что любишь ты Александра пуще нашего дитя...

Она почувствовала, как грудь Мусуда колыхнулась от тяжелого вздоха.

— Довольно голову бреднями забивать! — сказал он строго. — Не желаю больше слышать такие речи.

— Не желаешь, значит, и не услышишь более, — согласно закивала Миланья.

Она чуть отпрянула назад и заглянула ему в лицо.

— Прости, что заставила везти меня в Переславль! Взревновала я тебя, — выдохнула она ласково. — Но что же поделаешь уже? Ты здесь! Дождешься, когда распутица сойдет на нет и вернешься в Новугород. А я тебя здесь буду дожидаться...

Мусуд наклонился к ней и нежно коснулся губами её лба.

«Придется подмешать ему зелья, — подумала Миланья с тяжелым сердцем. — Иначе не удержу его...»

В следующее мгновение у нее перехватило дыхание, голова неистово закружилась и она, издав тихий возглас, покачнулась. Миланья упала бы, не подхвати её Мусуд. Она слышала голос мужа, зовущий её по имени, будто бы издалека, проваливаясь во тьму. В разуме её мелькнуло понимание — не помрачение это, часто случающееся с женщинами на сносях — а дар колдовской, заговоривший с ней вдруг. Тьма неумолимо поглотила всё вокруг и скоро Миланья перестала слышать и голос Мусуда. Тьма опутала её, затягивая в себя как болотный омут — но разум Миланьи не угасал, не впадал в беспамятство.

И тьма заговорила с ней нечеловеческим голосом:

— Хочешь обмануть судьбу, колдунья? Но видишь ли ты дальше своего носа?

Непроглядное темное марево, прежде окружавшее Миланью со всех сторон, рассеялось. Она увидела снова городские улицы, дома, стены — только вот всё это было объято огнем. Смерд и копоть поднимались к небу, застилая его полностью. Отовсюду звучали крики

обреченных на смерть и их безудержные рыдания. И кровь, кровь ... Всюду была кровь, а прямо на грязном снегу лежали растерзанные тела убитых.

Миланья повернулась вправо, затем влево, и везде видела только огонь и смерть. Потом она опустила взгляд вниз и с её губ сорвался крик ужаса и отчаяния — на руках она держала свою мертвую дочь. Она прижимала девочку к своей груди и кровь, вытекающая из огромной раны в животе ребенка, смачивала разорванное платье женщины. Миланья, не переставая надрывно кричать от горя, рухнула на колени.

Она уже не замечала огня, объявшего город, она видела только свою мертвую дочь, которую она не сумела спасти. Горячие слезы жгли её щеки и губы и ничего ей не хотелось так страстно, как умереть немедленно, дабы прекратить муку, разрывающую её несчастное сердце. И смерть услышала её призыв. Миланья безучастно смотрела, как к ней, размашисто перепрыгивая через мертвецов, бежит воин — смуглый и остроскулый, с узкими и блестящими от опьянения кровью глазами — вот он взмахивает кривым мечом над её головой...

И снова Миланья провалилась в болото тьмы.

— Смотри! — нашептывала тьма. — Смотри, что грядёт...

Увидела Миланья как море огня, поднявшись где-то на востоке, идёт на землю русскую, поглощая все живое на своем пути. Увидела, как русские князья, доселе враждовавшие меж собой, создают союзы и пытаются остановить огонь, но гибнут один за другим. Увидела она и князя Ярослава и нескольких его союзников-князей! Неумолимая стена огня подступила к ним, окружила со всех сторон... Ярослав сражался отчаянно и бесстрашно, но силы были слишком неравны... И вот огонь пожрал и Ярослава и его союзников.

Дикий и беспощадный огонь выжиг всю землю русскую — но то был еще не конец. С запада, оттуда, где садится солнце, на растерзанную и пропитанную кровью землю ринулись полчища псов с крестами во лбу. Никто не мог дать им отпора — нет ни сил, ни воли у тех, кто остался на выжженной земле, сопротивляться. И псы эти рвут на части то, что осталось от Руси, терзают её, добывая тех, кто еще не погиб, а затем пожирая всё без остатка.

— Погибнет Русь и не возродится больше... — возвещал нечеловеческий глас. — С рассвета придет огонь, а с заката — жадные псы. И куда ты не побежишь, всюду встретишь смерть, нигде не найдешь для себя спасения. Ибо суждено этим землям очутиться меж молотом и наковальней.

— Меж молотом и наковальней... — медленно повторила Миланья, чувствуя себя раздавленной новым знанием. — Как же отныне мне жить, ежели уготована моей дочери и мне такая участь? Лучше умереть прямо сейчас с дитем во чреве, чем потом держать на руках убитую дочь и выть, призывая смерть...

Тьма снова расступилась перед ней, даруя новое видение.

Перед взором колдуньи снова расстилалась Русь, объятая огнем — горели города и веси, а земля стала багряной от рек крови. И увидела она снова гибель князей, попытавшихся воспротивиться нашествию огня. Один за другим гибли потомки Рюрика — и вот огонь докатился до князя Ярослава. Тот вытащил меч, готовый сражаться до последнего вздоха с врагом, но случилось тут что-то удивительное — из тьмы выступил Александр и встал между огнем и отцом своим, заслонив Ярослава. И вдруг огонь остановился, а затем стал обтекать Александра, не трогая его и тех, кого он заслонил.

— Огонь не навредит огню... — прошелестела тьма.

Александр действительно был весь объят огнем, но тот не причинял ему никакого

вреда. Он вытащил из ножен меч и, повернувшись на запад, встал на пути у жадных псов с крестами во лбу. Удар за ударом он рубил псов, не позволяя им проникнуть вглубь русских земель. И видела Миланья, что там, где стоял Александр, в целости сохранялась и земля и живущие на ней люди — там замирал занесенный над Русью молот, там он не касался наковальни.

— Зри дальше! — повелела тьма колдунье.

Миланью на миг ослепил яркий солнечный свет, поглотивший собою прежнее видение.

— Васса! Васса! — слышала она свой собственный голос.

Она бежала с тулупом в руках вслед за своей шестнадцатилетней дочерью, которая выскочила из избы на мороз в одном платье. Васса, охваченная волнением, бежала навстречу княжеской дружине, которая резво въезжала в ворота Рюрикова Городища. Князь Александр — статный, возмужавший и всё столь же красивый — ехал в челе дружины на вороном скакуне. Дочь Миланьи выскочила навстречу коннице и едва не оказалась затоптанной; спасла её только ловкость Александра, успевшего вовремя остановить своего коня.

— Васса! Что же ты! — вскричала Миланья, успев перепугаться до смерти.

Подскочив к дочери, она торопливо набросила на её плечи теплый тулуп. Но Васса даже не оглянулась на мать — она, стоя у стремени княжеского коня, протягивала Александру платочек из черного полотна, на котором она старательно вышила Спас Нерукотворный. Только Миланья знала, сколько усилий и стараний пришлось приложить дочери, чтобы постараться воссоздать на отрезке материи боевой стяг Александра — изображение христианского Спасителя на устрашающе-черном полотне. Этот стяг внушал ужас врагам Александра одним своим видом! Васса не могла дожидаться, когда сможет одарить князя своим рукоделием, а услышав, как во дворце кто-то зычно крикнул — «Князь прибывает!» — она, забыв обо всем, бросилась на улицу.

Князь взирал на дочь Миланьи сверху вниз без недовольства, а с мягкой снисходительностью — так старшие братья смотрят на своих сестер-проказниц. Наклонившись в седле, он принял из рук Вассы платок, чем заставил её густо покраснеть и задрожать. Миланья, сердито сжав руку дочери, заставила её отступить назад и освободить путь князю. Знала она, что дочь её тайно любит Александра — любит, хоть и понимает, что безнадежно, неразумно и опасно это...

Тьма выпустила Миланью из своих лап, позволив ей прийти в чувство.

— Милушка! Слышишь ли меня? — восклицал Мусуд, склонившись над женой. — Отчего плачешь?

Женщина вдохнула полной грудью воздух, окончательно приходя в себя — она лежала на лавке в избе, куда её отнес супруг. Её щеки и вправду были покрыты солеными ручейками слез. Заглянув в глаза Мусуда, она издала тяжкий стон и холодными пальцами что есть силы сжала его ладонь.

— Собери всех ратников, кого сможешь найти и скорее возвращайся в Новугород! — зашептала она, преодолевая свою сердечную боль. — Любыми путями вернись туда скорее! Поспешай! Александр в опасности...

И без того встревоженное лицо Мусуда побледнело:

— О чем таком толкуешь?

— Нападут на Городище скоро... В ночи... Много их будет! — прерывисто проговорила Миланья и по её щекам продолжали катиться горькие слезы. — Ежели не успеешь, то погибнет он!

Супруг словно бы заледенел — и веря и не веря ей.

— Откуда известно? — глухо спросил он.

— Боги предвидеть дали мне это, — призналась колдунья, у нее не было сил кривить душою. — Прощу тебя, верь мне! Княжич на волоске от гибели...

Более Мусуд не колебался: оставив жену на лавке он, прихватив свое оружие, торопливо выскочил из избы. Миланье не надо было выглядывать наружу, чтобы знать — тот сейчас запряжет коня и поскачет в княжескую вотчину. Там, в отсутствие князя Ярослава, размещалась сторожевая сотня ратников под главенством воеводы, обязанная следить за порядком в стенах переславского детинца и охранять княжну с детьми. Надежда была на эту сотню! Если Мусуд приведет её к Рюрикову Городищу вовремя, то появится у княжича Александр шанс пережить ту ночь...

Отдышавшись немного, Миланья с трудом села на лавке. У нее перехватывало горло и судорожно заходило сердце от мысли, что она отравила Мусуда на верную смерть. Глотая слезы, она закрыла глаза, призывая души своих предков и прося у них совета.

«Миланьюшка! Гляди! — послышался голос её бабки, давно умершей и истлевшей в сырой земле. — Гляди, как ниточка вьется...»

Миланья вдруг очутилась в маленькой избенке, где жила она в девичестве: темная, тесная и закоптелая горница без окон, лавки вдоль стен и прялка в углу возле печи, где бабка долгими вечерами без устали мотала пряжу. Бабка, такая же темная как стены горницы, вся сгорбленная и ссохшаяся, скорее не говорила, а скрипела:

«Видишь эти ниточки? Каждая из них вьется по-своему; тут петелька, там узелок, здесь и узор чудной получается, — приговаривала бабка, оплетая пальцы Миланьи шерстяными нитями. — Так и судьбы людские в узор переплетаются. Каждый такой маленький узелок или петелька судьбу правит. Разорвешь узелок в одном месте — и весь узор попортится, всё нарушится. Так и судьба!»

«Не понимаю, бабуля! — шептала Миланья недоуменно. — Как же судьба нарушится из-за одного-единственного маленького узелка?»

«Узелок-то маленький с виду, зато всю тяжесть мира может собою удерживать! Кто-то мнит, что судьба получается от больших решений да поступков — но то заблуждение. Судьба — то не большая дорога, где ты разглядишь все повороты. Судьба — это тропка в густой да непроглядной чащобе. Вот вьется эта тропка меж деревьев, чрез овраги да холмы, с другими тропками встречается — так и судьба вьется-вьется, то вниз человека утягивает, то поднимает ввысь, то с другими судьбами сталкивает...»

Только теперь Миланья уразумела, о чем толковала тогда бабка! Она не могла увидеть всего хитросплетения нитей судьбы, управлявших жизнью княжича, но не сомневалась — если жизнь княжича оборвется, то оборвутся и другие нити судеб, в том числе и ее дочери. Княжич должен выжить — пусть даже ценой жизни Мусуда.

— Прости меня, любый мой! Прости... — пробормотала Миланья сквозь слезы.

7. БАГРЯНАЯ НОЧЬ

— Готово, батя! Всё сделали, как ты повелел. Дай только сигнал, когда начинать надобно.

Эти слова произнес Ильяка Бык, обратившись к вожаку ушкуйников. Звяга Рудница стоял, прислонившись плечом к березе, и глядел вдаль — туда, где на берегу Волхова еле виднелись стены детинца Новгорода. За спиной вожака, под прикрытием густого леса и бурелома расположилась разбойничья ватага, насчитывавшая почти что сотню человек. Все они, следуя приказу Звяги, сидели затаившись, костров не жгли, по лесу и берегу не разбредались, дабы не привлечь к себе внимания местных жителей. Звяга Рудница перевел взор на небо: солнце уже садилось.

— Когда Новгород вспыхнет — то и будет сигналом, — заговорил он и голос его звучал натужно, с хрипом. После того, как прошлым летом княжеская стрела пронзила ему горло и едва не погубила, вожак мог говорить только прилагая к этому силы. — Немного подождать осталось.

Да, всё было готово! Подначальные Звяге ушкуйники, переодевшись торговцами, смогли проникнуть в Новгород и провезли с собой за крепостные стены бочки, в которых припрятаны были пропитанные смолой щепы и береста. Стоит подпалить такую бочку — как вспыхнет она настолько жарким пламенем, что вмиг займется огнем всё, что окажется поблизости.

По распоряжению Звяги, ушкуйники спрятали бочки вблизи Новгородских житниц, где хранилось зерно для будущих посевов и имелись запасы довольствия на случай осады города. Сами житницы хорошо охранялись и незаметно оставить там запалы не представлялось возможным, однако в Торговой стороне хватало закоулков и тупиков, где можно было без лишнего глаза схоронить бочки. Оставалось дожидаться ночи и поджечь запалы, а там немедля загорятся деревянные хоромы, подворья, ограды! Весна в новгородской вольнице была теплой и ветреной — и по замыслу вожака ушкуйников ветер должен был стать союзником в его мести.

«Еще чуть-чуть — и доберусь я до княжича!» — тешил себя мыслью Рудница.

Оправившись от ранения, Звяга решил исполнить свое намерение и поквитаться с сыном Ярослава Всеволодовича. Всю зиму соглядатаи Звяги следили за Александром, пытаясь выискать слабое место в охране княжича. Но брешей в его защите не было: Александр никуда не выезжал без своей бдительной охраны, а само Рюриково Городище, охраняемое тремястами лучших ратников, казалось неприступной крепостью. Ясно было как божий день: пытаться выследить княжича в какой-нибудь поездке — дело долгое и почти наверняка безуспешное, а штурмовать Городище, покуда там обитают несколько сотен дружинников — так вообще путь к верной гибели.

И тогда Звяга придумал хитрость: нужно выманить из Городища основные силы, охраняющие княжича — и, покуда их нет, борзо проникнуть в крепость и перебить тех немногих, кто там остался. Провернуть такое дело было сложно, однако, все-таки возможно. Звяга всё рассчитал! Когда вспыхнет торговая сторона Новгорода, то огонь начнет угрожать городским житницам — и Александр вынужден будет выслать свою дружину в город, чтобы те спасали запасы зерна и жита. Ведь, ежели не спасти их, то вернется страшный голод, только-только отступивший от Новгорода. Конечно, в Рюриковом Городище останется

небольшое число ратников да личная охрана княжичей — но с ними-то уж ватага Звяги справится! Главное тут неожиданность нападения и скорость — напасть надобно стремительно, исполнить свою месть и столь же быстро отходить, прежде чем вернется в Городище княжеская дружина.

Порешив так, Звяга стал сзывать на дело братьев своих ушкуйников, обещая им щедрую награду за вспомоществование. Далеко не все, кого Рудница призывал, согласились идти за ним. Одно дело жечь и резать простой люд, другое — напасть на княжескую вотчину! Боевая слава князя Ярослава гремела по всей русской земле, дружину его по справедливости боялись, ну а коли тронешь его сына — не избежать тебе лютого отмщения от Ярослава Всеволодовича! Как пить дать, прижмет он свободолюбивых ушкуйников, из-под земли каждого виновного достанет, будет ловить их на реках и озерах и вырезать, как собак! Нет уж, отвечали ушкуйники Звяге, не пойдем супротив князя, опасно это! Однако ж, удалось Руднице всё же насобирать сотню татников, готовых за награду идти хоть против князя, хоть против самого черта.

И вот, близился долгожданный миг сладкой мести! Солнце скрылось за верхушками густого древнего леса и холодные весенние сумерки вместе с молочным туманом поползли по Волхову. На сторожевых башнях новгородских крепостных стен стража зажигала факелы и готовилась нести ночной дозор. Только не ведали защитники Новгорода великого, что на сей раз угроза придет не из-за городских стен, а из самого сердца города!

— Что же ты сделаешь с княжонком-то? — от нечего делать заговорил Илька Бык с главарем.

— Известно, что! На куски разорву, — хмуро отозвался Звяга Рудница и, почувствовав неудобство в горле, потер зарубцевавшуюся рану на шее.

— Ты сам-то его не встречал, а я вот давеча мельком видал княжича в торговой стороне, когда он к ремесленникам заезжал, — продолжал болтать подручный главаря. — Правду говорят про него в народе — уж больно хорош он лицом аки девка какая. В кого он такой уродился?

— Ну уродился и уродился, тебе-то что с того? — хмыкнул Звяга тогда. — Вскорости не станет у него лица этого хорошего!

— Так я к чему говорю, батя? Помнишь ли ты, как мы в персидских берегах бывали да продавали там в неволе пленников? Заправили тамошние спрашивали нас, можем ли мы добыть для них юнцов с кожей белоснежной и глазами светлыми. А коли еще красавцами писаными будут те юнцы, то втрое больше согласны торговцы нам платить! Помнишь? Сетовали те торговцы, что видных девок множество привозят на рынок, а юнцов-то лицом ладных раз-два и обчелся! И потому спрос на них шибко большой.

— Ну помню, — кивнул вожак ушкуйников. — Дальше-то что?

— Так мож не убивать тебе мальчонку, а прибрать к рукам да и продать в персидские земли? Щедрую награду от персов получишь! Облик у него весьма ладный — за такое лицо тебе целое состояние отвалят!

Удивленно Звяга Рудница уставился на своего подручного. Не ожидал он от туповатого и простого, как чурбан, Ильки услышать столь дельную мысль! И правда, торговцы на невольничьих рынках готовы щедро платить за красносложенных юношей — ибо перепродают они их потом во дворцы богатых дворян и шахов. А Звяга, хоть и презирал всей душой противные природе пороки персидских богатеев, однако ж выгоду свою считать умел!

— Неужто и правда так хорош? — осведомился он, помолчав немного.

— Увидишь сам — диву даваться будешь!

Крепко призадумался Рудница, позабыв ненадолго о неминуемо наступающей ночи.

Если доселе он твердо знал, с какой целью он охотится за княжичем Александром, то теперь в его помыслы закрались сомнения. Ежели княжич взаправду так красив лицом, как утверждает Илька, то почему бы и не пожить за счет его красы? Теперь в разуме Звяги боролись два стремления: жажда кровавой мести и разбойничья алчность.

Душа у него требовала отмщение за ту стрелу, что едва не убила его на поле брани, а Звяга привык платить своим врагам сполна! Но мысль о щедром вознаграждении, что он мог получить от торговцев живым товаром, охлаждала его желание убить княжича. Теперь нападение на Рюриково Городище виделось ему не просто прихотью, с которой он не получит прибýtка, а только лишь растратит накопленное добро — ведь призванным ушкуйникам нужно заплатить за ратоборство! — а делом весьма многообещающим.

После недолгих колебаний в вожаке ушкуйников победила алчность. Подумал он так — есть на свете вещи и похуже смерти! А уж для отпрыска гордого княжьего рода — рабство тем паче позорнее смерти. Каково будет княжичу, привыкшему повелевать подданными, очутиться на месте униженного раба? Это, пожалуй, заставит княжеского выродка еще взмолиться богу о смерти! Вот через то Звяга и оплатит Александру за нанесенную обиду!

— Смеркалось уж совсем, — подал голос Илька Бык.

Звяга Рудница, освободившись от размышлений, одобрительно хлопнул его по плечу.

— Вот за что ценю тебя, Илька, так за твой светлый ум! — похвалил он своего приближенного. — Дельную ты мысль подсказал! Верно судишь: пошто убивать мальчонку, раз можем мы его с выгодой большой продать в неволе?

Илька Бык тут же расплылся в улыбке, счастливый от похвалы.

— Только вот придется нам быть вдвое скорыми, ежели хотим уйти от княжеской погони, — рассуждал дальше вожак. — Придется сразу идти в низовья Волаги, а оттуда уходить в Хвалынское море, не задерживаясь нигде.

— Сейчас течение Волаги бурное да быстрое! Ушкии вмиг проскочат по ней к низовьям, — заметил на то Илька. — Мы-то не боимся половодья, научились его укрощать! Это пусть княжьи ратники боятся выйти в воду на лодках, а нам-то, батя, и море по колено!

Звяга улыбнулся согласно и снова похлопал его по плечу.

— Ступай к мужикам и скажи им, что планы мои меняются, — повелел он Ильке. — Коли обнаружат княжича поперед меня или тебя, то пусть убивать не спешат, а постараются взять живым. И, раз уж на то пошло, лицо ему пускай поберегут! А как только схватят его, то сразу же подают сигнал к отступлению.

Илька Бык отправился к затаившимся в буреломе ушкуйникам, а Звяга Рудница вновь прислонился к дереву и уставился в сторону Новугорода. Бледная луна прошла четверть пути по ночному небосклону, прежде чем настал час, оговоренный с сообщниками, засланными в Новугород. В тот час должны подначальные Звяге разбойники одновременно запалить смоляные бочки, создав сразу несколько очагов пожара.

И вот Рудница увидел вдали то, что так тщательно высматривал — над Новугородом появилось огненное зарево. Церкви и вечевой колокол затрещали что есть силы, поднимая тревогу в городе. Порывистый ветер за считанные мгновения раздул огонь до небес и, к вящей радости Звяги, направил огонь в сторону софийской стороны. Это значило, что огонь совершенно точно подступит к городским житницам и, вполне возможно, перекинется и на другой берег реки. Тут уж княжичу и его тиуну ничего не останется сделать,

как пытаться всеми силами спасти новгородские запасы зерна и жита!

— Пора! — скомандовал Рудница.

Отряд ушкуйников, держа наготове оружие, высыпал на берег и рысцей направился в сторону Рюрикова Городища.

Александр проснулся от звука городищенского колокола, в который били дозорные.

Вскочив с постели, он вышел из светлицы и снаружи наткнулся на встревоженного и заспанного тиуна Якима Матвеевича. В горницу вбежали несколько ратников, сообщивших, что над Новгородом пылает зарево огромного пожара. Александр, поспешно накинув на себя кафтан, выскочил их хором и поднялся на башню-смотрильню, откуда виден был Новгород. Небо над столицей новгородской вольницы стало багряным от неистового огня, пожиравшего город — и зрелище это заставило княжича на миг замереть в растерянности.

— Торговая сторона горит! — воскликнул ошарашенно тиун, тоже взобравшись на верх смотрильни. — Ишь как пылает! Так недолго и всему граду в пепел обратиться!

Александр вздрогнул: если огонь доберется до городских житниц, то запасы зерна для сева будут уничтожены. И нечем будет засеивать землю и снова придет на новгородские земли страшный голод. Нельзя того допустить, нужно спасти зерно! Княжич опрометью бросился вниз по лестнице.

— Где Глеб Синица? — вскричал он, выбегая на гульбище.

Глеб Синица, коего Мусуд оставил старшим в Рюриковом Городище, уже спешил к княжьим хоромам.

— Поднимай дружину, седлайте лошадей и спешите к городским житницам! Пусть каждый ратник спасет столько зерна, сколько сможет! — приказал ему Александр. — Поспешайте же, покуда поздно не стало!

Старшой кивнул коротко и тут же бросился выполнять веление княжича.

— Я тоже поеду в город... — объявил тиуну Александр.

Услыхав сие, Яким Матвеевич немедля возразил мальчику:

— Нет, княже! Прошу тебя, не рискуй собой, не лезь в пожарище! — встав перед княжичем, тиун всем своим видом давал понять, что не пустит ни за что его за стены Городища. — Кто там, в огне и сутолоке, присмотреть за тобой сможет? В своих годках ты там только мешаться ратникам будешь да отвлекать их от дела!

Александр потер затылок и кивнул согласно; да, пожалуй, он будет только мешаться — ведь тогда ратникам придется думать о его защите, а не о том, чтобы быстрее спасти запасы зерна. Придется ему остаться в Городище и ждать исхода событий! Вскорости три сотни ратников, за исключением княжеской охраны, покинули стены Городища и устремились по дороге в сторону охваченного огнем Новгорода.

Александр, не возвращаясь в хоромы, снова поднялся на смотрильню. Сердце у него сжималось от беспокойства. Какое же невезение! Отец оставил его наместником в этих землях, дабы он за порядком в вольнице следил, а тут такая напасть случилась! И это после того, как приметы народные обещали измученным непогодой и лишениями новгородцам доброе лето и обильный урожай. Если не получится спасти хотя бы толику зерновых запасов, то придется Новгороду опять терпеть голод. А там, где голод начинается — и до смуты

народной недалеко.

«Что я скажу отцу? — зудела в голове мальчика горькая мысль. — Как оправдаюсь, если не смогу спасти зерно?»

Опершись ладонями на борты смотрильни он прикрыл глаза, чувствуя себя до тошноты беспомощным.

А тем временем со стороны леса появились человеческие тени, во тьме ночной бесшумно ступая по земле. Размашисто раскрутив крюки-кошки на длинных и крепких веревках, они забросили их на крепостные стены Городища. Когда крюки надежно зацепились за стены, тени, крепко цепляясь за веревки, поползли наверх. Башни и прясла Рюрикова Городища были пусты — дозорные, привлеченные жутким зрелищем, собрались в той части крепости, откуда лучше всего был виден пожираемый огнем Новугород.

Тени, вскарабкавшись на стены, подобрались к дозорным, держа наготове ножи с остро отточенными лезвиями. Они набрасывались на ратников сзади и сразу же наносили молниеносный удар — один короткий взмах и горло княжьего воина оказывалось глубоко распоротым. Почти беззвучно все дозорные попадали замертво, а тени, пригибаясь и стараясь оставаться незамеченными на стене со стороны дворища, уже спешили по лестнице вниз, чтобы успеть открыть ворота Городища до того, как кто-нибудь поднимет тревогу.

Александр, уловив слухом какой-то неясный шум, распахнул глаза. С высоты смотрильни он разглядел в призрачном свете луны и факелов во дворище как в распахнувшиеся створы врат за стены Городища врывается множество теней. Двигаясь тихо и стремительно они рассредоточились по закоулкам Рюрикова Городища и двинулись напрямик в сторону княжьего терема.

Княжич посмотрел вниз, разыскивая взглядом ратников, стороживших крыльцо княжьего терема.

— Трубите в рог! Враги в Городище! — закричал он что есть силы.

К его облегчению, дозорный услышал его и, не теряя времени, приложился к рогу. Гулкий звук пронесся над крышами домов и дворовых построек. Впрочем, надежды у Александра на то, что звук рога услышит ушедшая на помощь Новугороду дружина, не было — слишком далеко те успели отъехать от Городища да и бой новугородских колоколов заполнял собою всю округу. Однако княжич рассчитывал, что гудение рога поднимет по тревоге тех ратников, что остались в Городище — так оно и случилось.

Услышав звук рога, ратники тут же схватились за оружие и повыскакивали во дворище перед княжьими хоромами. Ушкуйники, поняв, что их присутствие раскрыто, уже не скрываясь и залихватски свистя и улюкая, бросились на немногочисленных защитников крепости. Зазвенели стальные клинки, ударяясь друг о друга, ухали кованые топоры, рассекая воздух с бешеной силой — ушкуйники навалились на княжьих дружинников толпой, наседая со всей возможной яростью, заставляя их отступать назад, к крыльцу хором.

Александр инстинктивным жестом потянулся к мечу на поясе, но не обнаружил его — свое оружие он впопыхах оставил в светелке подле постели! Перепрыгивая через несколько ступеней сразу, княжич понесся вниз. По гульбищу навстречу ему уже бежал Яким Матвеевич — он, осознав, что под покровом ночи на Городище напали враги, покинул хоромы в поисках старшего княжича.

— Княже! Скорее в дом! — крикнул тиун.

Александр забежал в хоромы и тиун тут же запер дверные створы на широкий кованный засов, а затем дополнительно подпер двери деревянным брусом — предназначенным для

укрепления дверей в случае штурма дома. Пока тиун запирает дверь, Александр заскочил в свою светелку, торопливо подпоясавшись мечом, спрятал в сапоге кинжал и, прихватив лук с колчаном, вернулся в грядницу.

— Кто это? Кто напал? — спрашивал испуганно Андрей, которого разбудил по его кормилец Савелий.

— Да кто их знает! — обернувшись к мальчикам, выдохнул тиун. Отерев пот со лба, он кинулся к княжичам: — Много этих злыдней, нашим ратникам долго их не удержать! Попробуем уйти через тайный ход в подклете.

— Нет, не хочу наружу! — окончательно зашелся от страха Андрей. — Давай здесь останемся, ведь двери-то заперты!

— Двери они в два счета высадят, как только перережут всю вашу охрану! Так что оставаться тут нельзя, надо пробовать сбежать.

— Я не побегу! — возразил Александр решительно.

Тиун, проклиная его трудный нрав, воскликнул с отчаянием:

— Не время спорить, княже! Много этих супостатов, а ратников наших мало. Убьют вас эти черти, если не попробуем сбежать.

Старший княжич как будто внял его доводам. Ведя за собой мальчиков, Яким Матвеевич спустился в подклет, подсвечивая себе дорогу запаленным факелом. Там, у одной из стен, находился спасательный лаз, выкопанный на случай осады княжеских хором. Отодвинув в сторону кадку, тиун освободил проем в полу, куда вела лестница — спешно все трое спустились вниз. Около ста шагов им пришлось пройти, прежде чем они дошли до другой лестницы. Поднявшись на поверхность тиун и княжичи очутились в одной из конюшен.

— Хоть бы один конь остался! — молился княжий наместник, торопливо осматривая опустевшие стойла.

К его радости, в крайнем стойле нашелся скакун — теперь у княжичей появился шанс на спасение!

— Давайте, ребятки, скорее на коня! — проговорил Яким Матвеевич и оглянулся на княжат. — Где Александр?!

Действительно, княжич Андрей стоял у стойла один — пока тиун надевал на коня узду и выводил того из стойла, Александр незаметно улизнул. Обмерший от страха Яким Матвеевич заметался по конюшне, слабо надеясь, что старший княжич спрятался где-нибудь в стойлах, но не отыскал его. Стало ясно, Александр выбежал наружу, желая ввязаться в бой меж ратниками и супостатами.

Замер скорбно тиун. Что делать ему? Отправиться искать Александра в гуще злой схватки? Так ведь то верная смерть и для него и для княжича Андрея! Нет, не может он рискнуть головой Андрея! Надобно спасти хотя бы младшего княжича, раз уж старший вознамерился подвергнуть жизнь свою смертельной опасности! Да, нужно спасти хотя бы одного из княжичей...

Закинув хныкающего Андрея на коня, тиун тоже взгромоздился на спину скакуна. Понукая коня пятками, он направил того к приоткрытым воротам конюшни. Оказавшись во дворе тиун ускорил коня, надеясь стремительно проскочить мимо врагов к воротам — однако вскоре им преградили дорогу. Завидев бегущих на них разбойников, Яким Матвеевич развернул коня и попробовал было уйти от наступающей ватаги через проулки меж строений и домов. Но куда бы тиун не поворачивал коня, всюду он наткнулся на толпу врагов — в

отчаянии он метался по проулкам, пытаясь найти выход и не находил его.

В очередной раз завернув коня за угол, Яким Матвеевич напоролся на засаду. Один разбойник топором подсек его коня и тот с диким ржанием повалился на землю сбросив наездников, а второй татник, залиvisto улюкая, подскочил к упавшему тиуну и со страшной силой опустил ему на голову массивный шестопер. Тиун и пикнуть не успел, как шестопер раздробил ему голову и мгновенно прикончил. Разбойник за шкуру поднял ушибшегося Андрея и гулко пробасил, обращаясь к своему пособнику:

— Он? Не он?!

Татник не успел услышать ответа, как меткая стрела вонзилась ему в горло, пробив его насквозь — выпустив княжича из рук, он повалился замертво. Другой разбойник начал вертеться по сторонам, высматривая стрелка. Он ждал, что просвистят в воздухе новые стрелы и готов был защититься от них деревянным щитом.

Александр, выждав удобный момент, бесшумно прыгнул на землю с амбарного навеса с мечом в руках и проворно оказался за спиной разбойника. Он не попытался ударить мечом в спину — ведь ушкуйник был облачен в кольчугу и сил княжича могло не хватить, чтобы нанести решающий удар — вместо того он что есть силы полоснул лезвием по ногам врага чуть выше пяток. То было уязвимое место — так учил Александра его кормилец.

«Запомни, Олекса. Сила, конечно, важна в бою. И латы тоже важны. Но главное — ловкость и понимание слабостей врага! Убийцы-измаилиты никогда не облачались в тяжелые доспехи, но побеждали врагов, закованных в железо с ног до головы. Тот, кто закован в железо, становится неповоротлив и нужно только угадать время, чтобы внезапно ударить в брешь в его латах! Так же следует поступать с тем противником, кто крупнее и сильнее тебя: надобно быть хитрее и быстрее его — высмотреть слабое место, зайти со спины и ударить так, чтобы вмиг отнять у него преимущество в силе...»

Разбойник вскрикнул, ноги перестали слушаться его и он, попытавшись повернуться к Александру неловко повалился на колени. На миг разбойник оказался захвачен врасплох — и этого хватило княжичу. Следующим сильным и верным ударом он полоснул мечом по горлу противника, отнимая у того жизнь. Кровь брызнула горячими брызгами и ушкуйник, издавая предсмертные хрипы, обмяк на земле.

— Братец! Братец! — простонал Андрей, протягивая брату руки.

Старший княжич оглянулся на него и Андрей вдруг испугался его — глаза Александра горели свирепым нехристианским огнем, а на лице его блуждала торжествующая улыбка. Ему, несомненно, пришлось по вкусу совершенное кровопролитие. Мельком посмотрев на убитого тиуна, Александр подбежал к брату.

— За мной! — выпалил он, хватая Андрея за руку и дергая за собой.

Прихрамывая на расшибленную ногу, младший княжич поспешил за ним. Александр подсадил его, помогая забраться на амбарный навес, затем подпрыгнул и подтянулся сам. Подобрал оставленный на крыше навеса лук с колчаном, он велел Андрею следовать за ним по пятам. Княжичи, двигаясь по крышам дворовых построек, перебираясь через коньки крыш, оказались неподалеку от дворища перед княжеским теремом. Здесь Александр остановился и знаком дал понять, чтобы Андрей припал к крыше животом и тем самым скрылся от глаз врагов.

Сам Александр, тоже лежа на крыше, изучал место сражения: дружинники были почти полностью перебиты, лишь горстка ратников — три или четыре человека — сражались с врагами на крыльце княжеской вотчины из последних сил. А меж тем во дворище сбегалось

все больше и больше разбойников: они уже подожгли хаты и амбары в округе, перебили защитников крепости и слабых женщин и теперь шли напрямик к княжьим хоромам.

— Оставайся здесь и, покуда не увидишь наших, не спускайся, — приказал Александр брату.

— А ты куда? Олекса! — зашептал в страхе Андрей.

Но тот не слышал его, а уже бежал по крышам дальше, выискивая удобное место для стрельбы. Добежав до места, откуда открывался вид на сражение во дворе, Александр вытащил стрелу из колчана. Натянув тетиву что есть силы, он выстрелил — и кто-то из разбойников повалился с ног, пораженный стрелой. Затем он вытащил вторую стрелу — и еще один татник рухнул на землю, обливаясь горячей кровью. Княжич стрелял — и всякий раз попадал в цель.

Александр твердо помнил наставления Мусуда:

«Никогда не спеши ввязываться в ближний бой! То всегда успеется! Коли будет такая возможность, береги силы и наноси удары издалека, бей врага стрелами, изматывай его, — натаскивал его кормилец. — В бою главное сохранить за собой преимущество, а не бросаться сломя голову в гущу драки. Потому сначала используй стрелы! И только когда они закончатся или какая другая необходимость возникнет — к примеру, попрет враг на тебя — хватайся за меч и переходи в ближний бой».

Когда очередная стрела свалила ушкуйника подле Звяги Рудницы, вожак выдернул стрелу из раны покойника и грозно зарычал. Узнавал он княжескую стрелу — подобная свалила его на волжском берегу! Выходит, княжич не в тереме, а где-то тут! Из-за темени и густого дыма, стелющегося к земле, главарю ушкуйников не сразу удалось отыскать взглядом место, где засел Александр.

— Вон он где! Илька, достань его! — крикнул Звяга, указав направление пальцем. — Только напрямую не беги, а то срежет стрелой!

Подручный вожака, сжав покрепче свой огромный топор, бросился в сторону, пробежал вдоль гульбища и скрылся за пристройками — рассчитывая зайти за спину Александру. Рудница как раз собирался отдать приказ своей ватаге оставить штурм княжьего терема, а повернуться к избе, с крыши которой стрелял княжич — как во дворе, словно ураган, ворвалась княжеская конница. Горячие кони дружинников с разлету затаптывали собой тех ушкуйников, кто оказывался у них на пути.

— Положить всех без пощады! — закричал Мусуд, мчавшийся во главе дружины.

На скаку он своим кривым татарским мечом снес головы нескольким ушкуйникам, после чего ловко спрыгнул с седла и оказался в гуще разбойничей ватаги. С неистовством Мусуд бросился в схватку с разбойниками, рубя и кромсая их налево и направо. В своей яростной необузданности он походил на самого дьявола и внушал своим врагам священный ужас — они против воли начинали пятиться назад, пытаясь избежать рокового столкновения с его смертоносным мечом.

Прочие переяславские ратники, насеив на пеших ушкуйников конями, заставили тех прижаться к стенам и тем самым загнали в ловушку. Княжеские мечи свистели в воздухе, опускаясь на головы разбойников и те падали под копыта коней. Понял Звяга Рудница — плохо дело! Как видно, откуда-то в Городище подоспела подмога. И очень возможно, что это только первый отряд и вскорости сюда подоспеют отосланные в Новугород ратники. А хорошо вооруженные конные воины против пеших ушкуйников, да еще и в численном перевесе — смертный приговор для ватаги Рудницы.

А потому надо как можно скорее уходить с места боя! Авань, в сутолоке удастся оторваться от погони по лесу, а потом на ушкуе быстрехонько сплавиться по рекам! Однако отступать без намеченной добычи Звяга Рудница отнюдь не собирался! Пока дружинники режут его пособников, у Звяги есть время схватить княжича и скрыться с ним. Бросив свою ватагу на расправу княжеским ратникам, Рудница рванул в сторону, ища укрытия в дыму и за стенами полыхающих изб.

Александр, ликующе улыбаясь, наблюдал за тем как теснят дружинники напавших на крепость врагов. Он не переставая пускал стрелы, сшибая то одного, то другого разбойника. И вдруг он услышал свое имя — это его звал Мусуд из самого сердца схватки.

— Олекса! Олекса! — отчаянно кричал кормилец, при этом не прекращая крушить своих противников.

— Мусуд! — выдохнул Александр.

Он потянулся к колчану со стрелами и обнаружил, что в нем осталась последняя стрела. Вынув её, он вложил её в лук и натянул тетиву, прицеливаясь. Мусуд сражался в самой толчее и Александр плохо видел его. Но того, что он мог разглядеть, хватило, чтобы заметить огромного, как медведь, ушкуйника, пробивающегося в сторону татарина с занесенным вверх кованным топором. Княжич спустил тетиву и стрела, направленная его твердой рукой, словно молния преодолела расстояние, отделявшее Александра от кормильца, и сразила ушкуйника-медведя в аккурат перед тем, как тот успел опустить свой топор на шею Мусуда.

Топор лишь слегка скользнул по панцирной броне Мусуда, надетой поверх кольчуги, не причинив ему никакого вреда. Татарин обернулся и успел заметить, как замертво повалился тот, кто подкрался ему за спину — из шеи убитого торчала александрова стрела. Направление хвоста стрелы указывало, откуда она была выпущена.

— Олекса! — с облегчением шепнул Мусуд, поняв, что княжич жив и стреляет из засады. Прорубая себе дорогу сквозь столпотворение ушкуйников, из последних сил отбивающихся от натиска дружинников, он поспешил в ту сторону, где скрывался княжич.

— Эй! Малец! Подь-ка сюды!

Александр оглянулся: на крышу дома по приставной лестнице взобрался здоровенный и косматый детина с топором наперевес. То Илька Бык, исполняя приказ Звяги Рудницы, поднялся за княжичем. Покрытая дранкой крыша жалобно потрескивала и скрипела под весом ушкуйника, но тот упорно лез к коньку крыши. Княжич потянулся было к колчану, но вспомнил, что истратил последнюю стрелу. Отбросив в сторону лук, Александр выпрямился в полный рост, стоя на коньке ровно и не покачиваясь, словно птица — и вытащил из ножен свой меч, приготовившись обороняться.

И вновь он вспомнил наставления Мусуда:

«Воины рассчитывают на силу и нападают всем своим весом, но сила не всегда выручает. Порой силача можно свалить одним ловким ударом. Сделать то можно, если правильно выбрать место боя. Ежели видишь, что силы не равны, то уравний положение — замани врага туда, где он не сможет развернуться в полную мощь; туда, где ему будет тесно и опасно; туда, где любое неосторожное движение может стать для него роковым...»

— Подь сюды! — повторил угрожающе ласково Илька Бык. — Да я тебя не трону, княжич! Ты только подойди!

Меч в руках мальчика не пугал его, уж с одиннадцатилетним сопляком он без труда справится! Однако, когда он приблизился к княжичу и махнул в его сторону топором, то

Александр, к его ошеломлению, довольно ловко отбил атаку. Отбил и почти не покачнулся, хотя Илька, полагаясь на свою недюжинную силу, рассчитывал выбить из его рук меч и скинуть того с конька крыши.

— Сбрасывай его вниз! — раздался хриплый и натужный крик с земли, это подоспел Звяга Рудница. — Бросай, я словлю!

Илька Бык вновь пошел в наступления, рассчитывая оттеснить княжича к краю и тем самым заставить того или прыгнуть вниз — в руки Рудницы, или оказаться в его власти. Он раз за разом взмахивал топором, наступая на Александра, и тому, отражая его атаки, действительно приходилось отступать назад. Но когда ноги княжича оказались у самого края, то мальчишка неожиданно проворно увернулся от Ильки Быка и, прощмыгнув у него под рукой, рубанул мечом по его ногам.

Охнув от боли и потеряв власть над собственными ногами, Илька закачался из стороны в сторону как подрубленное дровосеком дерево. Александр что есть силы толкнул его плечом в спину и тогда Илька Бык полетел с крыши вниз, тяжело ударившись головой о деревянную мостовую. Звяга Рудница окаменел, не веря в то, что лучший его боец, оказался повержен каким-то мальчишкой. Как же так? Как такое возможно?..

Завидев, что к нему бежит сквозь дымную пелену один из княжьих ратников, Звяга очнулся от потрясения. Нужно бежать! Теперь уж точно! Еще немного — и все пути к отступлению будут перекрыты дружинниками. Погрозив напоследок Александру, который пристально смотрел на него с крыши и чьего лица Звяга так и не смог как следует разглядеть, вожак ушкуйников бросился наутек.

«Ничего, княжич! Ты победил на сей раз, но должок за тобой так и останется! — думал с лютой злобой Рудница. — И настанет время, когда я за должком вернусь!»

Поймав оставленного кем-то из ратников коня, он вскочил в седло и метнулся к воротам, скоро скрывшись в ночной мгле.

— Олекса! — закричал Мусуд тем временем, останавливаясь подле дома. — Где же ты? Княжич спрыгнул на землю неподалеку от него, глаза его обрадованно сияли.

— Мусуд! Ты видел? — заговорил он задористо, указав в сторону Ильки Быка. — Этого здоровяка я уложил сам!

Кормилец, не слыша этого, принялся осматривать его, проверяя, не ранен ли питомец. — Аллах милостив! — пробормотал он, поняв, что княжич цел и невредим.

Ощущая, как от почти невыносимого чувства облегчения у него дрогнули ноги, Мусуд опустился на колени перед Александром и попытался перевести сбившееся от волнения дыхание. Где-то там, во дворе, еще гремела сеча, но княжьи дружинники неумолимо добивали загнанных в ловушку ушкуйников. А княжич смотрел на кормильца горящим взором и думал только о своём:

— Теперь пусть кто попробует сказать, что я мал на мечах рубиться!

8. ВЫБОР АЛЕКСАНДРА

Перед рассветом хляби небесные разверзлись и на землю Новугородской Вольницы пролился первый весенний дождь. Спасительная влага залила огненное зарево над Новугородом, потушив полыхающие городские постройки. Когда солнце взошло, то над Новугородом еще лениво плыли клубы черного дыма, но огня уже не было заметно.

Княжич Александр, стоя на крыльце княжьего терема, наблюдал за тем как дружинники стаскивают на телегу тела убитых ушкуйников, чтобы вывезти за пределы Городища и сбросить в общую могилу. Убитых защитников Рюрикова Городища относили в сторону — под крышу конюшни — чтобы затем провести над каждым из них отпевание и помянуть добрым словом перед погребением.

Александр уже доложили о потерях. Мало кто из женщин — супруг милостников Ярослава — сумели уцелеть. Лишь несколькими из них удалось схорониться в подполах и переждать резню. Пали в бою также почти все ратники, охранявшие крепость. Среди погибших смертью храбрых оказался и кормилец княжича Андрея — боярин Савелий — в момент опасности он выскочил из хором и до последнего с мечом в руках сдерживал напор разбойников, пытавшихся прорваться к крыльцу княжеской вотчины. Лицо Александра было серьезным и мрачным — с мальчика уже сошел кураж, в который он вошел в момент жаркой битвы — и теперь его душу переполняла скорбь.

— Кто ж такие были эти татники? — задумчиво проговорил Мусуд; он стоял неподалеку от княжича, опершись спиной на столб. — Что за безумный ушкуйник решился бы напасть на Рюриково Городище? И главное, ради чего?

Александр не сразу ответил, ему было трудно признать очевидное.

— Они напали на Городище из-за меня, — проговорил он тихо, продолжая глядеть во дворце.

— С чего ты взял? — поднял брови татарин изумленно.

— Я узнал их вожака. То был тот самый рыжий ушкуйник, которого я прошлой осенью свалил стрелой у Волаги. Я думал, что убил его тогда... Но, как видно, ошибся! — княжич тяжело вздохнул, упрямо глядя куда угодно, но не своего кормильца. — Он собрал ватагу и пришел отомстить мне. Он искал меня! Я понял это, когда он вместе с подручным выследил меня на крыше.

Татарин до скрипа сжал зубы, с трудом подавляя ярость, заполнившую его при мысли о том, какая страшная напасть угрожала Александру. И вспомнился ему тот жуткий страх, что он пережил, покуда без передышек и привалов добрался до Новугорода сквозь распутицу и половодье, не жалея ни лошадей, ни ратников.

— Авось настигнет его погоня, которую ты выслал! — заметил он, надеясь, что так оно и случится, и окажется клятый ушкуйник в его, Мусуда, руках. — Дружина прочешет окрестности и, быть может, выловит этого треклятого шайтана! А коли поймаем негодяя, так воздадим ему по чести!

— Может и поймаем. И по чести, может, и воздадим, — в голосе Александра отчетливо проступили нотки снедающей его горечи. — Только тех, кого он погубил, уже не вернем! Сколько вятших мужей мы потеряли этой ночью? А женщины?.. Ведь почти никого не уберегли!

Мусуд тяжело вздохнул, разделяя печаль мальчика.

— Не вини себя, Олекса... — начал было он, но тот перебил его:

— И Новугород не случайно загорелся! Ушкуйники нарочно его подпалили, чтобы я дружину туда отправил и Городище без защиты оставил.

Кормилец преодолел расстояние, разделявшее их, и положил ладонь на его плечо:

— Не вини себя, Олекса! Ты все сделал правильно, — повторил он с мягким нажимом. — Нужно было спасти житницы Новугорода и уберечь народ от голода. Ты, пусть и сам того не ведая, пожертвовал немногими ради благополучия многих. Ты повел себя как настоящий князь! Ведь тем, кто облечен властью, зачастую приходится выбирать меж двух зол, а третьего им не дано...

Александр ничего не ответил, но видно было, что слова Мусуда смогли хоть немного облегчить его душевные терзания. Тем временем из дверей терема вышел в сопровождении ратника старец-знахарь, призванный в княжескую вотчину, чтобы помочь пострадавшему Андрею и раненым дружинникам.

— Как мой брат? — обратился к старцу Александр.

— Зашиб ноженьку-то княжич! Но страшного ничего нет, княже, будь спокоен, — заверил тот. — Похромает седмицу, а потом и выправится. Травы я ему оставил целебные, что боль притупляют да хвори изгоняют — пушай настаивают ему те травы и княжич исправно выпивает их!

Княжич кивнул и велел проводить старца к другим раненым.

— Я еще не спросил тебя, Мусуд, — заговорил он, после того как снова остался на крыльце наедине с кормильцем. — Какими судьбами ты вернулся на новугородскую землю до спада половодья? И почему привел с собой переяславскую сотню? — произнеся это, Александр посмотрел ему прямо в глаза.

Мусуд с показным спокойствием выдержал его взгляд.

— Выйдя как-то на охоту, я переяславских лесах столкнулся с разбойником одним. Напасть он на меня вздумал, ну я его и поломал, — озвучил он то, что сказал и воеводе переяславской сторожевой сотни, когда поднимал того вместе с дружиной в Новугород. — И перед смертью своей поведал мне тот разбойник, что кто-то лихих лесных людей сзывает к себе на службу и собирается напасть на Рюриково Городище. Ну я и поднял по тревоге сторожевую сотню, да помчался сюда.

Александр еще некоторое время разглядывал его, потом отвел взгляд в сторону.

— Ясно, — только и сказал он. — Что ж, подоспел ты вовремя!

Мусуд едва заметно поежился, радуясь, что княжич поверил его оправданию.

— Княже! Гонец из Новугорода прибыл! — подбежал к крыльцу один из дозорных. — Владыка Спиридон и господари новугородские просят тебя приехать на совет немедля!

— Передай — скоро прибуду, — ответствовал княжич. — Мусуд, прикажи готовить коней.

— В каком числе едем? — уточнил татарин.

— Отбери ратников для моей личной охраны и хватит того.

Решение княжича пришлось не по душе его телохранителю:

— Опасно выезжать с одной лишь охраной! Из-за свалившихся на Новугород несчастий смута народная может случиться. Начеку надобно быть.

— Тогда возьми столько ратников, сколько посчитаешь нужным, — не стал возражать Александр и удалился в хоромы, чтобы умыться и переодеться в подобающее князю облачение.

Под непрекращающимся проливным дождем, Александр в сопровождении Мусуда и полусотни дружинников выдвинулся в Новгород. Въехав в город с Торговой стороны, княжич получил возможность своими глазами видеть последствия страшного ночного пожара. Нос щекотал острый и прогорклый запах потухшего пожарища, витавший над Новгородом. Всепожирающий огонь выжег почти половину Торговой стороны, превратив в головешки и зажиточные дома и ремесленные мастерские и городские житницы — и уже подступил к берегу Волхова, грозясь перекинуться на Софийскую сторону, но пролившийся дождь уберег древнюю часть Новгорода от пламени. То тут, то там Александр видел телеги, куда сносили погибших от огня людей, дабы поскорее схоронить их и избежать вспышки болезней среди выживших. А те, кто уцелел, но лишился крова и всего своего достояния, сидели прямо на улицах под наспех сооруженными навесами.

Спешившись с коня у Владычного двора, Александр проследовал в палаты в сопровождении своей охраны. Остальным ратникам Мусуд велел стоять перед палатами Владычного двора да смотреть в оба — вдруг еще какая напасть объявится поблизости. Войдя в думную горницу, где, по старой традиции заседали господа новгородские, княжич Александр оглядел собравшихся: тут был и архиепископ Спиридон, и посадник Степан Твердиславович, и тысяцкий Микита Питрилович и еще дюжина именитых бояр.

— Рады мы видеть тебя в здравии, князь Александр! — произнес архиепископ с почтительностью. — Призвал я тебя, чтобы ты вместе со всеми господами новгородскими порешал, как жить теперь нашему славному городу после случившейся беды. Прошу, займи причитающееся тебе место, князь! — и церковник указал на резное кресло во главе стола, где по обычаю заседал князь.

Бояре следили взглядом за мальчиком, который с непроницаемым выражением лица сел на княжеское место. Знали они уже, что в ночном бою, завязавшимся в стенах Рюрикова Городища, погиб тиун Яким Матвеевич — а значило это, что теперь некому будет подсказывать княжичу дельные мысли, да направлять его в нужное русло. Теперь придется Александру держать ответ перед новгородским боярством в одиночестве, покуда не вернется из похода его отец.

— Каковы же потери в зерне и запасах? Подсчитали уже? — нарушил тишину княжич.

С места поднялся посадник и, тяжело упершись руками в стол, заговорил:

— Благодаря княжеской дружине удалось нам спасти две трети новгородских запасов! Однако ж треть зерна сгорела в пожаре — и ту треть придется нам как-то перекрыть, чтобы засеять поля в полной мере и осень встретить без страха оголодать. Окромья того, опасность есть, что народ, оставшись без крова и жита этой весной, бунт может поднять и попырбовать отбить у нас зерно, чтобы прокормиться. Сейчас все спасенные запасы зерна свезли за стены детинца, под защиту собора Святой Софии — но потребуется нам дополнительная охрана, чтобы отбить у черни охоту покушаться на неприкосновенное зерно, — после этих слов Степан Твердиславович повернулся к княжичу.

— Две сотни дружинников будет денно и ночью нести службу в стенах детинца, — пообещал Александр. — А если потребуется, то вся моя дружина встанет за защиту запасов для сева.

— Что дальше, Степан Твердиславович? Как быть народу сейчас? — взял речь владыка Спиридон. — Множество люда ночью этой лишилось не только домов своих, но и запасов жита. До урожая еще далеко, а голод начнется уже не сегодня-завтра! А где голод, сам знаешь, там и мятеж.

— Придется открыть запасники, приготовленные на случай осады, — вздохнул посадник тогда. — Но хватит их ненадолго, ведь и они тоже погорели в пожаре!

Бояре в думной горнице принялись охать и досадливо кряхтеть.

— Кончился Великий Новгород! Вот и конец...

— За что же бог так прогневался на земли эти? Когда же закончатся кары небесные?!

— Как же быть нам, бедовым?..

— Попытаться надо продержаться с теми запасами, что имеем, — хмуро заключил архиепископ. — Но если вдруг не продержимся, слышал я от бояр этим утром, что есть у них какой-то спасительный план. Кто из вас, — Спиридон пошарил взором по сидящим вдоль стен боярам, — говорил о сём? Пусть встанет и поведает нам, что это за план такой!

Княжич, посадник и тысяцкий вопросительно посмотрели на бояр. Помявшись немного под их взглядами, поднялся среди них один невысокий и пузатый господин, который совсем не отошал за три года неурожая и голода, что терзали Новгородскую Вольницу. С важностью заложив руки за богато расшитый пояс, охватывающий его выпуклый живот, боярин стал держать речь:

— Да план-то не шибко сложный! Покумекали мы, господа софийской стороны, меж собой, — он оглянулся на прочих бояр, как бы ища у них молчаливой поддержки, — и порешили так: нужно нам спасти народ новгородский! И ради такого богоугодного дела закупить на свои гривны жита в псковщине. Псков ближе всего к Новгороду и обилён запасами! Общими боярскими силами спасем мы простой люд от голода этой весной! Дотянем как-нибудь до урожая!

Владыка Спиридон, выслушав его, не преминул заметить:

— Прав ты, то дело богоугодное. Только не обессудь, боярин, за вопрос: неужто господа новгородские согласны расстаться с гривнами безвозмездно?

— Конечно, хотелось бы получить благодарность нам за рвение наше! — быстро отозвался тот.

— И какую же благодарность ждете? — продолжал вопрошать владыка.

Боярин откашлялся, собираясь с духом, а потом решительно выдал:

— От народа новгородского мы ничего не ждем, а вот от князя, — и тут он глянул на внимательно слушавшего его Александра, — хотели бы получить благодарность. Да не абы какую, а весомую!

Теперь все глаза в думной горнице оказались устремлены на княжича.

— Как тебя величать, боярин? — спросил Александр.

— Гюрята Савович, княже! — поклонился тот ему.

— И о какой же благодарности ты толкуешь, Гюрята Савович?

— Ты наместник отца своего, пресветлого князя Ярослава! Батюшка твой благословил тебя на княжение в Новгороде, княже Александр! И, раз уж ты наделен всей полнотою княжеской власти, то можешь приказы издавать. А условий у нас всего-то два, княже! Первое: издай указ, освобождающий бояр софийской стороны от уплаты мыта(1), что взывает твой отец в свою пользу. Освободи нас от налога на пять лет, княже!

Александр, помолчав немного, поинтересовался:

— А что второе?

— Знаешь же ты, княже, что связан Новгород с Псковом не только военными делами, но и торговыми! А псковские бояре зело недовольны твоим визитом в их вотчину, да требованиями, которыми ты их обременил. Жалобятся они беспрестанно: мол, какого ж

князя вы посадили на новгородский столец, что он нам мирно жить да торговать мешает! Сами, говорят, разберемся и соседями латинскими и с острогами своими, пусть к нам не лезет более! Грозятся бояре псковские, что замнут они торговлю с Новгородом и будут торговать только с латинянами. А нам то надобно, а? Что же, мы убытки терпеть будем?.. Потому второе наше условие таково: выпиши грамоту для псковского посадника, в которой ты поклянешься княжеским словом, что впредь новгородский князь не станет вмешиваться в псковские дела и оставит военные вопросы на попечение тамошнего посадника! Ежели согласишься с условиями нашими, тогда мы, — в который раз Гюрята Савович оглянулся на своих братьев-бояр, — не пожалеем гривен на закуп жита для Новгорода!

Все мужи, собравшиеся в думной горнице, затаили дыхание, ожидая ответа Александра.

Мусуд, безмолвно застывший за креслом княжича, ведал, о чем думает в этот миг его подопечный! Бояре предлагали княжичу выбрать между спасением от голода народа новгородского и благосклонностью отца его, князя Ярослава.

И Александр и Мусуд совершенно точно знали: даже если наместник князя пойдет на поводу у бояр и издаст нужные им указы — то Ярослав, вернувшись из военного похода, немедленно отнимет дарованные боярству привилегии. Ибо князь Ярослав скорее заморит голодом всю Новгородскую Вольницу, чем откажется от налога в свою пользу, не говоря уже о том, чтобы расширить вольности псковских бояр! Но чего будет стоить Александру такая, пусть и краткая, но уступка боярству?..

«Олекса мог бы схитрить сейчас и пообещать боярам то, что они так хотят! Обманом выгадать время до возвращения князя Ярослава. Все равно соблюдать эти указы Ярослав ни за что не станет, — размышлял татарин. — Но пойти на сделку с боярами — значит для Александра навлечь на себя осуждение отца! Уступки боярству почтет Ярослав за слабость, которую Александр проявил как наместник своего отца. А там, где проявлена слабость — там уже не будет прежнего доверия...»

Архиепископ Спиридон, тяжело вздохнув, решил обратиться к княжичу:

— Так что же ты ответишь боярам, пресветлый князь?

Александр, с достоинством поглядев сначала на него, а потом на всех остальных в горнице, промолвил:

— Отвечу, что не пойду ни на какие уступки боярам и никаких указов издавать не стану. Никто не будет указывать князю, как ему дела вести! А если кто попробует давить на меня и смутьянствовать, — княжич прожег потемневшим взглядом Гюряту Савича, — тот сразу же окажется повешенным на детинце.

Тот невольно подался назад, словно увидел перед собой самого князя Ярослава.

«Выбирая между народом и отцом — Олекса выбрал отца, — подумал Мусуд, сопереживая княжичу и догадываясь, каких душевных усилий это решение тому стоило. — Предпочел сохранить верность Ярославу и пожертвовать страдальцами, лишившимися крова и запасов жита!»

— Не слишком ли горячишься ты, княже? — произнес с явным разочарованием посадник. — Сам видишь, какая беда свалилась на Новгород! Неужто нельзя никак смягчить удар, который понес народ?

— Ты плохо слышал меня, Степан Твердиславович? — холодно осведомился Александр.

Пришлось посаднику примолкнуть и грузно опуститься на свое место.

— Пусть владыка Спиридон увещевает бояр заняться богоугодным делом, — продолжил княжич тем временем. — Авось и без поблажек княжеских они захотят спасти народ от

голода! На том и закончим разговор!

Резко встав с кресла, Александр размашистым шагом покинул думную горницу.

Снова проезжая по улицам Новугорода, опустошенным страшным пожаром, княжич уже не смотрел по сторонам, глядя только прямо перед собой. Между его бровей пролегла суровая морщинка, выдававшая его внутренний накал. Мусуд благоразумно молчал, понимая, что Александр может вспыхнуть сейчас от одного неосторожного слова.

Уже в Рюриковом Городище княжич обратился к кормильцу:

— Мусуд, отряди две сотни ратников в детинец для охраны зерна.

— Сделаю, — кивнул тот.

Александр ушел в гридницу, а Мусуд, отдав приказ Глебу Синице собрать дружинников для отправки в детинец и самому ехать с ними в качестве старшего, поспешил вослед княжичу. Александр восседал на кресле рядом с княжеским стольцом и выглядел утомленным, но отправляться на отдых в свою светелку явно не собирался. Татарин приблизился к нему и собирался занять место за его креслом, как и подобает телохранителю, как княжич заговорил с ним:

— Ты и сейчас скажешь, что я сделал все правильно? — сказал он по-персидски.

— Скажу, — без малейших колебаний ответил Мусуд.

Горькая улыбка появилась на устах Александра.

— Как же я рад, что воротился ты, Мусуд! — проговорил он вдруг. — Я благодарю тебя за всё — и за дела твои ратные и за слова добрые. Прости, что не благодарил тебя раньше...

Кормилец поклонился, тронутый в самое сердце его речью.

— Для меня честь служить тебе и отцу твоему, княже, — проговорил он чистосердечно. — И нет для меня радости большей, чем быть подле тебя.

В гридницу вошел ратник и доложил, что прибыл церковник для совершения отпевания над погибшими защитниками Городища. Александр поднялся с кресла и, оправив промокший от дождя плащ-корзно, твердо произнес:

— Пора отдать последнюю честь славным воинам!

Спрятав все свои чувства за показной сдержанностью, приличествующей князю, он отправился встречать церковника.

---

(1) Мыто — древнерусская торговая пошлина.

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЯРОСЛАВА

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЯРОСЛАВА

Народные волнения поднялись в Новугороде спустя несколько седмиц после пожара.

Смута, словно тлеющий до поры до времени огонь, постепенно разгоралась в сердцах людей, подспудно подстегиваемая боярством. Новугорские господа через своих многочисленных слуг среди ремесленников и черни распространяли слухи о том, что княжич Александр отказался спасти впавший в беду город. Простой люд, понимая, что открытых посадником запасников не хватит, чтобы спасти всех горожан от неминуемого голода, начинал роптать.

— Чего же стоило княжичу подписать указы те? Тогда бы спасли нас бояре от нужды! — шептались со злостью между собой люди. — Нисколько не думает о народе князь! Мы кормим его и княжескую дружину, а он и мизинцем не повелит, чтобы озаботиться нашими скорбями!

Александр знал о настроениях новугородцев от соглядатаев, засланных Мусудом в Новугород. Известия эти тревожили княжича, хотя он и понимал, что такой развязки и следовало ждать. Выбрав остаться верным отцу, он тем самым настроил против себя не только боярство, но и простолюдинов. То была плата за нелегкое решение, которое и без того легло на душу Александра темным пятном, отныне омрачившим его существование.

— Коли смута разгорится, нужно подумать о том, как оборонить тебя и Андрея, — заговорил как-то раз Мусуд со своим подопечным. — Ты разделил дружину, отправив две сотни ратников в детинец. Еще две сотни у нас имеется в Городище. Но поручиться, что мы справимся с восставшим народом, я не могу...

— Я не побегу, — коротко и твердо заявил Александр.

— А если народ совсем уж разъярится?.. — обоснованно заметил телохранитель.

— Будем удерживать Новугород в своих руках столько, сколько сможем, — ответил на то мальчик. — Удерживать всеми силами — и надеяться, что мой отец со своей дружиной уже на пути в Новугород!

Меж тем, вестей от князя Ярослава не появлялось. И хотя половодье почти сошло на нет, реки вставали в русла, а дороги просыхали, однако никто ни в Новугороде, ни в Рюриковом Городище не знал, когда ждать возвращения князя. Тем боярство и пользовалось! Желая натравить новугородский народ на княжича, они что есть силы раздували огонь гнева в сердцах людей.

И в день, когда стало окончательно ясно, что городские запасы скоро совсем иссякнут — поднялся люд на стихийное вече, намереваясь всем скопом решить, как им поступить со строптивым княжичем. Едва услышав звон вечернего колокола на Торговой стороне города, архиепископ Спиридон сразу же отослал гонца в Рюриково Городище, дабы предупредить Александра о начавшемся бунте.

— Владыка Спиридон отправился на Вече, желая вразумить потерявший страх люд и остановить их от кровопролития! — сообщил гонец, представ пред лицом княжича. — Но просил он сказать тебе, княже, чтобы настороже ты был и, коли так решишь, уехал из

Городища сейчас, покуда на то возможность есть.

Александр, выслушав дурные вести, ответил гонцу:

— Возвращайся в детинец и передай моим ратникам, что я велю им нести службу и охранять зерно, как и прежде. Я с дружиной скоро прибуду им в поддержку. А если кто нападет на детинец до моего появления, то пусть обороняются что есть силы. Передай — зерно надо уберечь любой ценой!

Гонец, пришпорив коня, помчался выполнять это указание.

— Мусуд, пусть дюжина ратников возьмут под охрану брата моего Андрея и женщин — и поскорее вывезут их прочь городища. Пускай направляются в сторону Торжка — там они окажутся в безопасности, — повернувшись к своему кормильцу, распорядился княжич. — Все остальные ратники следуют за мной в Новугород! Надо нам сберечь запасы зерна от бунтовщиков какой угодно ценой.

Татарин помедлил, глядя на подопечного с тревогой — решительность и бесстрашие Александра сейчас вовсе не радовали его сейчас. Страшила его опасность, которой княжич мог подвергнуться, коли пойдет разъярившийся люд на детинец и устроит побоище. Однако возражать князьему приказу он не стал — знал, что бесполезно пытаться переубедить теперь Александра! Придется примириться с его решением и делать то, что должно — изо всех сил пытаться защитить княжича от любой возможной опасности.

— Будет исполнено, — склонил голову в знак своего смирения кормилец.

Облачившись в доспехи, Александр сел верхом на своего любимого вороного скакуна и, возглавляя дружину, направился к столице Новугородской Вольницы. На сей раз он обогнул погоревшую Торговую сторону, предпочтя пройти по берегу Волхова к самому мосту, соединяющего два конца Новугорода. Александр оказался на мосту вовремя — разгорячившаяся от злобы и отчаяния толпа простолюдинов уже шла от вечевой площади в сторону Софийской стороны. Стражники успели пропустить в детинец Александра и его отряд и запереть ворота, прежде чем бурный людской поток, вооруженный топорами, рогатинами и кое-кто мечами, подошел вплотную к Пречистенской башне.

— Мусуд, бери командование на себя! — приказал Александр татарину, когда дружина оказалась за крепостными стенами. — Держи оборону детинца.

Потом, поняв, что кормилец страшится потерять его из виду, он прибавил:

— Обо мне не переживай, я поеду к владыке.

Оставив Мусуда руководить отражением нападения на детинец, княжич поскакал в сторону Софийского собора. Там его встречал бледный от переживаний владыка Спиридон — завидев княжича, тот стал истово осенять себя крестом.

— Княже! Поклон тебе, что не оставил нас на произвол судьбы! — воскликнул с чувством архиепископ. — Ума лишился Новугород, не иначе! Вот что беда с людскими сердцами делает! Да будут прокляты смутьяны, поднявшие народ на мятеж...

— Вы были на вече! Что говорит народ? — спросил Александр.

— Хотят они отбить запасы зерна, что сохранили мы в детинце, и тем самым прокормиться. Окромя этого собираются они захватить тебя в плен, княже, и силой принудить издать указы, которые надобны боярам, — горестно поведал Спиридон тогда. — Пытался я вразумить их словом божьим, пытался увещевать их, воззвать к смирению — но все без толку! Ошалели они совсем! Навалились на меня всей гурьбою, едва сумели меня слуги прикрыть от их кулаков. Пришлось мне спешно уехать с площади, иначе б точно затоптали!

Александр прислушался к людским крикам, доносящимся из-за стен детинца.

— Есть ли тайные ходы через подземелье за стены детинца, о которых могут знать бояре? — заговорил он о том, что его волновало.

— Да, имеются!

— Укажите на каждый из них моим ратникам, надобно охранять эти ходы, чтобы никто не мог пройти по ним!

Раздав указания, Александр развернул коня и вернулся к Пречистенской башне.

Поднявшись наверх, он отыскал Мусуда и, больше не отлучаясь от него, следил за тем, как толпа беснуется у надежно запертых врат детинца. Сперва мятежные новгородцы просто стояли под стенами детинца и хулили Спиридона и Александра, но не решались штурмовать могучие стены укрепления — ибо строились те добротнo и тем расчетом, чтобы смогли они выдержать долгую осаду. Однако, поняв, что запершиися в детинце архиепископ и княжич не собираются поддаваться их угрозам, бунтовщики решились пойти на штурм.

— Не лезь драку прежде времени, Олекса, — предупредил Мусуд своего воспитанника, когда началась атака.

— Но я могу! — недовольно возразил тот, держа руку на своем мече.

— Знаю, что можешь. Но не должно князю кидаться сломя голову в любую стычку! Помнишь, говорил я тебе о том, что уметь нужно беречь силы в ожидании решающего момента?.. Кроме того, помни, ты — знамя для воинов своих! — строго пояснил кормилец. — Сейчас они сражаются за тебя! Ежели случится с тобой что, то потеряют они ориентир и могут растеряться. Так что не рискуй головой, покуда нет острой надобности! Вот если прорвут защиту — тогда и придется нам всем рубиться в ближнем бою.

Внял княжич его словам и кивнул понимающе.

Новгородцы, взяв с собою приставные лестницы да веревки, попробовали было взобраться на прясла крепостных стен, но княжеские дружинники встретили их тучей стрел. Убитые и раненые мятежники посыпались вниз, словно спелые плоды с деревьев — а те, кому все же удалось подняться к вершине прясел, были без пощады изрублены мечами. Наконец, уразумев, что наскоком — пусть дерзким и многолюдным — крепостные стены и их защитников не одолеть, толпа отступила.

— Неужто сдались? — подивился Александр.

— Это вряд ли, — покачал головой Мусуд, оценивая с высоты башни положение дел. — Поняли они, что стены им одним наскоком не взять. Теперь точно попытаются найти лазейку и попасть за стены обходными путями.

— Я приказал взять под надзор все тайные ходы в подземельях.

— Это хорошо! Пойдем-ка, осмотрим запоры на этих ходах, — порешил татарин.

Пользуясь затишьем после атаки, Мусуд и Александр оседлали коней и отправились исполнять задуманное. Убедившись, что все ходы, ведущие за стены детинца, солидно укреплены и перекрыты прочными дверями с мощными засовами, княжий кормилец промолвил:

— Следующего нападения ждать нужно в подземельях. Усилим здесь охрану!

Прав оказался Мусуд — ближе к ночи объявились мятежники в подземных ходах. Сперва попробовали новгородцы вынести двери, перекрывающие проходы наверх в детинец, однако узость ходов не позволяла им приложить необходимую для тарана силу. Оставив попытки выломать дверные створы и запоры, мятежники принялись стаскивать в подземелья запалы — дрова и смолу — намереваясь поджечь их.

В полночь загорелись подземные перекрытия. Едкий дым и жар стали просачиваться сквозь щели, заполняя собой подземелье. Княжьи ратники спускали в ведрах воду и старательно поливали перекрытия со стороны детинца, стараясь хоть так помешать жадному огню пожирать деревянные двери. По приказу Мусуда к каждому подземному ходу были стянуты дополнительные силы, чтобы, в случае если двери прогорят и из ходов ползут враги, их тут же встретили острые мечи.

— Князь! К мосту подступает толпа! — сообщил дозорный. — Вооружены до зубов!

Александр в сопровождении архиепископа Спиридона поднялся на Пречистинскую башню. Глянув вниз, княжич убедился в том, что на сей раз противники вооружены куда более основательно — их защищали кольчуги и шлемы, а в руках большинства виднелись мечи. Впереди толпы вышагивал тысяцкий Микита Питрилович, облачившийся в боевые доспехи. Ясно стало — тысяцкий перешел на сторону мятежников и раздал им из городских хранилищ оружие и доспехи.

— Предатель! — воскликнул владыка Спиридон.

— Это ты предатель, Спиридон! Ты предал Новугород! Ты защищаешь княжича и хочешь, чтобы голод вернулся на наши земли! — разъяренно закричал тысяцкий и его поддержали дружными криками бунтовщики. — Отдай нам запасы зерна и Александра!

— Побойся бога, Микита! Не твори греха! — ответил на то архиепископ. — Чего добьешься своим безумством?!

— Известно, чего! Зерно, что ты спрятал от народа, спасет нас от голода сейчас, а ко времени сева бояре наши закупят еще зерна в псковщине! Надобно только дать боярам то, чего требуют они! Отдай нам княжича, пусть он издаст указы! Пусть он спасет Новугородскую Вольницу от мора!

Без тени сомнений и малодушия, владыка решительно отрезал:

— Забудь про зерно и княжича! Не видать тебе этого! Не дам я тебе сотворить грех!

Примолк ненадолго тысяцкий, как будто собираясь с духом, после чего скомандовал:

— Пусть будет так! На приступ, братья! Одолеем их общею силой!

Вооруженная толпа двинулась на стены детинца, прикрываясь от стрел щитами.

— Тебе, владыка, лучше уйти под защиту собора! — обратился к архиепископу Мусуд. — Тут скоро начнется горячая сеча.

— Княже, пойдем со мною! — сказал владыка Александру. — Опасно тебе быть здесь!

Александр отрицательно покачал головой, отказываясь уйти со стен в Софийский собор.

— Тут мое место, — коротко возразил он.

Пришлось Спиридону покинуть Пречистинскую башню одному.

По двору перед собором стелился густой дым — этот чад шел от горящих в подземелье деревянных дверей. Поняв, что огонь скоро уничтожит преграды, защищавшие выходы из подземных ходов на поверхность, ратники принялись закладывать проходы деревянной утварью, какая была под рукой — столами, скамьями, стульями, заполняя бреши между ними дровами. Так, то крайней мере, огонь не потухнет и, тем самым, не даст бунтовщикам пройти по подземным ходам без страха угореть в дыму.

Ополчившиеся супротив Александра и архиепископа новугородцы уже проворно взбирались по лестницам и веревкам на стену детинца. Первые, кто вскарабкался наверх, были сброшены дружинниками вниз, но за ними поднимались все новые и новые бунтовщики. Александр вытащил из ножен меч и выжидающе глянул на своего воспитателя.

— Еще не твое время. Жди! — наставительно произнес Мусуд.

И только когда враги в большом числе смогли проникнуть на стены, ввязавшись с княжьими ратниками в яростную сечу, он сказал:

— В драке держись подле меня! Я прикрою.

Александр, как и подобает добросовестному ученику, старался соблюдать данный кормилцем наказ — он держался рядом с Мусудом, принимая на себя лишь те удары, что не успевали отразить кормилец и княжеские телохранители. Однако разум Александра все сильнее и сильнее горячился от запаха пролитой крови и жара сечи — и он, сам того не замечая, начинал рваться вперед, желая получить больше свободы и сразиться с бОльшим числом врагов. Мусуду приходилось то и дело хватать его и силой оттаскивать назад, за свою спину.

— Не лезь на рожон, Олекса! — прикрикивал он на княжича.

Несмотря на отчаянную самонадеянность новгородцев, штурмовавших стены детинца во многом числе, княжеским ратникам и прочим защитникам крепости удалось отбить атаку — отбросив бунтовщиков назад, прочь со стен и башен детинца. Александр, переводя дух и чувствуя, как капли пота стекают по его шее и спине, с высоты башни наблюдал за отступлением противников. Мятежные новгородцы отошли за волховский мост на торговую сторону города, но и не думали расходиться — как видно, решили дать себе передышку перед следующей атакой.

Княжич посмотрел на восток — там уже занималась заря.

— Надолго ли они отступили? — задумчиво произнес он.

— Неважно, какой будет передышка, думай о том, чтобы сил набраться, — заметил Мусуд. — Отдохни, Олекса! Иначе в следующей схватке сплхуешь от усталости.

Кормилец и тут был прав! Александр чувствовал себя уставшим. Однако с башни он уйти не захотел, а просто сел на лавку и, приняв из рук церковного служки кусок хлеба и кувшин с водой, принялся сосредоточенно есть. Он держался как настоящий воин, привыкший безропотно сносить тяготы ратного ремесла и довольствоваться малыми удобствами, чем вызвал одобрительную улыбку у Мусуда. Татарин был несказанно горд за своего питомца! И хоть пришлось ему, Мусуду, этой ночью пережить немало тревог за Александра — однако ж тревоги те стоили этой гордости!

Когда солнечные лучи пролились на многострадальный Новгород, стало понятно — мятежники, отдохнув малость, собираются снова идти на приступ детинца. Толпа простолюдинов перестраивалась под руководством Микиты Питриловича, который размахивал руками, отдавая приказы. Александр видел, как к мосту подвезли несколько пороков(1), вызволенных из хранилищ Новгорода, где те хранились на случай военных походов новгородцев. На пороки эти новгородцы стали крепить запалы — большие глиняные сосуды, наполненные маслом, щепами и тряпьем. Стоило запалить такой сосуд и пульнуть ими в сторону деревянных укреплений — как те займутся огнем, едва глиняные стенки сосуда расколуются от удара.

— Видно, они совсем в безумство впали, раз не боятся запалить детинец! Как не понимают они, что зерно может погибнуть в пожаре! — пробормотал Мусуд и крикнул, обращаясь к защитникам детинца: — Все в боевой порядок!

Но не успели новгородцы поджечь запалы на пороках, как произошло то, чего так ждал Александр:

— Вижу княжескую дружину! Князь Ярослав идёт! — закричал дозорный.

Действительно, по речному берегу скакал во весь опор передовой княжеский отряд, над которым развевался стяг Ярослава Всеволодовича. Удалые переяславские воины что есть духу мчались к великому новгородскому мосту — держа наготове копья и мечи — и готовясь смять взбунтовавшихся простолюдинов копытами своих разгоряченных коней.

— Поменять строй! Надо сдержать их! — поборов смятение в душе, возникшее при виде ярославовой конницы, завопил Микита Питрилович.

Но бунтовщики, едва увидели приближающихся конных воинов, в большинстве своем перетрусили и стали, побросав мечи и щиты, разбежаться кто-куда. Осознали они, что, раз появился у детинца передовой отряд, то означает это только одно — грозная дружина Ярослава Всеволодовича уже на подступах к Новгороду. А коли так — утопит мятежников в крови лютый князь! Как пить дать, полетят головушки тех, кто осмелился возроптать против княжича Александра! И побежали мятежники прочь, надеясь скрыться от карающей княжеской руки и сберечь жизни свои.

Тех немногих бунтовщиков, кто, полагаясь на свою удаль и отчаяние, осмелился дать отпор передовому отряду — княжеские дружинники перерезали и затоптали копытами в считанные мгновения. Александр с триумфом наблюдал, как отцовские ратники рассеивают и добивают остатки восставших новгородцев. И когда на берегу и мосту остались лежать лишь мертвые тела мятежников, княжич приказал открыть Пречистинские ворота.

— Княже Александр Ярославич! Андрей Ярославич! — громогласно вскричал Торопка Меньшой, влетая на горячем коне в детинец. — Где они? Живы ли? Целы?..

Александр, стремительно сбежав с башни вниз, оказался перед его глазами.

— Торопка! Ты ли это? — проговорил он радостно. — А где же отец?

— Скоро прибудет! — gridник соскочил с коня и подбежал к нему, с тревогой выискивая взглядом младшего княжича: — Где княже Андрей? Все ли с ним ладно?

— В безопасности он, — успокоил Александр его.

Тогда gridник шумно выдохнул воздух и с облегчением перекрестился:

— Значит, подоспели мы вовремя! Хвала господу! Хвала!..

Как и сказал Торопка Меньшой, вскорости показалась на горизонте темная рать, заполнившая собою всю округу — то подходила к Новгороду дружина князя Ярослава. Стих Новгород тотчас, опустели его улицы. Потерявшая боевой запал чернь и струхнувшие бояре попрятались кто-куда и принялись возносить молитвы Спасителю, моля его защитить их от неумолимого гнева переяславского князя.

Во главе своей дружины, облаченный в сверкающие на солнце латы, скакал князь Ярослав.

— Благодарю тебя, владыка, что не отступился от меня и сына моего! — проговорил Ярослав, обращаясь к архиепископу Спиридону. — Теперь я в долгу у тебя буду!

Церковник ответил князю с кроткостью, приличествующей его сану:

— На стороне правды я стоял и буду стоять! А правда эта в том, что ты — наше единственное спасение.

Довольный его словами, Ярослав снизошел до милостивой улыбки.

Князь заседал в палатах Владычного двора, дожидаясь вестей от разосланной по

Новугороду дружине. Приказано той было найти бояр, поднявших народ на восстание, а также тысяцкого Микиту Питриловича, чьего тела не обнаружилось среди убитых возле моста.

Посадника Степана Твердиславовича уже отыскивали и привели пред очи грозного князя — однако тот быстро сумел оправдать себя перед Ярославом. Степан Твердиславович, как и архиепископ Спиридон, выступил против восстания, за что был побит взбешенной толпой и пленен в погребе собственного дома, а все его хозяйство оказалось разграблено. За то, что посадник пострадал за верность переяславскому князю, Ярослав пообещал ему возместить убытки из имущества бояр-бунтовщиков.

— Все достояние тех, кто осмелился поднять руку на сына моего, оставленного мною в Новугороде полноправным наместником, я отнимаю в свою пользу! — объявил князь всем присутствующим. — Из этих средств я пожалую Степану Твердиславовичу земли, коими прежде владел боярин Гюрята Савович, а также дом его и все благосостояние.

— Благодарю тебя, княже! — не без труда поклонился ему основательно побитый посадник. — Счастье мое в твоей милости!

Потом князь Ярослав снова перевел взгляд на архиепископа и заметил:

— А тебе, владыка, я отдаю всё то, чем владели прочие бояре-смутьяны — все их достояние, до последнего гвоздя в их хоромах. Распорядись дарованным так, как считаешь полезным.

Приложил Спиридон руку к кресту на своей груди и заявил:

— Дар твой щедр, пресветлый князь, но скажу, что не хочу для себя ни единой гривны из достояния бояр — ибо богат я своей верой православной! — однако желаю пожертвовать все богатство, что ты даруешь, на закуп жита для бедствующего Новугорода. Ибо не найду я в сердце своем сил смотреть безучастно на страдания народные!

— Коли желаешь сделать так — делай, — согласно склонил голову Ярослав.

В палаты быстрым шагом вошел Торопка Меньшой и с поклоном доложил, что пойманы Микита Питрилович и трое из четверых бояр, восставших против княжича Александра. Четвертому же удалось ускакать от погони и скрыться в лесах. Князь Ярослав усмехнулся злорадно и отдал суровый приказ:

— Всех повесить немедленно на детинце! А того, кто сбежал — гнать по следам, пока не выследите! А когда настигнут его — тоже повесить как последнюю собаку!

— Позволь мне молитву отходную прочесть над приговоренными, — настоятельно попросил архиепископ. — Пусть и смутьяны они, однако ж души-то христианские! Не лишай их права очиститься от грехов своих перед встречей с Господом нашим.

Движением руки князь дал понять, что не против этого и владыка поспешил отправиться к месту казни. Ярослав тем временем окинул взглядом Владычную палату и остановился на Мусуде, что стоял у одной из стен, за спинами гридников и бояр. Князю уже успели доложить о делах кормильца Александра: что тот с позволения княжича уехал в Переяславль-Залесский, но успел вернуться в аккурат к нападению ушкуйников, а затем умело руководил обороной новугородского детинца.

— Мусуд! Подойди, — повелительно произнес Ярослав.

Татарин приблизился к княжьему столцу и согнулся в поклоне.

— Благодарю тебя за службу твою верную, — сказал князь с благосклонностью. — Проси у меня всё, чего хочешь!

— Милостью твоей я жив, княже Ярослав, но ничего мне не нужно, — отвечивал

Мусуд тогда. — Позволь только, как и прежде, охранять сына твоего!

Ярослав снова снизошел до улыбки и кивнул:

— Да будет так!

Довольный кормилец вновь поклонился князю и вернулся на свое место. Следующим, на кого пал взор Ярослава оказался Александр, что сидел вместе с Федором подле отца. Повернувшись к сыну, который выглядел обрадованным словами Мусуда и обещанием отца оставить того княжым кормильцем, князь Ярослав заговорил:

— Правду ли я слышал о том, что собственноручно уложил двух ушкуйников, а после рубился на мечях во время приступа детинца?

— Правду, батюшка, — став серьезным, отозвался сын.

«Гадает поди, буду я порицать его или хвалить!» — усмехнулся про себя Ярослав, а вслух промолвил:

— Показал ты себя бравым воином, за что хвалю тебя! Ты истинно мой сын!

Облик Александра весь просветлел от гордости и он, вскочив с кресла, поклонился отцу:

— Твоя похвала дороже мне всего, отец! — тихо признался княжич.

Княжич Федор с трудом сдерживал гнев, бурливший в его груди и не находящий выхода. Как же ненавидел он своего младшего брата в этот миг! Тот отнял у Федора надежду на то, что после военного похода в Смоленское и Полоцкое княжества все заговорят о нем, как о достойном наследнике своего отца — вместо того все вокруг только и говорят о подвигах Александра!

Стоило Федору въехать в новгородский детинец, как со всех сторон он слышал восхищенные сплетни о воинской удали, проявленной Александром. Все вокруг судачили о том, что одиннадцатилетний отрок сражался с врагами наравне с дружинниками. Всем это виделось признаком настоящей княжеской стати — той стати, что пробуждает в сердцах воинов стремление любить своего господина и беспрекословно подчиняться ему.

«Они зовут Олексу храбрым! — думал, сжимая зубы, старший княжич. — Он взял славу, положенную мне!»

Все существо старшего княжича кипело, но что он мог поделать? Ведь не довелось ему, Федору, оказаться в гуще жестокой сечи и показать себя как воина! Что толку, что видел он своими глазами и битву с черниговцами и сражения с латинянами? То меркло перед испытаниями, свалившимся на Александра, покуда он был наместником отца в Новгороде! Ведь прошел его брат те испытания с честью — не подвел доверия отца, не нарушил княжеских интересов, устоял перед боярским гнетом и не устрасился мятежа. И хуже всего было для Федора то, что отец прилюдно похвалил Александра, признав его достоинства.

«Неужто отец теперь будет благоволить Олексе больше, чем мне? — горячился Федор, пряча взор от отца, ибо боялся он выдать свои чувства ненароком. — Будет выделять его пуще, чем меня, его старшего сына? А мне что, суждено оказаться в тени Олексы?!»

Меж тем, Александр заговорил с князем о делах:

— Позволь спросить тебя, батюшка! Слышал ли ты, что сгорела в пожаре треть зерна, запасенного для сева? — когда отец утвердительно кивнул, то княжич продолжил: — Захочешь ли ты прийти на помощь Новгороду и как-то покрыть эту недостачу?

Князь Ярослав на то пожал небрежно плечами:

— Не заслужил Новгород вспомоществования после того произвола, что учинил!

— Произвол народ учинил от горя и безысходности, — заметил резонно Александр. —

Стоит ли наказывать их сверх той нужды, которую они претерпевают?

Князь хотел было осадить сына и напомнить ему, что не дело князя лезть в хозяйство Новугорода — дело князя военное! — однако тут же передумал. Решил он так — правильно Александр завел с ним разговор об этом! Ежели все планы Ярослава в отношении Новугорода исполнятся в полной мере и станет Александр наследным князем на новугородских землях — то придется его сыну заниматься не только военными вопросами, но и хозяйственными. А коли так, то надо позволить сыну проявить себя не только как воина, но и как будущего хозяина вотчины.

— Лады, убедил ты меня! — изрёк Ярослав степенно. — Как предлагаешь выручить народ новугородский?

— Дай в долг Новугороду, чтобы смог он докупить недостающую треть зерна, — озвучил свои мысли Александр и, посмотрев испытующе в сторону новугородского посадника, пояснил свою задумку: — И пускай потом, когда нужда уйдет, Новугород вернет тебе тот долг вдвойне.

Хмыкнул Ярослав задумчиво, затем стальным голосом объявил:

— Втройне! — и тоже вперил глаза в Степана Твердиславовича.

Посадник, понимая, что торговаться бесполезно и надо радоваться и такой помощи, принялся кланяться, стараясь при этом не морщиться от боли в отбитой спине. Конечно, согласен он безоговорочно на условия князя Ярослава! Конечно же, издаст он грамоту с печатью новугородского главы, где подпишется под долговыми обязательствами перед переяславским князем! И, конечно, выплатит Новугородская Вольница весь долг до последней гривны! Коли такова цена спасения народа от голода, то пойдет посадник на все уступки, какие князь Ярослав потребует.

В который раз Федор ощутил прилив злобы в сердце, слушая разговор отца и Александра. И с чего это отец прислушивается к высказываниям Олексы? Что тот может понимать в делах хозяйственных? И почему ему, Федору, самому не пришла в голову какая-нибудь полезная затея, которая помогла бы показать себя с выгодной стороны перед отцом?..

Удовлетворенный течением дел, князь Ярослав приказал подать в палаты трапезу.

Да, у него был повод быть довольным собой! И пускай его победное возвращение из военного похода оказалось омрачено известием о нападении разбойников на Рюриково Городище и последующим народным бунтом в Новугороде — однако ж, вопреки всем напастям, положение дел выправлялось! Его сыновья живы, Федор и Александр под его крылом, а Андрея скоро воротят с пути в Торжок. Восстание в Новугороде задавлено, зачинщики бунта казнены и теперь попадет вольный град в долговое ярмо к Ярославу. А плоды военных дел в Смоленском и Полоцком княжествах не только весьма обогатили Ярослава, но и принесли ему двух союзников — на коих он рассчитывал опираться в своих будущих военных начинаниях.

Первым союзником ему стал князь Святослав Мстиславович. Тот самый Святослав, что претендовал на смоленский сталец после смерти князя Мстислава Давыдовича и был изгнан народом из смоленских земель. Тот самый Святослав, что смог занять полоцкий княжий сталец, но не имел достаточной военной мощи, чтобы противостоять наступающим с запада литовцами — и потому призвал в союзники Ярослава Всеволодовича. Союзные войска успешно выступили против литовцев, разбив их и разграбив несколько вражеских городов. За время военного похода смог Святослав доказать Ярославу свою воинскую доблесть и убедить переяславского князя поддержать его в борьбе за смоленское княжество.

Ярослав, хоть ранее и поддержал Ростислава Мстиславовича в борьбе против Михаила Черниговского, однако остался недоволен слабостью наследника Мстислава Давыдовича — тот не имел достаточно воли и разума, чтобы грамотно управлять княжеством. И хоть и выручил Ростислава на сей Ярослав, однако ж понимал прекрасно переяславский князь: слабый князь — источник нескончаемых осложнений для соседних княжеств.

И когда Святослав завел речь о том, чтобы занять ему смоленский сталец — то показалось это Ярославу мыслью весьма дельной. Если сядет Святослав в Смоленске, то достигнет Ярослав двух целей. Во-первых, Святослав возьмет княжество в кулак и более не позволит ни латинянам, ни ушкуйникам, ни самим смоленцам разжигать смуту в этих землях. Во-вторых, посадив Святослава на смоленский сталец, Ярослав обретет в его лице союзника, обязанного ему всем.

Потому принял Ярослав решение не возвращаться в Новгород ранней весной, а отправиться в Смоленск и исполнить желание Святослава княжить там. Ростислав Мстиславович открыл перед Ярославом ворота Смоленска, не подозревая о том, что переяславский князь уже ополчился против него и идет с намерением посадить на княжение Святослава Мстиславовича.

Как только были открыты врата городские, как напала переяславская дружина на княжескую вотчину и взяла в плен Ростислава. Потом Ярослав отозвал из города свою дружину и взял Смоленск в окружение. Сделано это было, чтобы никто из врагов Святослава Мстиславовича не смог сбежать из города, куда тот вершит расправу над ними. Верховодя полоцкой дружиной, Святослав несколько дней подряд денно и ночью пленял и казнил жестоко тех, кто когда-то не захотел видеть его князем смоленским. И покрылись смоленские улицы ручьями крови и горами убитых бояр да купцов и семейств их!

Ярослав строго запретил своей дружине вмешиваться в резню и не отдал Святославу князя Ростислава, памятуя, что тот все же сын его покойного друга Мстислава. Вместо того, переяславский князь отослал Ростислава под охраной во Владимир ко двору Великого князя Юрия, сообщив в сопроводительной грамоте, что просит он своего старшего брата самому решить судьбу Ростислава.

Когда Святослав завершил свою месть смоленскому народу, Ярослав снова вошел в Смоленск. И, заседа в княжеской гриднице, стал переяславский князь держать совет о том, как отныне поступить с Полоцким княжеством — ведь, коли Святослав сел в Смоленске, то не может он одновременно заниматься делами и Полоцкого княжества тоже.

Обдумывая поставленную Ярославом задачу, Святослав предложил посадить на полоцкий сталец князя Брючислава Васильковича. Тот происходил из полоцкой ветви Рюриковичей, бравшую свое начало от Рогнеды, жены Великого князя Владимира Святославовича. Сейчас Брючислав Василькович прозябал в удельном княжестве витебском, однако имел репутацию человека решительного и опытного как в военном деле, так и в хозяйствовании.

«Лады. Пусть князь витебский предстанет предо мной, а я уж погляжу на него!» — порешил князь Ярослав.

Из Витебска Брючислав Василькович прибыл с щедрыми дарами для князей, призвавших его. Ведя беседы с ним, Ярослав остался доволен и умом Брючислава и его представлениями о том, как дела княжеские надобно вести. Благословил тогда он Брючислава на княжение в Полоцком княжестве и тем самым обрел в лице еще одного союзника, обязанного ему своим возвышением.

Однако на том переговоры меж Ярославом и Брячиславом не остановились. Новопосаженный князь полоцкий завел с Ярославом речь о сыне его Александре и о том, что честью для него было бы отдать тому в жены дочь свою Параскеву. Всячески расхваливал Брячислав свою десятилетнюю дочь, нахваливая и кроткость её, и ладный облик, и обещая за нее любое приданное, какое Ярослав затребует.

Сперва Ярослав с вящим неудовольствием воспринял желание Брячислава породниться с ним. В глазах переяславского князя Параскева Брячиславна была недостаточно знатна и богата, чтобы претендовать на место супруги любимого сына Ярослава. Какое приданное мог выставить князь Брячислав? Будет ли то приданное достойным Александра? Ярослав всегда хотел подыскать своему второму сыну невесту посолиднее, побогаче, познатнее!

Впрочем, сразу отказывать Брячиславу он не стал, и даже согласился провести смотрины возможной невесты. По его распоряжению, Параскеву немедля привезли в Смоленск, дабы князь Ярослав мог воочию убедиться в достоинствах дочери Брячислава. Девица произвела на него приятное впечатление — была недурна собой, крепка здоровьем и, как и полагается благочестивой бабе, вела себя с должной скромностью.

«Я так думаю, Брячислав Василькович! — заговорил с полоцким князем Ярослав. — Ежели обязуешься ты собрать для дочери своей богатое приданное, какое я означу, то — так и быть! — дам я тебе слово, что женится Александр на ней. Но не обессудь, коли не сумеешь выполнить ты моих условий! Так и знай, разорву я тогда договоренности наши и подыщу Александру другую невесту».

«Все исполню, как обещал, Ярослав Всеволодович! — поклялся князь Брячислав, осеня себя крестом. — Дай только срок!»

«Срок у тебя есть, — ответил Ярослав на то. — Александр юн еще для свадебных обрядов, пока что надобно мне старшего своего сына оженить. Ну а после того, как женю Федора, настанет очередь Александра. Вот к тому времени и готовься!»

На том два князя и сговорились меж собой.

Ярослав, перестав вспоминать былое, снова окинул взглядом владычные палаты. Расторопные служки накрывали столы к трапезе и по воздуху плыли приятные ароматы. Затем он посмотрел на Александра — чувствуя невыразимую гордость за своего сына. Вот уж не думал Ярослав и не гадал, что Александр сможет в столь юном возрасте показать удаль воинскую! И правда, богатырь у него растет, настоящий воевода!

— Помнишь, обещал я тебе, что, ежели справишься ты с делами Новугородскими, то на следующую сечу поедешь по правую руку от меня? — заговорил с сыном князь, а когда Александр с горящими глазами, кивнул, то прибавил: — Так вот! Скоро отправляет брат мой, Великий князь владимирский, Юрий своего сына войной на мордву и зовет меня с дружиной в поход. Поход этот станет для Федора, — Ярослав бросил короткий взгляд на старшего своего сына, — его боевым крещением. Тебе же обряд этот проходить рано, но позволяю я тебе ехать со мною в поход по правую мою руку, Олекса!

Александр снова вскочил со своего места и земно поклонился ему.

— Благодарю тебя, батюшка! — не в силах скрывать радостной улыбки, выпалил княжич. — До чего же счастлив я!

Княжич Федор, не выдержав, отвернулся в сторону, не в силах видеть благосклонности отцовской, пролившейся на голову его младшего брата. Точно, Олекса теперь будет любимцем у их отца! От ненависти, душившей его, Федору хотелось плакать словно малому дитю. И если б умер прямо сейчас Александр, то испытал бы он не сравнимое ни с чем

ликование, а отнюдь не скорбь!

«Вот если Олекса умер...» — проговорил про себя княжич и только потом испугался.

Вдруг он сказал это вслух?

Но — нет! Никто не слышал его скверных мыслей, ни отец, ни брат, ни гридники.

---

(1) Порок — осадное метательное оружие на Руси.

10. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ВЛАДЫКИ

— В месяце декабрь шесть тыщ семьсот сорок второго года от сотворения мира(1), собралися князь Ярослав Всеволодович с дружиною своею могучею идти на ливонцев, бесчинствующих в псковских землях, — аккуратно выводя буквицы, записывал церковный писец на пергаментном листе мысль свою. — Смута великая охватила земли сии, домогался власти в Пскове опальный князь Ярослав Владимирович вместе с орденом меченосцев и проливалася кровь православная обильно на землю русскую...

Занятие писца прервал торжественный церковный звон. Он оставил пергамент и поспешил вместе с другими обитателями владычных палат выйти на улицу. Князь вместе со своей хозяйской дружиной находился в новгородском детинце, в соборе Святой Софии — но подойти поближе и поглазеть на действо, развернувшееся в соборе и во дворе перед собором, для зевак не представлялось возможным. Весь двор и окрестности занимали княжьи дружинники, охранявшие подступы к белокаменному храму. Оставалось только вытягивать шею сильнее, в надежде увидеть хотя бы толику происходящего.

— Благословляю тебя, княже Александр Ярославич, на подвиги ратные! Будь славным и бесстрашным воином! И пуцай не оставит тебя в битве милость божья и защита Спасителя нашего Иисуса Христа! — возвещал архиепископ, совершая движения кабиллом над головой сына князя Ярослава. — И да станешь ты гордостью и опорой батюшки своего, князя Ярослава Всеволодовича!

Освободив руки от кадила, Спиридон принял из рук князя Ярослава боевой шлем и приблизился к княжичу, стоящему на коленях перед церковным алтарем с почтительно склоненной головой. Владыка вначале поднял руки со шлемом вверх, а затем неторопливо опустил их на голову Александра, облачая того в шлем.

Шлем этот был изготовлен по случаю обряда крещения боем, что решился учинить Ярослав над неугомонным Александром, и поражал богатством отделки — железный корпус шлема покрывали золотые и серебряные пластины с библейскими орнаментами. Да, князь Ярослав никогда не скупился для своих сыновей! Когда почти два года назад сей обряд проходил его сын Федор, то и тогда князь даровал своему первенцу не менее роскошный боевой шлем.

Надев на голову княжича шлем, архиепископ снова простер руки к князю Ярославу и тот передал ему сложенный боевой стяг. По традиции князь-отец выбирал для сына символ для стяга, который в битве служил воинам ориентиром — и Ярослав выбрал Спас Нерукотворный. Бабы-умелицы вышили на стяге лик Иисуса Христа, придав облику Спасителя устрашающий вид, какой и требовался для поднятия боевого духа. А вот цвет стяга Александр выбрал сам! Обыкновенно стяги выкрашивались к алые или белые цвета, но княжич Александр, со свойственным ему упрямством, пожелал выделяться среди прочих и выбрал цвет черный, как сама ночь. К такому пожеланию сына Ярослав отнесся снисходительно — пусть сын потешится, даже если и кажется его прихоть чудной кому-то вокруг.

Спиридон протянул княжичу стяг — и Александр принял его из рук владыки.

— Отныне ты не отрок больше, а муж ратный! — провозгласил Спиридон громогласно.

Александр, наконец, поднялся с колен, выпрямившись в полный рост. За два с половиной года, прошедших с момента возвращения Александра в Новгород, тот еще

больше вытянулся в росте и раздался в плечах, смотрясь старше своего почти что четырнадцатилетнего возраста.

«Господь воистину одарил княжича здоровьем богатырским и разумением обширным! — подумал владыка Спиридон. — Не родись он в княжеской семье, то взял бы я его в обучение церковное — и вышел бы из него великий священнослужитель, способный сквозь тьму нести свет веры и мудрости на землях русских!»

Да, благоволил владыка Александру! Княжич покорила его своим умом и прилежанием — тому легко давались науки и языки иноземные — и хоть и примечал Спиридон, что не шибко уж Александр набожен, но прощал архиепископ то ему, понимая, что сложно стать поистине набожным с таким отцом, как Ярослав Всеволодович. Вот если б появилась у Спиридона возможность взять в свои руки воспитание княжича, то вырастил бы он из него истово верующего человека! И стал бы тогда Александр, подобно Иосифу Прекрасному, светочем праведности и веры...

Архиепископ не случайно сравнивал Александра с библейским праведником! Ежели и раньше выделялся Александр прелестью лица своего, то, чем старше он становился, тем пуще расцветала красота его. И справедливо опасался владыка Спиридон того, что однажды станет эта красота причиной несчастья на подобие того, что случилось и с Иосифом, чье прекрасное лицо толкнуло жену египтянина Потифара на грех и лжесвидетельство. Подтверждение своим тревогам архиепископ видел всё чаще, замечая, какие взгляды исподтишка бросают на Александра все вокруг!

Свои мысли Спиридон даже попробовал высказать князю Ярославу:

«Не пора ли тебе, пресветлый князь, подумать о женитьбе своего сына Александра?» — спросил он как-то князя, улучив время, когда тот пребывал в добром расположении духа.

«Думать-то я подумал, владыка! И невесту подыскал даже, — отвечал ему Ярослав. — Но прежде должен я женить старшего сына, а уж потом венчать Александра! А свадьбу Федора, сам знаешь, пришлось отложить по мольбе Михаила Черниговского, дабы смог он собрать требуемое приданное для своей дочери».

Да, Спиридон знал всё это! После того как переяславский князь взял приступом Чернигов и разорил вотчину Михаила, обнищав князь черниговский и потому в оговоренный срок не смог выставить затребованного Ярославом приданного. Впрочем, не захотел Михаил отказываться от возможности породниться с потомком Всеволода Большое Гнездо и потому упросил Ярослава дать ему отсрочку, чтобы смог он выполнить все поставленные в свадебном договоре условия. Переяславский князь пошел Михаилу навстречу и согласился сыграть свадьбу на год позже, чем планировалось — и только грядущим летом должны были зазвенеть свадебные колокола на венчании Федора Ярославича и Улии Михайловны!

«И все же, князь, внемли совету моему, — не успокаивался архиепископ, — не тьяни с женитьбой Александра!»

«С чего это ты, владыка, так озаботился сим вопросом?» — осведомился с подозрением князь.

«А с того, что уж больно пленительна краса сына твоего! Редко встречается столь ладный лик, как у княжича Александра, — прямо сказал Спиридон. — И хоть и дан тот лик сыну твоему Господом нашим и не мне порицать творение Божье, однако ж не могу я закрыть глаза и не видеть того, в какой грех краса Александра может ввести! Безо всякого стыда и девки молодые засматриваются на него и бабы замужние! Негоже Александру, пусть и невольню, вводить их в грех! Жени его поскорее!»

Доводы владыки вызвали у князя только смех.

«С каких это пор супружество помешать может князю баб в грех вводить?» — ухмыльнулся Ярослав порочно.

Архиепископ только и вздохнуть безнадежно смог! И чего он дожидался от такого человека, каким являлся князь переяславский? Какой сам Ярослав жизнью живет — к такой жизни и сыновей своих приучает! Нет у того стыда христианского! Что князю супружеские обеты да клятвы? И правда, что может остановить князя, ежели тот захочет взять приглянувшуюся бабу? Кто посмеет его осудить за это? Никто!..

Кто-то из церковных служек осторожно кашлянул и Спиридон, выйдя из задумчивости, спохватился — он еще не завершил обряд благословения княжича на первый ратный подвиг. Александр все еще стоял перед ним неподвижно, памятуя, что владыка должен осенить его крестом и подать руку для церемонного поклона. Спиридон перекрестил княжича и протянул ему свою старческую длань и тот, поклонившись, почтительно коснулся лбом его руки.

— Аминь! — проговорил архиепископ чинно, на том заканчивая церемонию.

Княжич Александр, широко улыбнувшись, повернулся к отцу и ему отвесил почтительный поклон. Тот, окинув сына гордым взглядом, коснулся его плеча и промолвил поучительно:

— Отныне обязан ты с честью соблюдать воинскую стезю!

— Так и будет, батюшка! — обещал Александр.

По случаю сделанного над княжичем обряда благословения на крещение боем, в Рюриковом Городище князь Ярослав затеял празднество. На морозе жгли костры во дворе, пили хмельные напитки, озорничали с приглашенными скоморохами, катались на санях и водили хороводы вокруг огня под пиликанье гуслей и флейт. То были прощальные гуляния — на завтра дружина князя Ярослава выдвигалась в псковские земли, дабы побить вторгнувшихся туда ливонцев.

Миланья, сидевшая за одним из столов, поставленных во дворе, куталась в пуховой платок и издали наблюдала за мужем своим. Тот стоял рядом с Александром и, насмешливо щурясь, наблюдал, как княжич играет с ручным бурым медведем, которого с собой привели скоморохи. Все окружающие находили косолапого крайне занятой забавой — тот был обучен стоять на задних лапах, мог играть на гуслях и пританцовывать в придачу. Александр этого огромного зверя совсем не пугался и то гладил его по голове, то прикармливал с руки, то требовал, чтобы тот пританцовывал и крутился вокруг себя.

Рядом с Мусудом вертелся, будто приклеенный, княжич Андрей — то и дело пытаюсь отвлечь его какими-то расспросами. С той поры, как напали ушкуйники на Рюриково Городище и погиб кормилец Андрея боярин Савелий, младший брат Александра мечтал заполучить Мусуда в свои наставники. Не раз Андрей просил отца своего, князя Ярослава, назначить Мусуда и его кормильцем тоже, дабы он смог наравне со старшим братом приобщиться к тайнам ратного мастерства татарина. Князь спросил мнения Александра по этому вопросу, на что тотчас услышал возражения — не захотел тот делить своего наставника с Андреем. Пришлось младшему княжичу удовольствоваться другим кормильцем, коего подобрал ему отец — боярином Климом Мирославовичем. Но вопреки всему, продолжал Андрей добиваться расположения Мусуда, то и дело приставая к нему с различными вопросами и просьбами.

Миланья перевела взгляд с Мусуда на княжича Александра.

Тот продолжал оставаться для нее, колдунья, загадкой! Не могла она уразуметь, как получилось у Александра нарушить рок, довлевший над Мусудом и предрекавшим тому смерть в бою от топора ушкуйника! Ведь тогда убивалась Миланья от горя и кляла себя за то, что отправила она мужа своего на верную смерть — а что же вышло на самом деле? Узнала она потом, что Мусуд цел и невредим — что спасла его стрела княжича в последний момент! И как Миланья не смогла этого увидеть своим колдовским даром?

Тоскуя по мужу, Миланья то и дело отправляла ему послания, в которых слезно просила забрать её вместе с дочерью в Рюриково Городище. Однако Мусуд отмалчивался в ответ! Супруг явно опасался того, что она снова попытается под каким-нибудь предлогом разлучить его с княжичем — и потому и не думал содействовать её возвращению в новгородские земли. Миланья и гневилась и плакала от расстройства, места себе не находя вдали от Мусуда. И прошедшим летом она, устав от молчания мужа, погрузила свои пожитки на телегу, наняла себе сопровождающих и отправилась в Новгород без приглашения.

Вот было удивление Мусуда, когда объявилась она перед воротами Рюрикова Городища вместе с дочерью Вассой на руках! Ну а князя Ярослава её самовольство от души рассмешило — такой бравый и суровый воин, как Мусуд, не может бабу свою держать в узде! Подтрунивая над смущенным татаринном, князь, однако, отнесся к Миланье терпимо и разрешил той остаться в Городище подле супруга. Так и воссоединились муж и жена. И хотя первоначально Мусуд держался с ней настороженно, будто ожидая в любой момент подлой уловки, но, спустя время, оттаял и вернулась в его отношение к Миланье прежняя ласка.

Они никогда с Мусудом не говорили о том её видении, которое вынудило Миланью отправить мужа на спасение княжича. Мусуд был мусульманином и, хоть Ярослав Всеволодович и дал им княжеское разрешение жить как муж и жена, однако мир Миланьи оставался для Мусуда чуждым и далеким. Не желал Мусуд понимать её веры! И Миланья не винила его за то, довольствуясь тем, что он не требует от нее изменить веры и словно бы не замечает её странных разговоров и колдовских дел.

А вот с Александром такой разговор состоялся!

Вскоре после её возвращения в Рюриково Городище, Александр пожаловался на головную боль и попросил привести к нему Миланью — ибо слышал он, что умеет она хвори лечить. Мусуд немедленно привел к нему жену. Оказавшись в светелке княжича, Миланья поняла, что хворь у княжича была мнимой — тот солгал, чтобы встретиться с Миланьей под благовидным предлогом.

«Мусуд, подожди за дверью, — велел Александр своему кормильцу. — Не беспокойся о супруге своей, я не обижу её».

Не понимал он, что Мусуд боялся не за нее, а за него! Когда дверные створы за телохранителем закрылись и остались они одни, княжич не сразу нарушил молчание — он просто смотрел на нее прямым, пристальным взглядом, будто прожигая насквозь. И от того взгляда стало Миланье вдруг не по себе, хоть мало что на всем белом свете могло заставить её испытать тревогу.

«Ты — колдунья», — сказал княжич наконец.

«Люди много чего про меня говорят», — небрежно пожала плечами та.

«Я видел тебя подле моей матери, когда та страдала родами. Видел, как ты колдовала над ней».

Миланья против воли утратила дар речи, пораженная его словами.

«Но я не о том хотел спросить. То дело прошлое и, если бы хотел поговорить об этом с

тобою, то завел бы разговор куда раньше, — продолжил Александр ровно. — Я хочу лишь знать одно. Ты ли это отправила Мусуда ко мне на выручку той весной, когда напали ушкуйники?»

Она могла бы попробовать солгать, но не стала того делать:

«Твоя правда, княже, — призналась она. — Я это сделала».

«И упростила ты меня его отправить с тобой в Переяславль, потому что знала, что беда случится?»

Опустила Миланья голову низко, соглашаясь со своей виной.

«Убережь я его думала... Только раскаялась потом! Прости, княже, что не поведала тебе о грядущей напасти! И не вини Мусуда, ничего он не знал о задумке моей — а коли б знал, то не оставил бы тебя ни за что! Потому я обманула и тебя и его!»

Она опасалась, что княжич спросит о причинах, вынудивших её передумать, но его интересовало другое.

«Почему не предупредила меня о том?» — спросил он сурово.

Женщина вскинула на него взор, в котором сквозила и насмешка и горечь одновременно.

«А ты, княже, поверил бы в мои рассказы?» — спросила она в ответ.

Александр опять погрузился в молчание, а в его глазах слабо замерцал гнев.

«Обманув меня, ты обрекла на смерть тех, кто служил моему отцу верой и правдой. Ты обрекла на смерть ни в чем не повинных жен, последовавших за мужьями своими в Новугород. Тебя следовало бы сурово наказать! — произнес княжич негромко, но угрожающе холодно. — Твое счастье, что Мусуд — супруг твой! Не хочу я заставлять его горевать по умерщвленной жене, пусть и дурной! И потому разговор этот останется между нами, даже Мусуд не должен знать о нем. Ступай отсюда! И живи дальше, колдунья!»

Поспешила тогда Миланья покинуть княжескую светелку.

Мусуд, подозревая, что Александр о чем-то допытывался у нее, спрашивал Миланью о произошедшем в княжеской светелке. Но та упорно отмалчивалась, не желая раскрывать тайну беседы с княжичем. Она не боялась, что Александр изменит свое решение и все-таки решится казнить её — нет, раз уж тот сказал так, значит, от слова своего не отступится! И хоть был княжич разгневан на Миланью за проступок её, но благородство не позволит ему оставить верного друга своего без жены, а его дочь без матери. Так что волноваться было не о чем.

Странно, однако нелегкий разговор с княжичем принес Миланье чувство облегчения! Как будто освободилась она от тяжелого бремени, камнем лежавшего на её сердце. Александр был первым за долгие годы, с кем Миланья могла говорить откровенно. Он был первым, кто смотрел на нее без страха перед её колдовским даром! Да, княжич Александр был совсем не так прост, как думала о нем прежде Миланья! Совсем не прост!..

— Довольно с косолапым потешаться, Олекса! — услышала она раскатистый голос князя, восседавшего на кресле у главного стола, накрытого под зимним небом. — Ну-ка, покажи мне удаль молодецкую вместе с братом старшим своим! Где Федор?

Кликнули Федора и тот вышел из гридницы, куда ушел после того как озяб на морозе. Услышав, что отец хочет посмотреть на бой меж сыновьями своими, старший княжич изменился в лице — он совсем не желал сражаться с Александром, ибо знал твердо, что проиграет тому в схватке. Уж больно ловок и мастеровит в бою был Олекса! И Федору совсем не хотелось пережить унижение на глазах у строгого отца и кучи народа,

собравшегося во дворище! А тут еще и Александр подлил масла в огонь, задорно воскликнув:

— А чего мне один Федор? Я его быстро уложу! Дайте тогда мне еще парочку противников, чтоб я уж не заскучал!

Рассмеялся князь Ярослав и разрешил присоединиться к Федору еще двум молодым ратникам из числа младшей дружины. Скинув на снег тулупы, все они взяли в руки деревянные мечи и щиты, дабы в пылу драки взаправду не навредить друг другу. Князь скомандовал начать бой и трое противников двинулись на Александра, надеясь окружить его и общими усилиями заставить спасовать перед атакой. Но княжич сперва ловко уходил от попыток окружить его, а затем, изучив тактику противников, сам пошел в наступление.

— Эх, не по-русски дерется княжич! — посетовал кто-то из бояр, находившихся подле Ярослава. — Что ж это за татарские приемчики?

И правда, Александр свободно использовал в бою выпады, которым в свое время Мусуда обучили в крепости Аламут. Приемы те были не знакомы русским ратникам и потому они терялись перед неожиданными атаками Александра, не представляя точно, как и с какой стороны нужно держать удар и закрываться от нападения.

— Какая разница, по-русски или нет? — хмыкнул князь, взирая на бой с удовольствием. — Для победы все средства хороши!

Первым Александр вывел из боя Федора, ловко опрокинув его с ног и ткнув тупым концом деревянного меча то в грудь — то символизировало поражение и смерть противника. В двумя оставшимися ратниками провозился он еще какое-то время — но скорее только ради того, чтобы покуражиться и покрасоваться перед отцом. Наконец, он ударил каждого из них мечом — и, будь в его руках настоящий меч, то раны эти оказались для противников княжича смертельными. Победно улыбнувшись и переводя дыхание, участвовавшее в бою, Александр повернулся к Ярославу.

— Резво ты их уложил! — заметил князь-отец одобрительно. — Хвалю!

Видя, что Федор, отряхиваясь от снега, собрался вновь уйти в гридницу, Ярослав прибавил:

— Чего ж ты, Федор, так сплоховал? Почему самым первым тебя свалили?

Побагровев от стыда, старший княжич понурил голову и пробормотал:

— Прости, батюшка, что подвел ожидания твои!

Князь знаком велел ему сесть рядом с ним и тому пришлось подчиниться, хоть он чувствовал себя замерзшим. Ярослав более ни слова не сказал Федору, но тот не осмеливался отлучиться из-за стола, боясь вызвать еще большее недовольство своего отца. Ежась от холода и постукивая ногами друг о дружку под столом, старший княжич сердито смотрел в сторону веселого и разгоряченного Александра.

Он чувствовал угрозу со стороны своего младшего брата!

Александр упорно завоевывал благорасположение их отца, шаг за шагом оттесняя в сторону Федора. Чем дальше, тем яснее понимал первенец, что Ярослав отдает предпочтение второму своему сыну и считает того куда более достойным своим наследником. Да, пока что отец еще делает вид, будто относится к ним равнозначно — он даже оставлял Федора своим наместником в Новугороде в прошлом году, покуда был в Переяславле-Залесском — но то лишь видимость! Недалек тот день, как Ярослав открытс назовет Александра своим преемником!

«Так не должно быть! Не должен младший быть лучше старшего! — думал, кусая потрескавшиеся от холода губы, Федор. — Так Олекса меня и с княжьего стола сбросит!

Ему только дай на то время!»

— Чего уж попросту красоваться, Олекса? — заговорил снова князь Ярослав, желая подразнить своего любимого сына. — Давай-ка, сразись тогда с достойным противником! Мусуд! Уж больно сын у меня самодоволен! Проучи-ка его.

Народ во дворище тут же радостно заулюкал, предвкушая захватывающее зрелище.

— Обещай не поддаваться, — сказал Александр, когда Мусуд, скинув теплые одежды, вышел в круг, образованной толпой.

Начался бой меж княжичем и кормильцем его. Собравшийся вокруг люд подзадоривающее свистел и выкрикивал слова поощрения бойцам. Хоть и просил Александр татарина не щадить его и атаковать в полную силу, Мусуд все равно сдерживал скорость выпадов и силу ударов. И когда княжич смог задеть его бочину деревянным мечом, нанеся воображаемую рану — не смертельную, но ощутимую, случись такое ранение в настоящем бою — то вскричал Александр разгневанно:

— Поддаешься!

Поняв, что своим нежеланием биться в полную силу, он унижает Александра сильнее, чем если бы он просто разбил его в пух и прах, Мусуд взялся за дело всерьез. Он пошел в наступление, своим напором не позволяя Александру перейти в атаку и вынуждая того уходить в оборону. Княжич достойно парировал удары, радуя своего учителя прекрасным пониманием техники боя. Однако здесь, на ограниченном участке и без возможности использовать какую-нибудь хитрость — шансы на победу у Александра неумолимо таяли. Мусуд был сильнее его, выше и крепче, не говоря уже про огромный ратный опыт! Александр отражал его наступление долго — достаточно, чтобы вызвать одобрительную улыбку у князя Ярослава — однако, все же, оказался брошенным на землю и получил тычок мечом в ребра.

— Доволен?! — процедил Мусуд сквозь зубы, обращаясь к княжичу.

Зеваки вокруг восторженно вопили, восхваляя татарина и его боевое мастерство.

— Молодец, Мусуд! Окоротил ты его отменно! — заявил Ярослав тогда. — А тебе, Олекса, еще учиться и учиться ратному ремеслу!

Кормилец протянул руку своему воспитаннику и тот, ухватившись за нее, поднялся с земли. Стряхнув с волос снег, Александр поклонился Ярославу, благодаря того за отцовские наставления. Потом поклонился и наставнику своему, благодаря за боевую науку. Подняв тулуп и шапку, свалившуюся с головы в пылу сражения, княжич оделся и ушел за стол к отцу, где уселся и пригубил горячительный напиток. Федор меж тем с трудом скрывал довольную улыбку — правильно, что Мусуд надрал Олексе мягкое место! Уж больно тот заносился со своим ратным мастерством!

Мусуд, чувствуя себя до крайности неуютно, отошел в сторону, к костру.

«И зачем князь столкнул нас лбами? — подумал он угрюмо. — Не важно, победил я или проиграл, все равно задел гордость Олексы!»

Неторопливо к нему подошла Миланья и ласково взяла мужа под руку.

— Не нагулялся еще? Пойдем уж в дом! Побудь со мной, ведь завтра уходишь ты в поход!

Мусуд оглянулся в сторону княжьего стола. Князь Ярослав что-то степенно обсуждал с боярами, а Александр внимательно слушал его речь. Похоже, сегодня он уже не нужен более ни Александру, ни Ярославу. Тогда заставил себя Мусуд улыбнуться супруге своей и ответил ласково:

— А что же? Пойдем домой!

---

(1) После принятия христианства на Руси было введено византийское летоисчисление, берущее свое начало от библейского сотворения мира. Также новый год считался от первого сентября, а месяцы в церковных книгах носили византийское название, хотя простой народ повсеместно использовал для обозначения месяцев старославянские названия.

11. ПЛАН АЛЕКСАНДРА

Ранним утром следующего дня, когда еще не занималась заря, а Мусуд уже попрощался с женой и дочерью, готовясь отправиться вместе с дружиной Ярослава Всеволодовича в военный поход — в двери их дома постучался княжеский гридник. Передал он, что князь Ярослав хочет немедля видеть Мусуда у себя в покоях. Обеспокоенный столь неожиданным вызовом, татарин заторопился в княжеские хоромы.

Ярослав Всеволодович расхаживал по своим покоям уже будучи облаченным в княжеское одеяние, но еще без доспехов и теплых одежд. Князь, судя по всему, только закончил утреннюю трапезу — угодливый челядинец как раз убирал со стола посуду. Ярослав, небольшими глотками прихлебывая из чарки насыщенный квас, смотрелся спокойно и благодушно кивнул вошедшему Мусуду.

— Звал, князь?

— Звал! Вижу, ты уже готов к походу, Мусуд! — заметил Ярослав, окинув татарина пристальным взглядом. — Однако, вот тебе мое княжеское повеление: не ходить тебе с моей дружиной в этот поход, останешься ты на сей раз в Новугороде.

Мусуд вперился в него растерянным взором, не ожидал он такого поворота!

— Позволь спросить тебя, княже! Значит, Александр остается здесь?

— Нет. С чего бы? — последовал ответ. — Олекса отправляется на свое боевое крещение!

Услышав это, растерялся татарин еще больше.

— Вижу, оторопел ты совсем, Мусуд! Ну то и понятно, — проговорил Ярослав почти что мягко, будто даже сочувствуя ему. — Не с того конца я начал разговор с тобой, верный мой вояка! А начать мне надобно было вот с чего! Вчера Александр обратился ко мне с вот какой просьбой: попросил он, чтобы снял я с тебя долг кормильца его и охранителя, а вместо него приставил тебя к младшему брату его, Андрею.

Ярослав говорил истинную правду: вчера, опосля празднества и гуляний, вызвал Александр отца своего на разговор с глазу на глаз и потребовал снять с Мусуда обязанности его кормильца и телохранителя. Удивлен был весьма Ярослав такой просьбой! И еще больше удивился, когда Александр стал настаивать на том, чтобы Мусуд не просто перестал быть его кормильцем, а остался в Рюриковом Городище подле Андрея!

«Что удумал ты, Олекса? Зачем хочешь бравого воина, который сотни ратников стоит, задержать в Новугороде? — спросил тогда князь своего сына с неудовольствием. — Не хочешь видеть Мусуда своим кормильцем, так пусть идет в поход моим воеводой! В бою он мне нужнее будет!»

На что Александр тут же возразил отцу:

«В дружине твоей много славных воинов, батюшка! И много раз ты оставлял Мусуда со мной, обходясь в походах без него. А задержать в Новугороде его я желаю, чтобы не мешал он мне боевое крещение по всем обычаям пройти. Ты и сам знаешь, как трясется он на до мною! Будто я до сих пор дитя малое! Ежели останется он подле меня, то не даст ни мне ко врагу приблизиться, ни врагу до меня дотянуться! Какой же это бой получится? И даже сделай ты его воеводой да поставь подле своего стремени, все равно он ко мне попытается прорваться — и всю сечу мне попортит! Не хочу я этого!»

Князь мысль сына понял, однако, не одобрил её:

«Опять ты задаешься, Олекса! Это первая твоя война и не бывал ты еще в самом пекле сражения, а потому не должно тебе горячиться! Не должно легкомыслие проявлять! На что рассчитываешь ты? Что отпущу я тебя в самую бойню без охраны? Ты — князь! И нельзя тебе оставаться без охраны, ибо во время сечи враг постарается пробиться к стягу, под которым ты стоять должен!»

Но и на то у Александра был заготовлен ответ:

«Да разве сказал я, что без охраны остаться хочу, батюшка? Дай мне хоть сотню охранителей — хоть две сотни! — но только Мусуда от меня удали!»

Не переставал Ярослав дивиться происходящему! Когда-то Александр не позволил Мусуду стать кормильцем Андрея, предпочтя оставить того полностью в своем распоряжении, а теперь так просто отказывается от верного своего наставника и — чего уж отрицать! — ближайшего друга. Что случилось в сердце его сына вдруг? Неужто настолько Олексу задело поражение в шутовском поединке, что затеял Ярослав сегодня меж сыном и его телохранителем? И теперь гордыня затмила разум сына, оттого и поступает он столь опрометчиво, отвергая в важный момент своей жизни защиту столь умелого воина, как Мусуд?

Александр взирал на отца прямым, твердым взглядом — и Ярославу уже было знакомо это! Так сын смотрел, когда окончательно что-то решил для себя и потому готов был стоять на своем до победного конца. Сколько уж раз князь-отец сталкивался с таким вот взором! И с каждым разом становилось Ярославу все сложнее отказывать Александру в его требованиях — уж больно тот наловчился залезать отцу под кожу да уламывать его на свои прихоти! Тем более сложно было князю отказать сыну сейчас, когда благословил владыка Спиридон того быть ратным мужем — а означало это, что отныне сын его уже не отрок, а полноправный мужчина, к чьему мнению отец обязан прислушиваться. А ежели не прислушиваться, то как же Александр сможет ощутить себя мужчиной и князем в полной мере?..

Колебался князь, не зная, какое решение принять! Боролись с ним страх за любимого сына и воинская солидарность. Первое подталкивало его отказать сыну и оставить всё, как было прежде — пускай Мусуд охраняет Олексу и бережет его от любой опасности. Второе диктовало ему, что он, как отец и как воин, должен сделать всё возможное для возмужания сына своего и потому следует ему приветствовать желание Александра перестать прятаться за спиной Мусуда.

Вздыхнув, согласился Ярослав с его требованиями!

«Лады, будь по-твоему. Оставлю на сей раз Мусуда в Городище, не отпущу с тобой на войну. Пусть смотрит за Андреем, покуда мы в походе будем, — сказал он сыну и прибавил строго: — Но крепко запомни Олекса: назад слово сказанное не обернешь! Раз отказался ты от Мусуда, то не вздумай потом попросить меня вернуть его тебе в услужение! За прихоти свои отвечать приучайся! Уразумел ли мысль мою?»

«Уразумел, батюшка! Благодарю, что исполнил просьбу мою!» — склонился перед ним в поклоне Александр.

Дав такое дозволение, князь подумал так: хоть и не поедет Мусуд вместе с Олексой в поход, но он, Ярослав, приставит к нему опытного воеводу и лучших ратников для обеспечения охраны. И те оборонят Александра в случае опасности, а сын, в свою очередь, получит возможность почувствовать себя настоящим воином, как того и хотел!

На следующий день, памятуя о данном сыну обещании, Ярослав спозаранку вызвал

кормильца сына к себе.

Известие, полученное из уст князя, настолько ошеломило Мусуда, что князь проникся отчасти к тому сочувствием! Ценил Ярослав его и за ратное мастерство и за хитрый ум и за верность — и не одобрял князь решения своего сына. Видно же князю, как тяжело кормильцу узнать, что после почти что шести лет непрерывной службы княжичу, тот столь беззаботно отвергает его защиту и наставничество! Не мог Ярослав не понимать, что привязался Мусуд к Александру как к родному сыну...

Но отступить от данного сыну обещания Ярослав не собирался:

— Вот что я еще решил, Мусуд! Покуда в походе я буду, присмотришь ты за Андреем, коего я наместником своим в Новугороде оставлю, — заговорил князь, видя, что Мусуд хранит тяжкое молчание и, опустив голову, смотрит в пол. — Но быть его кормильцем я тебя не принуждаю. Жаль мне твое мастерство военное в запасниках держать! Посему, даю тебе срок на раздумья! Потом, по возвращению моему из похода, коли пожелаешь, станешь кормильцем Андрея — а если не захочешь того, то вернешься в гридниги ко мне! Решать тебе.

Мусуд продолжал угрюмо молчать, словно и не услышав сказанного.

— Ладно тебе истуканом стоять! — вложив в голос суровые ноты, произнес тогда Ярослав. — Ступай уже! Обрадуй жену, что не разлучаешься ты с нею.

Тогда пришлось татарину поклониться князю и выйти прочь.

Но возвращаться в дом, к Миланье, он и не подумал. Вместо того кинулся Мусуд в покои Александра, намереваясь добиться разговора с ним. В светелке Александра не оказалось — поднялся княжич пораньше, дабы подготовиться к походу. На расспросы татарина о том, где сейчас находится Александр, все, как один, усердно отмалчивались. Догадался Мусуд — не случайно это! Неужто Александр не захотел столкнуться с ним до своего отъезда и потому запретил челядинцам да стражникам сообщать Мусуду, где он?

Так и не отыскав княжича, Мусуд вышел во дворище и остался ждать там. Как бы не прятался от него Александр, но перед выдвижением хозяйской дружины из Рюрикова Городища должен тот будет оказаться перед княжескими хоромами, дабы приветствовать отца своего и последовать за ним. Так и случилось. Когда забрезжил серый зимний рассвет дали сигнал к сборам — значило это, что вскорости князь покинет хоромы, оседлает коня и возглавит дружину. Александр в сопровождении своих телохранителей въехал во дворище и остановился недалеко от брата своего Федора, поджидая появления князя Ярослава.

Тогда двинулся Мусуд решительным шагом через дворище. Он готов был раскидать в стороны телохранителей Александра, встань они у него на пути к княжичу. Александр заметил его приближение, но принял равнодушный вид. Мусуд, оказавшись перед мордой его вороного коня, ухватил животное за узду, давая понять, что не даст княжичу сдвинуться с места, покуда не добьется разговора.

— Чего тебе, Мусуд? — снизошел до вопроса Александр.

— Хотел от тебя услышать вести занятные! — резко проговорил татарин, глядя ему прямо в глаза. — Пошто же сам не решился сказать, что видеть меня подле себя больше не желаешь?

Он надеялся на замешательство княжича, но тот спокойно встретил его взгляд.

— С каких пор князь должен ответ держать перед служивыми? — высокомерно приподнял он брови.

Мусуд, ощущая, как потряхивает его от гнева, скорее прошипел, чем выговорил:

— Да что ж нашло на тебя, Олекса?! Почему гонишь от себя? Неужто думаешь, что совсем уж бесполезным я стал для тебя?!... Али так осерчал ты на меня из-за вчерашнего? Настолько, что взащей теперь меня прогоняешь? Настолько, что без охранителя предпочтёшь остаться?!

Но и теперь ни одна черта лица Александра не дрогнула.

— Я всегда буду поминать тебя добром, Мусуд, — произнес он сухо. — Но детство кончилось! Дальше мне идти самому.

Татарин собирался возразить ему, но тут на крыльцо вышел князь Ярослав. Конь, покрытый богато расшитой попоной, уже дожидался его во дворе — князь взобрался на своего скакуна и оглянулся на сыновей. Взор Ярослава упал на Мусуда, все еще удерживающего за узду коня и преграждающего путь княжичу. Однако ничего на то князь не сказал, только выразительно взмахнул рукой — давая понять Александру, чтобы тот заканчивал свой разговор с татаринном.

— Ты мешаешь, — коротко промолвил Александр. — Посторонись.

— Иначе — что? Витнем сызнава хлестнешь? — с горечью усмехнулся Мусуд.

Глаза княжича недобро потемнели, но татарин и не подумал двинуться с места.

В следующий миг к Мусуду подбежала Миланья с дочерью на руках. Она, как и прочие бабы в Городище, вышла на проводы дружины, но, услышав людские толки о том, что князь оставляет Мусуда телохранителем Андрея Ярославича, тотчас поспешила к князьему терему. Снедала её лютая тревога! Догадывалась она о чувствах, что охватили её супруга после известия подобного! И боялась она, что может Мусуд в чувствах натворить дел неразумных — и тем самым навлечь на свою голову княжеский гнев.

Предчувствие её не обмануло! Завидев, как Мусуд стоит перед конем Александра и упрямо мешает тому сдвинуться с места, охнула она от испуга. Еще чуть-чуть — и всерьез осерчает или Александр или грозный отец его! Потому подлетела она к супругу своему и принялась хватать того за руку, увещевая его торопливыми и ласковыми словами:

— Оставь, Мусуд! Пойдем со мною! Молю тебя! — приговаривала она, пытаясь достучаться до него. — Не твори беды! Подумай обо мне! Подумай о дочери своей! Коли осерчает на тебя князь, что же с нами-то станет, а?

К её радости, Мусуд не сразу, но все же посмотрел сначала на неё, потом на Вассу. Крохотная девочка была так плотно укутана в пуховой платок, что видны были только её черные глаза — так напоминающие его собственные! Выпустил он из рук конскую узду, а затем через силу попятился назад, освобождая дорогу сыну Ярослава. Княжич Александр, более не устаивая бывшего кормильца своим вниманием, тронул коня и подскакал к отцу. Вместе с Федором он занял место за спиной князя и последовал за ним, когда тот двинулся в сторону распахнутых ворот Рюрикова Городища.

Когда хозяйская дружина во главе с Ярославом Всеволодовичем покинула Городище, вослед им подтянулась старшая дружина, а за нею и младшая. Бабы, стоявшие у ворот, истово кланялись проезжающим мимо воинам и махали напоследок платками. Княжеская рать зашла на лед реки Волхов и двинулась в сторону озера Ильмень, дабы, миновав его, направиться в сторону псковских земель.

Федор то и дело косился на брата своего, дивясь не меньше прочих тому, что решился тот отказаться от охранителя своего. Как можно было отринуть столь выдающегося воина, столь надежную защиту? Будь у Федора такой кормилец и телохранитель, то никогда бы он и не подумал остаться без него! До чего ж Олекса беспечен и самонадеян! Неужто он полагает,

будто и без Мусуда сможет быть таким же неуязвимым?

Облик Александра был холодным и сосредоточенным.

И только предательская морщинка пролегла меж его бровей.

В год этот были объаты смятением псковские земли!

Разделилась на два стана боярская клика: часть из господ псковских поддерживала союз с Новгородом, а другая её часть желала уйти под власть соседей своих, ливонцев. Сторонники Новгорода призывали народ подчиниться князю Ярославу Всеволодовичу, правившему в Новгородской Вольнице, а противники сего князя стремились посадить на псковский столец ливонского ставленника, опального князя Ярослава Владимировича. Смута, начавшаяся в боярской среде, неумолимо охватила и народ псковский, расколола людей меж собой и ослабила Псков.

Ярослав Всеволодович предугадал такой исход!

Два года назад он пытался бескровно подчинить себе Псков и навести там свои порядки. Желая надавить на псковских господ, он запретил продавать в псковщину соль и там самым вызвал бунт среди черни. Испугавшись народных волнений, бояре псковские поклонились переяславскому князю и согласились поставить над собой его наместника, дабы тот следил за исполнением княжеских указов.

Ярослав, хоть и добился от них смирения, однако поостерегся отправить княжить в Псков кого-то из своих сыновей — уж больно град этот был ненадежным и слишком близко лежал к ливонским землям — того и гляди, жди либо нападения, либо предательства! Потому своим наместником в Пскове Ярослав назначил брата своей жены — князя Юрия Мстиславовича — которому поручил восстановить остроги на пограничных землях и укреплять военную мощь княжества.

Трудно было Юрию удерживать в кулаке псковскую знать! То и дело роптали бояре супротив Ярослава Всеволодовича и Новгорода! Шептались меж собою сторонники союза с Ливонией, что надобно отвергнуть и старшинство Новгорода над Псковом и князя, что посадили на свой столец новгородцы — и призвать на княжение Ярослава Владимировича, родственника литовского епископа Альберта. Ярослав Владимирович виделся склонявшимся к латинской стороне боярам превосходным претендентом на псковский столец — сей русский князь принял католическую веру, имел много полезных связей в Ливонии и других западных землях и, силу этого, должен был беспрекословно выражать интересы латинян. То и дело отправляли бояре в Ливонию послания, в которых просили Ярослава Всеволодовича прийти на псковскую землю с полками латинскими и взять власть в свои руки.

После того, как отец римской церкви Григорий IX призвал католиков совершить крестовый поход на северо-восток, дабы распространить латинскую веру среди язычников и православных — Ярослав Владимирович, призываемый псковской знатью и понукаемый своими ливонскими родственниками, решился заручиться поддержкой немецкого ордена Меченосцев и попробовать взять власть в Пскове.

Вместе с войском меченосцев вошел Ярослав Владимирович на земли псковские и осадил пограничный город Изборск. Сначала попробовал было князь убедить изборчан открыть им ворота крепости без боя, обещая им всяческие блага, после того как сядет он на псковский княжеский столец. Но русские люди, видя за спиной Ярослава Владимировича

латинскую рать, отказались признать его власть и открыть ему ворота. Вместо этого отправили изборчане гонца в Псков к Юрию Мстиславовичу, а сами приготовились держать осаду.

Меченосцы осадили Изборск, стремясь сломить сопротивление русских при помощи меча и огня. Однако вскоре на выручку изборчанам подошла княжеская дружина во главе с Юрием Мстиславовичем и дала решительный бой захватчикам. Войско меченосцев было разбито, а сам Ярослав Владимирович пленен. Юрий Мстиславович отправил знатного пленника к Ярославу Всеволодовичу, а тот запер опального князя в темнице.

Однако — даже лишившись претендента на псковский трон — ни ливонская знать, ни орден Меченосцев не оставили своих намерений захватить в свою власть псковские земли. В том же году напали они на крепость Тесов — и вот тут переполнилась чаша терпения князя Ярослава Всеволодовича! Несколько лет он откладывал военный поход на латинян, будучи занят иными военными делами, однако наглость католических захватчиков уже перешла все границы! И потому созвал он дружину и выдвинулся в Псков, чтобы соединиться там с дружиной Юрия Мстиславовича и общию ратью пойти на вотчину меченосцев — город-крепость Дорпат.

Покуда дружина князя Ярослава Всеволодовича стояла в Пскове, то воспользовался Александр этой короткой остановкой, чтобы подобрать для себя копьеносца и стяговика. Знал княжич, что по обычаю подобную службу должны нести опытные дружинники, заслужившие доверие князя, однако нарочно нарушил традицию и потребовал отдать ему в услужение двух ратников из младшей дружины. Тех самых, с которыми ему довелось сражаться в шутовском поединке перед очами князя Ярослава.

— Я видел их в бою, есть у них ратная искра! — так объяснил своё решение княжич отцу. — Кроме того, хочу, чтобы мои слуги были обязаны мне своим возвышением.

«А он шустро вник, как надобно поощрять подданных!» — заметил Ярослав про себя.

— Можешь оставить себе этих двух воев, — дал согласие князь. — Но не жди, что я позволю тебе окружить себя неопытными ратниками! На сечу ты пойдешь в числе старшей дружины — в сотне Миронег Ефроновича. Он дюже толковый воевода и сумеет присмотреть за тобой.

Последние слова князь Ярослав произнес, впрочем, без особой уверенности. Имелись у него подозрения, что затевает Александр какую-то проказу, потому и отказался от кормильца своего, а сейчас вот выбрал в ближайšie слуги двух неопытных дружинников! Ярослав даже немного сердился на себя за несвойственную ему доверчивость — следовало сразу догадаться, что дело нечисто, когда Александр потребовал удалить от него Мусуда. Ибо никто ни в дружине, ни в княжеской свите не умел держать Олексу в узде так, как это делал Мусуд! Только его Александр слушался и только от него терпел сопротивление своей воле!

«Вот же я сплеховал, оставив Мусуда в Новугороде! Видать, обхитрил меня Олекса, — подумал князь-отец с неудовольствием. — Но теперь ничего не поделаешь! Не задерживать же мне поход, чтобы вызвать сюда Мусуда! Придется смотреть за Олексой во все глаза самому!»

Князь мог бы отказать сыну в выборе ратников на места копьеносца и стяговика — и назначить туда воинов по своему усмотрению. Но тогда Александр бы понял, что у имеются отца подозрения на его счет, а то Ярославу было не нужно. Пускай сын примет взрослое решение и сам назначит себе ближайших слуг, раз он так изволит! А Ярослав поглядит, что

там надумал его упрямый отпрыск — поглядит и помешает ему исполнить задуманное!

Предполагая, что Александр во время битвы постарается прорваться в самое пекло сражения, чтобы доказать свою удаль — князь заранее предупредил воеводу, чтобы тот всеми силами препятствовал княжичу в его намерениях. Должен Миронег Ефронович во время битвы зорко смотреть за Александром и, если предположение князя окажется верным, перестроить боевую сотню так, чтобы ратники окружали княжича плотным кольцом и не позволяли тому углубиться в самую гущу сражения. Ибо, несмотря на благословение архиепископа Спиридона на ратные подвиги, недостаточно еще возмужал Александр, чтобы на равных сражаться со зрелыми и опытными воинами! Поединок сына с Мусудом убедительно продемонстрировал это Ярославу.

Когда два ратника, выбранных Александром, предстали перед княжичем, тот коротко спросил:

— Как звать?

Первый, белобрысый и патлатый, поклонился:

— Савва, княже!

Второй — русый и сероглазый — также отбив поклон, назвал:

— Ратмир, княже!

— Теперь вы служите только мне, — проговорил Александр сурово. — И ответ держите в первую очередь передо мною! Ясно ли то?

— Ясно как белый день! — вновь склонились перед ним ратники.

Удовлетворенный исполнением своей задумки, Александр распорядился выдать им броню, соответствующие их возросшему статусу — добротные кольчуги, калантыри, прочные шлемы с бармицами(1), железные наручи и поножи(2) — а также крепких коней, способных поспевать за ретивым вороным скакуном княжича. Савва и Ратмир, светящиеся от гордости, с удовольствием ловили на себе завистливые взгляды своих соратников из младшей дружины.

Александр не терпелось узнать, какую стратегию боя изберет его отец в битве с латинянами, однако Ярослав до последнего скрывал свои планы даже от ближайших советников. И только после того, как соединенные княжеские силы выступили из Пскова в сторону Дорпата и преодолели уже половину пути, князь созвал военный совет во время одного из привалов.

В большом теплом шатре собрались бояре и княжеские воеводы — все они окружили стол, на котором разложили карту окрестностей Дорпата. Ярослав Всеволодович подозвал к себе сыновей — дабы они могли в полной мере разобрать всё, что намеревался он показать и рассказать — и принялся доставать из шкатулки деревянные фигурки, изображающие конных и пеших воинов.

— Не станем спешить немедля штурмовать Дорпат. Сперва сделаем всё, чтобы выманить ливонцев за крепостные стены и заставить их дать нам бой на реке Омовжа. И только если не удастся нам их заманить в ловушку, пойдём на штурм, — неторопливо говорил князь, расставляя фигурки на карте. — Встретим ливонцев вот здесь, тут река достаточно широка и сможет моя дружина развернуться! Пешие полки поставим в середину, младшая дружина поперед старшей. На них и должен двинуться ливонский конный строй — захотят они одним наскоком раздавить нас. Моя же конница поделится на правое и левое крыло и вступит в бой не сразу, а опосля, — Ярослав поставил фигуры всадников по левую и правую сторону от пеших воинов, выдержав расстояние между пешими и конными полками.

Затем начал двигать конные фигуры, демонстрируя свою задумку: — Боевое построение для конников изберем такое, чтобы не смог враг сразу же разобрать, какое их число. И только когда ливонское войско сомнет младшую пешую дружину и наскочит на старшую, в ход пойдут «крылья». Каждое конное крыло двинется по правому и левому берегу Омовжи, минует сердцевину битвы и упадет каждая со своего края. Так мы загоним ливонцев в окружение и сомнем их полки.

Закончив излагать план, Ярослав окинул взором своих приближенных.

— Пешие срединные полки возглавят воеводы Торопка Меньшой и Володарь Всеславич, — кивнул он двум своим приближенным и те склонили головы в знак полного своего подчинения и готовности исполнить любое приказание. Следом князь указал на правое «крыло» конницы на карте: — Правое крыло поведу в бой я сам. А левое крыло возьмут на себя сыновья мои — Федор и Александр. По условленному сигналу сообщая расправим мы «крылья», а затем превратим их в волчью пасть — которая заглотит ливонцев целиком и перемелет их своими зубами!

Александр слушал речь отца с блестящими от предвкушения глазами. Наконец-то настоящая битва! Доселе он мог только наблюдать со стороны за боевыми столкновениями отцовской дружины с врагами и не имел дозволения участвовать в сече. Но вот настал тот долгожданный миг, когда все его ожидания с лихвой окупятся! Именно ради этого момента пришлось ему сделать нелегкий выбор и дурно поступить с Мусудом...

Княжич старался не вспоминать о Мусуде, ибо это лишало его душевного равновесия.

До сих пор он сам до конца не мог поверить, что решился так неблагодарно поступить со своим наставником! Отчасти прав был Мусуд, когда обвинил его в том, что двигала Александром оскорбленная гордыня! Ему и правда пришлось испытать стыд и злость после того, как кормилец с размаху швырнул его на землю и нанес завершающий удар. Но злился он отнюдь не на Мусуда, а на одного себя! Злился из-за того, что переоценил свои силы и посчитал, что сможет справиться с татаринном, даже если тот не станет щадить его — а вместо того всего лишь опозорился перед отцом.

Тем вечером поразмыслив над случившимся, Александр решил — даже хорошо, что всё так получилось! Теперь он твердо знает, как ему следует быть! Уже давно в голове княжича зрел дерзкий план, который он мечтал претворить в жизнь, когда отец учинит над ним обряд боевого крещения. Но покуда рядом с ним был Мусуд, не решался Александр всерьез взяться за тот план! Понимал он прекрасно, что, ежели Мусуд узнает об этом — то ни за что не позволит ему так рискнуть. А если он обманет кормильца и провернет это дело за его спиной — то потом отец сурово накажет Мусуда за такую оплошность. Не хотел Александр причинять наставнику своему бед и огорчений!

Но сейчас...

Сейчас он понял, что пора рискнуть.

И прежде чем взяться за свой план, следовало вывести Мусуда из-под удара. Надобно было Александру сделать так, чтобы тот не только лишился места его кормильца, но и не пошел в поход против латинян. Оставшись в Новугороде татарин не сможет никак вмешаться в ход событий, а когда Ярослав узнает о проделке своего сына, то причин наказывать Мусуда у него попросту не будет! Вот поэтому Александр вечером пришел к отцу и затеял тот разговор! И ему удалось уговорить Ярослава исполнить его прихоть — пусть и ценой обещания, что впредь Мусуд более не вернется в услужение к Александру.

Княжич всеми силами пытался избежать встречи с Мусудом до своего отбытия в

военный поход. Не вышло! Кормилец подкараулил его у крыльца княжеских хором и вызвал на разговор, которого Александр так стремился избежать! И пришлось ему наговорить Мусуду дурных слов, от которых Александра самого выворачивало наизнанку. Но пути назад не было, раз уж он сделал первый шаг в осуществлении своих замыслов, то пришлось ему делать и второй — и потому он оставил Мусуда позади и двинулся дальше один, без его защиты и подспорья.

Теперь осталось сделать третий шаг!

И важным звеном этого шага являлись его новые слуги.

Вернувшись с военного совета в свой шатер, Александр призвал к себе Савву и Ратмира. Вначале он пригрозил, что, ежели разболтают они кому-нибудь то, о чем он сейчас скажет, то пожалеют они горько о своей доле! Он, княжич, может сделать так, что князь-отец повесит их обоих без всякого дознания. А если не хотят они закончить жизни свои молодые как последние собаки, то нужно им держать языки за зубами и исполнять то, что он им прикажет.

А прикажет он им вот что.

Ратмир, который и ростом и шириной плеч лишь немного превосходил Александра, в день битвы с ливонцами облачится в княжеские доспехи и сядет на его вороного коня. Железная бармица, которая крепится к золоченому шлему Александра надежно скроет лицо Ратмира, оставив на виду лишь небольшую прорезь для глаз — и никто вокруг не сможет заметить подмены. А сам княжич наденет доспехи своего копьеносца и встанет рядом под видом слуги. А Савва должен будет обращаться к Ратмиру как к своему господину и старательно убеждать окружающих в том, что перед ними воистину находится сам Александр.

Александр представил дело так, будто опасался он за свою жизнь и поэтому захотел обезопасить себя такой подменой. Скажи княжич слугам, что собирается он в пылу драки незаметно оторваться от сотни Миронег Ефроновича и углубиться в самое пекло сечи — то донесли бы Савва и Ратмир тотчас Ярославу о его намерениях. Ибо страх перед наказанием со стороны князя Ярослава, безусловно, оказался бы сильнее угроз Александра. Потому княжич предпочел выставить себя трусом, рассчитывая убедить слуг выполнить его требования — и тем самым отделаться малой кровью. Хоть по лицам ратников заметно было, что страшно им исполнять повеление своего господина, послушаться его они не посмели.

В день сечи, когда вышли латиняне на лед реки Омовжи, облачился Ратмир в сверкающие княжеские латы и забрался на коня Александра. Сам княжич, чье лицо тоже закрывала плотная бармица, встал с копьем по правую его руку. А Савва, удерживая над ними черный стяг с лицом Спаса Нерукотворного, встал по левую руку от Ратмира. Их окружала сотня воеводы Миронег Ефроновича, в которой каждый ратник был предупрежден следить в оба глаза за передвижениями княжеского сына. Надежно скрывший свое лицо за бармицей, Александр прятал свои серо-зеленые глаза от окружающих и улыбался в предвкушении сечи.

Наконец-то он сможет без помех со стороны своих телохранителей ввязаться в бой! Хватит с него постоянной опеки! Хватит беречь его от опасности! Теперь он докажет всем — а особенно отцу и Мусуду! — что не ребенок он больше и что по плечу ему биться наравне с ратными мужами.

Сердце Александра билось учащенно, а когда разнесся над заснеженной округой тугой

гул боевого княжеского рога, то и вовсе замерло от восторга. Срединные русские полки пришли в движение, выступив в сторону приближающегося строя латинян.

Битва на Омовже началась.

---

(1) Бармица — кольчатый доспех на лицо, оплечье, грудь и лопатки ратника, элемент шлема, в виде кольчужной сетки, обрамляющей шлем по нижнему краю.

(2) Наручи и поножи — стальные нарукавники и наголенники, защищающие конечности воина.

12. КРЕЩЕНИЕ БОЕМ

Вот и настал момент битвы, чего так дожидался Александр!

Ливонское войско, выстроившись в длинную шеренгу, двигалось по руслу Омовжи, постепенно набирая скорость и готовясь врезаться в пешие русские полки. Впереди латинской рати ехали тяжеловооруженные конные всадники, выставив вперед копейные древки. Александр был наслышан об этой военной тактике ливонцев: они ставили хорошо вооруженных конников впереди и по флангам строя — с тем расчетом, что, налетев на вражеские полки, всадники сомнут их своим напором и прорвут строй. А под прикрытием конников шли пешие воины, вступавшие в бой в рассеянными первым натиском противниками. Такой боевой порядок не единожды приносил ливонцам победу в битвах на открытом пространстве — и знал об этом также и отец княжича, князь Ярослав.

Младшая княжеская дружина, состоявшая из еще молодых и малоопытных ратников, первой встретила натиск ливонских рыцарей. Устоять против конного вражеского строя она, конечно, не смогла и ливонцам быстро удалось прорвать строй — конники прорезали дружину как нож масло, топча русских ратников и раскидывая их в стороны ударами копий. Двигавшиеся под прикрытием рыцарей пешие ливонские полки тут же бросились в бой, стремясь рассеять княжеских воинов и добить их. Несмотря на сокрушительный натиск латинян, ратники из числа младшей дружины отчаянно рубились с противниками, помня наказ воеводы — во что бы то ни стало втянуть врагов в яростную драку, заставив их нарушить боевой порядок.

Старшая дружина не вступала в бой, ожидая, когда ударный конный строй пройдет сквозь выставленные вперед младшие полки. И только когда латинские всадники оказались прямо перед ними, ратники старшей дружины приняли удар на себя. Здесь ливонские конники встретили куда более ожесточенное сопротивление — матерые пешие дружинники превосходно знали, как нужно бороться с всадниками. Ловко они подсекали мечами и топорами ноги лошадям, вынуждая тех или падать или вставать на дыбы от боли, сбрасывая на речной лед своих закованных в латы всадников — а там дело довершал удар булавы или копья. Очень скоро конные ряды латинян потеряли плотность строя и, разомкнув ряды, оказались в гуще сечи, отбиваясь от попыток русских ратников взять в окружение каждого всадника по отдельности и опрокинуть его с лошади.

«Крылья» конной дружины, выполняя приказ князя Ярослава, стояли позади старшей дружины на правом и левом берегу. Конница выстроилась узким строем, который мешал врагам разглядеть численность княжеских всадников. «Крылья» не вступали в битву, дожидаясь условленного сигнала князя и, придерживая бьющих копытами коней, следили за разгоревшейся на льду схваткой.

Но вот над округой снова затрубил боевой рог — Ярослав дал сигнал расправить «крылья».

Александр протянул Ратмиру княжеское копьё, чье древко и наконечник были затейливо расписаны золотом. По обычаю, князь должен был поднять копьё вверх, перед тем как повести дружинников в бой. Ратмир принял из его рук копьё и поднял его как можно выше. Тоже самое сделал Федор, состоявший в сотне другого воеводы и находившийся на отдалении от Александра. Левое крыло конной дружины ожило и пришло в движение.

На ходу меняя боевое построение, конница раздалась вширь, полностью заполонив

речные берега — это и вправду походило на расправленные крылья птицы. Конная дружина обошла центр битвы с флангов, а потом, выставив вперед копыя, ударило войско врага справа и слева. Как и говорил князь Ярослав — крылья превратились в волчью пасть, ощерившуюся, словно зубами, сотнями и сотнями копий. И пасть эта сомкнулась вокруг латинян, проглатывая их целиком.

Сотня Миронег Ефроновича вступила в бой, наседая на растерявшихся от неожиданного натиска с флангов. Воевода и его дружинники старались не терять из виду черный стяг Александра и его поблескивающий на тусклом солнце золоченый шолом — и, какой бы не была ожесточенной схватка, не размыкали строя, окружая княжича защитным кольцом. Александр знал, что так и будет! Знал, что отец до последнего постарается оградить его от опасности — хоть и говорил, что отныне сын его полноправный мужчина и ратник! Ну ничего, Александр сейчас это дело поправит!

Княжич, пользуясь тем, что никто не обращал на него внимания — принимая за обыкновенного ратника из числа княжеской охраны — незаметно смешался с воинами Миронег Ефроновича. А после направил коня вперед, желая прорваться в первые ряды, туда, где кипела особенно жаркая сеча.

Своим копьем Александр опрокинул первого попавшегося на пути латинского рыцаря и тот свалился с коня на лёд. Размахнувшись копьем, княжич попробовал проткнуть повергнутого навзничь рыцаря, но латы противника смягчили удар и, хоть и оказались проколоты наконечником, но не позволили нанести смертельного удара. Обоиими руками рыцарь ухватился за древко и, вырвав его из раны, дернул копье в сторону, мешая княжичу нанести повторный удар. Тогда Александр, резво перекинул ногу через седло и спрыгнул с коня на землю — нет уж, закончит он начатое и добьет врага! Пинком он опрокинул на спину попытавшегося подняться рыцаря и, сжав крепче копейное древко, снова вонзил его в то же место — расширяя пробоину в доспехах врага и нанося на этот раз глубокую и смертельную рану.

К Александру метнулись несколько пеших латинских воинов, держа наготове мечи и шестоперы. Княжич оставил копье, не пытаясь выдернуть его из тела заколотого рыцаря — знал он, что в ближнем пешем бою да еще и в плотном окружении сражающихся воинов копье неудобно в обращении. В таких случаях меч или топор куда полезнее и смертоноснее. Выхватив из ножен меч, он вступил в схватку с противниками, чувствуя, как пьянит его жар сечи и кипит у него кровь от восторга.

Пешие латинские воины были облачены в куда более скромные латы, нежели конники — и потому нанести им поражающие удары мечом оказалось для Александра легкой задачей. Уроки Мусуда не прошли для Александра бесследно — в бою он был непредсказуем и необычайно ловок. Это с мастерством кормильца ему не получалось тягаться, а вот для всех прочих его боевых умений хватало с лихвой! Меч из каленой русской стали в руках княжича без особого труда отражал выпады и сам причинял им смертельные ранения.

Разделавшись с противниками, княжич приостановился на миг, в сердцах ругаясь на неудобство — бармица, прикрепленная к шолому, значительно сковывала движения головы и шеи, тем самым замедляя княжича и сужая возможность для кругового обзора. Вот почему Александр обыкновенно предпочитал носить шолом без защитной кольчужной сетки! Тогда Александр сдернул с головы шолом вместе с бармицей и отшвырнул в сторону ненавистный доспех. На его лице осталась лишь теплая повязка, закрывающая нижнюю часть лица и не позволявшая железным кольцам бармицы примерзать к коже.

Заскочив на коня, Александр быстрым взглядом окинул место битвы — и взор его зацепился за белоснежный латинский стяг, на коем изображен был багряный крест и меч. Боевой стяг меченосцев! Должно быть, под этим стягом стоит латинский воевода со свитой. А что может быть почетнее для воина, как не возможность пробиться к вражескому стягу и подрубить его древко, тем самым объявляя о падении стана противников?

— Ну! Пошла! — прикрикнул на коня Александр, бросая коня туда, где виднелся вражеский стяг.

Мечом снося попадавших по пути пеших латинских воинов, княжич преодолел большую часть расстояния, отделявшего его от цели — как дорогу ему преградил конный рыцарь, вооруженный копьем. Латинянин, видя, что голова противника не защищена, целился острием копья в лицо Александру, рассчитывая нанести губительный удар. Однако княжич в последний момент ловким ударом меча заставил копьё отклониться в сторону — и острие копья пронеслось в воздухе подле его головы. Покуда латинский всадник разворачивал своего коня, в попытке снова пойти в копейную атаку, Александр уже скакал дальше, прорубаясь сквозь сечу.

Кто-то из пеших латинских воев успел подсечь ноги коня под Александром и тот опрокинулся вперед, сбросив всадника. Княжич успел выдернуть стопы из стремян и потому слетел с коня так, что тот не рухнул на него всем своим весом. Перекатившись несколько раз через себя, Александр молниеносно вскочил на ноги — и вновь кинулся в ближний бой, рубя мечом направо и налево, ловко при этом уворачиваясь от атак.

К радости Александра, русские ратники неумолимо теснили латинян, заставляя их отступать. Двигаясь вместе с наступающей волной дружинников, напирających на латинян, княжич с каждым шагом оказывался всё ближе к ставке меченосцев. Не желая, чтобы кто-то другой успел подрубить древко стяга, Александр то и дело вырывался вперед прочих дружинников — и только когда встречал упорное сопротивление, задерживался, разделяваясь с врагами.

Под латинским стягом развернулось наиболее ожесточенное противостояние.

Воинская традиция повелевала охранять стяг любой ценой, ведь тот служил ориентиром для сражающихся. И, по той же традиции, падение стяга означало разгром сердцевины войска и зачастую влекло за собой не просто отступление, а паническое бегство полков. Потому и защищали воины любой стороны так рьяно свой стяг!

Здесь, у стяга, встречали русских воинов конные рыцари, занявшие круговую оборону. Александр — понимая, что в одиночку не прорвать защиту хорошо вооруженных врагов — не сразу бросился в бой, выждав, когда подтянутся еще русские силы к этому месту. И только когда княжеские ратники вплотную подступили к кольцу, он рискнул пойти в наступление.

И тут удача, благоволившая княжичу прежде, чуть было не отвернулась от него.

Александр почти что прорвался сквозь ливонский строй, как латинское копьё настигло его — стальной наконечник врезался ему в грудь, толчком опрокинув на лёд. Броня калантыря, надетая поверх кольчуги, выдержала удар, заставив копьё скользнуть по нему и вонзиться в левое плечо, туда, где заканчивался панцирь и тело княжича прикрывала только кольчуга. Конный меченосец что есть силы навалился на копьё, стараясь как следует вогнать острие поглубже — и, кольчатый доспех не выдержав давления, лопнул, позволив острию ранить Александра.

Княжич скрипнул зубами от боли. Сжав копьё руками, он помешал рыцарю еще сильнее надавить на древко и тем самым углубить ранение. Видя его упорное сопротивление,

латинянин дернул копьё на себя, рассчитывая размахнуться и нанести повторный и более меткий удар. Этого хватило Александру, чтобы поднять свой меч и вертко метнуться в сторону, проскользнув под конским животом. Прежде чем латинянин сумел развернуть копьё, чтобы воспрепятствовать нападению, Александр, крепче ухватив рукоятку меча двумя руками и перенеся на них вес всего тела, нанес им колющий удар в бочину врага, пробив кольчугу. Меч пронзил туловище рыцаря, заставив того содрогнуться в предсмертной судороге, а затем свалиться с седла.

Стяг уже был совсем рядом.

Сразив ещё нескольких ливонцев, вставших у него на пути, Александр преодолел кольцо защитников стяга. Однако подрубать древко стяга ему не пришлось — военачальники меченосцев, осознав, что русское войско вот-вот возьмет их в окружение и безжалостно раздавит, поспешно бросили свои позиции и вместе с со своими телохранителями спасали жизни бегством. Брошенное стяговиком латинское знамя рухнул на лёд, под ноги сражающихся. Ликующе рассмеявшись, княжич приподнял древко, чтобы потом ударом ноги переломить его — так, чтобы уже никто не смог установить его в полную высоту.

Победоносно крича и залихватски свистя, русская конница ринулась вдогонку за ливонцами, преследуя их по реке.

Александр, опершись на сломанное древко стяга, стоял, переводя дыхание и провожая взглядом проносящихся мимо него княжеских всадников. Несмотря на кровоточащую рану, он чувствовал себя невероятно счастливым. Кто-то из пеших дружинников — не признав в нем княжича из-за повязки, все еще закрывавшей лицо Александра — похлопал его по плечу, добродушно чествуя за трофей.

— Молодчага, братец!

Вскоре к месту брошенной ставки ливонцев подъехал на коне сам князь.

— Каков удалец! За такой трофей награжу его! — проговорил Ярослав громогласно. — Кто этот ратник?

Александр, услышав голос отца, обернулся и стянул с лица повязку, давая возможность разглядеть себя.

Князь окаменел, узрев, что перед ним находится его собственный сын — без шелома, разгоряченный от жаркой сечи и весь в крови. Княжеская свита из воевод и гридников также тихо ахнула при виде Александра. А княжич, улыбаясь самодовольно, продемонстрировал отцу захваченный им стяг Меченосцев и торжествующе поинтересовался:

— Ну как, батюшка, прошел я боевое крещение с честью?

Ярослав медленно перевел дыхание, призывая святых апостолов ниспослать ему терпения.

Когда поражение латинян стало очевидно, а вестовые донесли, что остатки сбежавших с поля битвы ливонцев заперлись за стенами Дорпата, князь Ярослав приказал завершить военные действия. На сегодня хватит сечи! Назавтра он вместе с дружиной подступит к стенам города и возьмет его в окружение. Латиняне потеряли слишком много воинов и теперь не смогут дать ему должного отпора! У них останется лишь две дороги: либо попытаться выдержать осаду, либо сдаться на милость Ярослава и попробовать выкупить у

него мирный договор.

Раздав приказы, князь, прихватив с собой сыновей, направился к русскому лагерю, развернутому русским войском на берегу реки Омовжа. Оказавшись в своем становище, Ярослав Всеволодович спешил с коня и схватив Александра за шкуру, словно нашкодившего котенка, потащил того в княжеский шатер.

Гридниги и милостники из княжеской свиты осмотрительно не последовали за ними, понимая — коли князь прилюдно держит себя с сыном как с неразумным дитем, то совершенно точно пребывает он в крепчайшем гневе. Даже Федор поостерегся идти за отцом, заметив его взбешенный взгляд.

— Лекаря прислать сюда! — приказал слугам князь перед тем как затолкать Александра в шатер.

Старший сын Ярослава стоял вместе с прочими княжескими подданными и с вящим душевным потрясением слушал толки о проделке своего младшего брата. Несмотря на то, что Олекса всегда отличался самоволием, однако ж даже Федор не мог предположить, что способен тот на столь дерзкий поступок. Переодеться княжеским слугою и прорваться в первую линию боя! Вот это причуда! Неужто сам Олекса не понимал, что рискует он смертельно? Что, если бы настиг его вражеский меч и сложил бы он свою буйную головушку на поле брани?

«Как же! Так и сложил бы! Везучий он, зараза! — тут же не согласился со своей мыслью Федор. — Этого, кажется, вообще ничто не проймет! Ни меч, ни стрела!»

Оказавшись в шатре, Ярослав подтолкнул сына в сторону кресла, знаком приказывая сесть и не рыпаться. Александр, выглядевший притихшим и смущенным, подчинился отцу. Впрочем, страха перед отцовским гневом в его облике не наблюдалось. Решившись исполнить свой план и оказаться в гуще бойни на равных с обычными дружинниками, он, конечно, понимал, что опосля придется ему принять наказание от отца. Но, все же, Александр не ожидал, что князь-батюшка настолько осерчает, что на глазах у всей дружины протащит его за шиворот к шатру, унижая при этом княжеское достоинство сына.

— Прости, отец... — начал было Александр, но тот жестом приказал ему замолчать.

Только испив из кубка вина, Ярослав немного отошел от чувств, и заговорил с ним:

— Предупреждал я тебя, Олекса! Предупреждал, что будет, ежели снова ты станешь самовольничать. Не уразумел ты, как видно, внушений моих! Что ж, придется мне тогда всыпать тебе по первое число! — проговорил он звенящим сталью голосом. — Сейчас посмотрит тебя врачеватель, ну а уж потом получишь ты сполна от меня! И воевода твой, Миронег Ефронович, тоже хлыста откушает досыта! А слуг твоих непутевых я вздерну на ближайшем дереве!

Александр, услышав последнее, тут же встрепенулся:

— Вешать-то их за что, батюшка?

— Да чтоб другим неповадно было твои капризы исполнять! — рявкнул князь в ответ.

— Капризы у детей малых бывают! А меня благословили мужчиной быть! Владыка Спиридон благословил и ты сам! — возразил горячо княжич, всерьез обеспокоенный обещанием отца повесить Ратмира и Савву. Он готов был отдать их под хлыст, решив потом сполна наградить их гривнами за перенесенное наказание, но не предвидел, что отец зело разлютуется и вознамерится повесить его сообщников. — Савва и Ратмир поклялись служить мне и ответ несут передо мной, а не перед тобой. Не можешь ты их казнить без моего на то согласия!

— Ты еще поперечь мне тут! — пригрозил Ярослав сурово. — Сказал — вздерну! Значит, вздерну.

— Как же мне князем быть, ежели ты, отец мой, права мои княжеские попираешь? — повысил голос Александр, не собираясь отдавать в его власть своих слуг.

Противодействие сына заставило князя снова зайтись гневом:

— А мож не быть тебе князем вовсе, а, Олекса? — словно разъярившийся медведь прорычал он. — Отправлю я тебя в ссылку в самую глухомань, будешь там мхом обрастать да над утками и лягушками княжить!

Но и эта угроза не остудила желание княжича спорить:

— Ежели решишь так — ссылай куда угодно! Только не стану я мхом там обрастать — сбегу оттуда и поминай как звали! Отправлюсь по свету гулять как вольный ветер!

В этот миг шибко зачесались у Ярослава руки прописать сыну зуботычину, дабы выбить из него всю дурь! И тут раздался голос слуги, объявившего, что привели к княжескому шатру лекаря. Князь разрешил тому войти и повелел осмотреть рану Александра — а сам отошел в сторону и снова пригубил вино, стараясь умерить собственный душевный накал.

Сняв с княжича калантырь, кольчугу, подлатник(1) и сорочку, лекарь озабоченно зацокал языком, изучая колотую рану на его плече. Ранение уже остыло и перестало кровоточить — промыв его теплой водой, лекарь принялся залеплять это место зеленоватой жижей, изготовленной из толченых трав. Наложив повязку на плечо Александра, он сообщил князю, что рана не должна теперь загноится, а иных ранений у княжича не имеется.

— Покуда выйди прочь, но далеко не уходи, — повелел тогда князь. — Скоро тебе придется спину его латать!

Лекарь, прижимая к груди узелок с травами, торопливо попятился к выходу.

— Можешь рубаху не надевать, не пригодится она тебе, — заметил Ярослав, когда остался наедине с сыном. — Вставай-ка! Пора тебе урок усвоить!

Александр с достоинством поднялся с кресла и повернулся к нему спиной. Взяв в руки витень, Ярослав приблизился к нему и замахнулся было, собираясь хлестнуть сына — однако рука его вдруг дрогнула. Не сумел он вот так, сразу, ударить любимого ребенка своего — предательски затряслись у него руки, ослабели пальцы! Убил бы он любого, кто рискнул бы хоть пальцем прикоснуться к Александру — а вот теперь должен сам изувечить ему спину хлыстом!

Но что тут поделаешь?..

Нельзя оставить без наказания проказу сына! Надобно проучить его за своеволие. Чтобы усвоил тот накрепко, что негоже отца своего обманывать, негоже нарушать его повеления. А если отступить сейчас от своих угроз, не сдержать обещание покарать сына, то почует Александр слабину в отце и возомнит, будто и впредь он может оставлять его в дураках!

Сжав покрепче рукоятку витня, он хлестнул сына по спине. На белой коже тотчас появилась багровая полоса, на которой проступили капли крови. Преодолевая мучительное внутреннее сопротивление, Ярослав хлестнул сына во второй раз, в третий, в четвертый... По его спине потекла кровь. Александр, сжав руки в кулаки, не позволял себе издать ни единого возгласа боли, смиренно принимая удары.

Больше сорока ударов наносить не принято было — ибо Господь их, сам Иисус Христос претерпел сорок ударов, кому ж больше назначишь? — но меньше дюжины тоже считалось слишком мягкой карой. Отсчитав двенадцать ударов, Ярослав с облегчением отступил от сына и, отложив витень, вновь позвал в шатер лекаря.

Когда же врачеватель закончил выхаживать спину Александра, то княжич не без труда натянул на себя сорочку. Лицо его было бледно, но выражение горделивого равнодушия никуда с него не пропало. Молча поклонился он отцу и замер в собранной позе, ожидая, как дальше он распорядится его судьбой.

Мысленно кляня себя за слабость, князь призвал в шатер одного из гридников.

— За оплошность совершенную, велю я отсыпать двадцать плетей воеводе Миронегу Ефроновичу, — отдал тому приказание Ярослав, а потом, поколебавшись еще немного, прибавил: — А слугам княжича Александра пропишите по тридцать плетей каждому, не меньше! Исполнить то немедля!

— Всё сделано будет! — раскланялся гридник.

Александр вскинул просветлевший взгляд на отца: неужели все-таки он добился от отца послабления? Не повесит тот Савву и Ратмира!

— А ты, Олекса, ступай к себе! — хмуро обратился к сыну князь. — И чтоб никаких больше дурачеств!

Снова княжич отвесил отцу поклон и вышел из шатра. Кто-то из челядинцев поспешил накинуть ему на плечи тулуп, желая защитить его от холода. Не глядя по сторонам и стараясь не обращать внимания на перешептывание княжеской свиты — которая, конечно, всё слышала и знала, что высек его отец витнем — Александр зашагал к своему шатру.

Федор, сложив руки на груди, проводил его довольным взглядом, наслаждаясь унижением брата.

---

(1) Подлатник — одежда, надеваемая под кольчугу, служащая для амортизации ударов и защищавшая зимой от примерзания кольчуги к телу.

13. НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

— Едут! Едут! Княгиня с княжичами прибыли! — прокричал кто-то в толпе, собравшейся подле крепостных стен Рюрикова Городища.

Новгородский люд заволновался, напирая на дорогу, ведущую к воротам Городища, желая получше разглядеть приближающуюся узорчатую колесницу с навесом, убранным богатыми тканями. На колеснице восседала княгиня Ростислава, супруга князя Ярослава Всеволодовича, в окружении малолетних детей своих: дочери Марии, пятилетним Михаилом и двухлетними Даниилом и Ярославом — уродившимися двойней — и годовалым Константином. Рядом с колесницей верхом на коне размеренно ехал Александр, коему в месяце травень(1) как раз исполнилось четырнадцать лет. Народ, глядя на княжеских детей, зашептался меж собой, говоря, что своей способностью производить на свет сыновей князь Ярослав пошел в своего отца — Всеволода Большое Гнездо, прозванного так за обилие сыновей в своем роду.

Наибольшее любопытство новгородцев вызывал Александр.

Когда в начале месяца изок(2) по столице Новгородской Вольницы пронесся слух, что вместе с княгиней в Новгород возвращается из ссылки Александр, то многое число горожан захотели воочию увидеть на шумевшего в их землях княжича. В народе ходили сплетни о подвиге княжича, переодевшегося своим слугой и сражавшегося наравне с мужами в самом сердце сечи — вызывая в сердцах простых людей невольное восхищение храбростью и безрассудством Александра. Чернь со свойственной ей сентиментальностью не могла не проникнуться приязнью к молодецкой удали княжича и его боевому успеху. Даже побасенки и песни складывал народ об Александре, потешая свои сердца. И потому сбежались люди со всего Новгорода поглазеть на Александра — будто на былинного богатыря.

— Ох, княжич-то еще краше стал! — восклицали девки и бабы, провожая взглядами Александра.

— Побойтесь глазеть-то, а то ведь ноги подкосятся! — раздавались ехидные смешки тут же в толпе. — Вот как свалитесь под копыта его коня!

— А я и не против поваляться! — ответствовала острякам наиболее бойкая из девок.

— Вот бесстыжая! Тебе за такое пчелу на язык посадить надобно! Трещать меньше будешь!

Александр, горделиво не обращая внимания на собравшуюся толпу и народные толки вокруг него, миновал ворота крепостной стены Городища и скрылся от их глаз. А когда за стены проехал последний дружинник из числа княжеского сопровождения и врата крепости закрылись, новгородские ротозеи с сожалением зашумели. Хотелось им увидеть поболее того, что удалось мельком разглядеть! Но, увы, запрещено было простым людям переступать границу, отделявшую княжескую вотчину от новгородских земель.

Потоптавшись немного перед запертыми вратами, народ начал расходиться.

Это лето обещало им вдоволь зрелищ! Вскорости зазвонят свадебные колокола на венчании княжича Федора и черниговской княжны Улии. Для этого и съезжаются в Новгород высокородные лица! Вот приехала княгиня Ростислава с детьми, скоро прибудет Михаил Черниговский с супругой и дочерью, а также братья Ярослава Всеволодовича с семьями. Богатая да знатная будет свадьба! С поистине княжеским размахом собирается Ярослав женить своего первенца! Ну а вместе с князьями погуляет на славу и весь Великий

Новгород!

За крепостными стенами детинца оживления было не меньше, чем снаружи.

Обитатели Городища, высыпав из жилищ, приветствовали княгиню и княжеских отпрысков земными поклонами. Князь Ярослав Всеволодович встречал супругу и детей, стоя на крыльце. Княгиня, не спуская нежного взора с супруга своего, передала младенца Константина на руки мамке-няньке, и поспешила выбраться из колесницы. Приблизившись к Ярославу, она сначала почтительно поклонилась ему, а затем поцеловала руку, что он ей подал.

— Исполать тебе, наречённый мой супруг! — прошептала, едва сдерживая слезы, Ростислава.

И как ей было не заплакать? Ведь так редко она видела мужа своего! Наездами бывал Ярослав в вотчине своей — Переяславле-Залесском — приедет, проведет с ней несколько ночей, и снова уезжает! А она оставалась в тереме вынашивать его детей да тосковать подле оконца! И хоть умоляла она мужа забрать её с собой в Новгород, дабы могла она согреть его своей кроткой любовью, не торопился Ярослав исполнять её моления. Злые языки шептали на ухо княгине, что и без нее есть кому согреть постель князя долгими ночами — полно вокруг него и девок теремных и баб в селениях, не решавшихся отказать князю в ласке. От слухов этих обливалось кровью сердце Ростиславы, а глаза не пересыхали от горьких слез... Но сейчас, оказавшись подле любимого мужа, она и думать забыла обо всем дурном и если и заблестели на ее глазах слезы — то только от переполнившего её сердце счастья.

По очереди она протянула руки сыновьям своим, уже несколько лет почти неотлучно жившим в Новгороде — Андрею и Федору — и те с поклоном коснулись губами ее пальцев. Андрей, как и мать, обладавший тонкой душевной натурой, не мог сдержать радостных слез при этом.

— Матушка! — выдохнул он, расчувствовавшись.

Ярослав тем временем взирал на Александра. Тот, откинув в сторону плащ-корзно, спешил с коня и, обнажив свои отросшие до плеч русые волосы, направился к хоромам. Поклонился он отцу со всей учтивостью, но не заметил на его лице Ярослав следов волнения сыновьяго, вызванного встречей после разлуки с отцом — и, не отыскав чувств этих, вдруг огорчился сильнее, чем ожидал от самого себя. Равнодушно держит себя Олекса, будто все равно ему — простил его отец или нет!

Неужто гневится его сын на отца своего?..

Гневится за то, что после военной победы над латинянами и подписания мирного договора — по условиям которого теряли ливонцы часть земель Дорпатского епископства в пользу Пскова — отослал Ярослав своего сына сразу же в Переяславль-Залесский. Не позволил князь сыну даже ненадолго заехать в Новгород, а прямо из Пскова снарядил охранный отряд, который под строжайшим надзором сопровождал Александра в переяславские земли.

«За содеянное останешься в ссылке, покуда я тебя не прощу! И никакой тебе охоты да прогулок конных! Никаких тебе забав не оставлю, никакой отдушины! — объявил Ярослав сыну перед отправкой в Переяславль. — Будешь у меня сидеть за стенами детинца вместе с бабами! И только попробуй ослушаться моего приказа! Узнаю, что самовольничаешь — и правда сошлю в такой медвежий угол, где и речи человеческой не слышно!»

Помимо угроз этих, распорядился Ярослав денно и ночью следить за его сыном — на

случай, если сумасбродство все же возобладает в Александре и попытается он податься в бега, как и обещал. Как ни крути, но упрямства Александру было не занимать! Вполне он мог, поддавшись своей горячей крови, рискнуть улизнуть из-под отцовской опеки да и пойти шататься по миру как вольный ветер.

Однако, вопреки его опасениям, Александр вытерпел ссылку без единой проказы. Это внушило Ярославу надежду, что усвоил сын преподанный ему урок — и что впредь тот станет куда более покладистым. Удовлетворенный поведением Александра, Ярослав разрешил тому сопровождать Ростиславу в Новгород на свадьбу Федора и Улии Черниговской.

И, конечно, не собирался Ярослав впредь пускать на самотек поведение сына!

В одиночку воспитывать Александра в нужном русле казалось Ярославу трудной задачей и князь понимал: нужен тут Мусуд, который имел на княжича значительное влияние. Однако вернуть татарина в подчинение Александра означало для Ярослава отступить от своего же условия, выставленного им сыну: не должен Мусуд снова стать его воспитателем и охранителем. Нарушить это условие значило показать, что Ярославу не хватает дальновидения и силы воли, чтобы держать сына в узде.

Однако, обмозговав всё, князь придумал, как разрешить дело: он не станет назначать татарина охранителем и наставником Александра — вместо того, поставит он Мусуда воеводой над сотней лучших ратников, а уж в эту сотню определит сына для прохождения ратного учения. Так Ярослав и от слова своего не отступится и соблюдет традицию: ведь после боевого крещения княжича следовало направить служить в дружину, дабы тот постигал все тонкости не только боевых действий, но и обыденного воинского распорядка.

Однако сообщать о своем решении кому-либо, князь покуда не торопился.

Хотел он дождаться возвращения Александра из ссылки и поглядеть, насколько сын уразумел его внушения! Всерьез беспокоила Ярослава непокорность Александра! Кабы не стал его упертый нрав причиной разлада меж отцом и сыном в будущем! Нужно сейчас, покуда Александр еще не возмужал достаточно, найти на него управу и добиться полного подчинения отцовской воле. Ибо много больших ожиданий Ярослава связаны были с Александром! А коли так — то надо отшлифовать сына таким образом, как виделось отцу правильнее. И если увидит он, что готов Александр проявлять смирение и послушание сыновье в должной мере, то оставит он его в Новгороде под опекой Мусуда. А вот если нет... Нужно будет сызнова сослать его в Переяславль и запереть в четырех стенах, пока не возьмется его отпрыск за ум!

Сейчас, озирая холодный облик Александра, князь начал осознать: что-то переменилось в его сыне за те месяцы, что провел он в ссылке. Раньше, стоило Александру увидеть отца после разлуки, то загорались его глаза радостью — и легко в них читались и почтение и детская привязанность к отцу. То грело Ярославу сердце! А что теперь? Глаза сына похожи на запертые накрепко двери, за которыми невозможно увидеть ни мыслей его, ни чувств. Закрылся Александр от него, отгородился стеной равнодушия...

«Полно о чепухе думать! — осадил сам себя князь. — Ишь, дуется мальчишка на меня! Ничего, меня этим не проймешь!»

В честь приезда семьи, Ярослав распорядился накрыть столы во дворище и закатить пир да гуляния.

Княгиня Ростислава, восседая подле мужа во главе стола, ощущала истинное женское умиротворение. Как же ждала она этого мгновения! Вот и вся семья в сборе! Она подле

Ярослава — и он даже дозволил ей на людях проявить супружеское участие и положить ладонь на его руку — а рядом с ними их дети. И чувствует она гордость за то, что есть у нее такая семья!

— Светишься ты вся, матушка! — с улыбкой заметил тогда Андрей.

— То с радости, милый мой, — заулыбалась в ответ Ростислава. — Вот бы каждый день походил на этот!

Андрей перевел взор свой на молчаливого по своему обыкновению Александра. Тот являлся для него примером для подражания и хотел Андрей перенять от него хотя бы толику его стати, покорявшей сердца окружающих. Ради этого Андрей и стремился заполучить в кормильцы Мусуда, полагая, что именно благодаря татарину его брат в столь юном возрасте уже прославился на Новгородской земле своими боевыми достоинствами.

К великой печали Андрея, Мусуд отказался стать его кормильцем, предпочтя вернуться в гридни к князю. Вопреки всем мольбам Андрея, князь Ярослав и не подумал принуждать татарина становиться его наставником. Пытался Андрей и уговорить Мусуда и подкупить — всё без толку! Освободившись от обязанностей кормильца и телохранителя, тот вернулся к своему первоначальному ремеслу — стал выполнять военные и политические поручения князя. Ранней весной, еще до наступления половодья, Мусуд в должности воеводы ходил с дружиною поход на северо-восток Новгородской Вольницы, подавляя непокорные языческие племена. Князь остался так доволен успешно совершенным походом и размером доставленной Мусудом военной добычи, что щедро наградил татарина и всем прочим воеводам ставил его в пример.

— Олекса! Отрадно, что воротился ты, — заявил Андрей, обращая внимания брата на себя. — Помоги уж ты мне! Уговори Мусуда стать моим кормильцем!

Александр отнесся к его просьбе пренебрежительно:

— Я Мусуду больше не господин. О сём проси батюшку.

Вздыхнул Андрей удрученно: знал он, что с отцом заводить об этом речь бесполезно.

Их отец, услышав разговор сыновей, не преминул воспользоваться возможностью поддеть Александра:

— А что же, Олекса, не хочешь внове удаль свою показать? Не сразишься ли в потешном поединке? Али заржавел ты за то время, что сиднем сидел в Переяславле, а?

Ему удалось добиться хоть какого-то проявления чувств у Александра: тот слегка побледнел от его насмешки. Но ответить отцу он ничего не успел — вмешалась княгиня Ростислава. Видела она, как неприятны были пасынку речи Ярослава и испугалась она, что такой светлый для неё день будет омрачен трениями между Александром и отцом его.

— К чему затевать бой, хоть и потешный? — ласково обратилась она к своему супругу. — Сердце мое песни хочет слышать да пляски задорные видеть, а не драку.

К её удовольствию, Ярослав пошел на уступку:

— Коли так, не стану я огорчать княгиню, — снисходительно проговорил он. — Пускай твое сердце позабавится, душа моя!

Княжич Федор исподтишка бросал на Александра угрюмые взгляды. Не успел тот возвратиться в Новгород, как уже встал у первенца Ярослава костью в горле! Те пять месяцев, что провел Александр в Переяславле-Залесском, стали для Федора едва ли не самыми счастливыми в его жизни — ведь исчезла угроза, которую непрестанно ощущал старший княжич со стороны брата. Угроза его первенству в глазах отца, угроза его преуспеянию на ниве восхождения на княжеский столец! Лелеял Федор надежды, что князь-

багюшка осерчает на Олексу настолько, что и вовсе оставит того в Переяславле и не позволит тому вернуться в Новугород... Но вот Александр здесь, в Новугородской Вольнице! И опять все вокруг только и говорят о нём, смакуя подробности его смелой проказы в битве на Омовже!

Но отнюдь не людские толки, хвалебно превозносившие самовольство Александра, были главной причиной затаенной злобы Федора, нет! Гневился первенец Ярослава на другое.

По традиции и обычаю, женитьба означала для княжеских отпрысков не только начало супружеской жизни, но и предполагала выделение в кормление удельного княжеского столыца — для того, чтобы сын мог учиться править самостоятельно. Конечно, далеко не все князья на Руси могли позволить себе наделить своих сыновей удельным княжеством — были и нищие князья, чьи сыновья никуда не уезжали после женитьбы, а жили вместе с отцом в его владениях — но ведь имел Ярослав Всеволодович такую возможность!

Федор самоуверенно полагал, что отец — в качестве свадебного подарка — назначит его своим преемником на новугородском княжеском столыце. Это соответствовало бы статусу Федора как первенца князя! Но когда он осмелился заговорить об этом с отцом, то оказался потрясен его ответом:

"Правильно судишь, Федор. Женишься ты, вступаешь в жизнь как мужчина, а значит и как князю тебе пора состояться! Однако ж новугородский столец я оставляю за собой, — строго ответил Ярослав Всеволодович сыну. — А ты после свадьбы с Улией Михайловной отправляешься княжить в Тверь. Будешь там удельным служивым князем под моим начальством".

Онемел тогда Федор, чувствуя себя донельзя оскорбленным и униженным. Тверское княжество! Такое захоlustье даже по сравнению с Переяславлем-Залесским, не говоря уже о Новугороде! И такую участь определил Ярослав своему старшему сыну, будто бы в насмешку над ним!

И понимал старший княжич прекрасно — в таком решении отца замешан Александр. Пусть тот и удален был в Переяславль, но даже так он занимал в сердце Ярослава главенствующее место. Хочет Ярослав оставить новугородский столец за Олексой, сомнений в том у Федора уже не оставалось! И его догадку подтверждали сплетни, упорно ходившие в княжеской свите — мол, любит князь Александра пуще других своих отпрысков и потому подготавливает ему столь щедрый дар как Новугородскую Вольницу.

И тогда переменилось что-то в душе Федора окончательно.

«Не видать Олексе Новугорода! Не позволю ему отнять у меня ни земель, ни власти! Ежели уступить ему сейчас, то потом его уже никакими силами не подвинешь в сторону, — решил тогда он, ощущая, как ненависть к брату без остатка поглощает его разум. — Надобно избавиться от него поскорее. Пусть погибнет, пусть сгинет навсегда! И когда не станет его, то займу я причитающееся мне по праву место!»

Так решил он, позволив дурным намерениям одержать над ним победу. И когда случилось то, ощутил Федор, как непривычная ему сила и уверенность наполнили всё его существо. Теперь он точно знал, как ему быть, как действовать! Отныне в нем не осталось ни капли сомнений! А наградой за его решительность станет поистине княжеская доля, причитающаяся ему по праву рождения.

Свой план Федор привел в действие прямо на пиру в Городище.

— Олекса! Соскучился, поди, по охотничьим забавам? — обратился Федор к брату. —

Можь возьмем мы с тобой коней резвых, да отправимся на охоту на денек-другой? А то чего сидеть в хоробах без дела, покуда гости в Новугород съезжаются!

Александр, кажется, был немного удивлен его предложением.

— Отчего нет? — помолчав, откликнулся он. — Если батюшка дозволит.

Сыновья вопросительно глянули на Ярослава, а тот добродушно усмехнулся:

— Верно, полезно вам будет кости размять! Погляжу потом я, какую добычу каждый из вас сумеет привезти.

Вот так легко оказалось Федору заманить Александра в ловушку!

Заведет он его в глухое место и там настигнет младшего его брата роковая участь!

Княжеский первенец всё тщательно продумал. Осознавая, что своими силами ему ни за что не справиться с Александром и его охраной, разыскал он себе сообщников. Пользуясь временем, имевшимся у него до возвращения Александра в Новугород, Федор сговорился с ушкуйниками, пообещав им щедрую награду за вспомоществование в дерзком убийстве.

Должны будут ушкуйники расправиться с княжескими телохранителями, а уж Федор возьмет на себя Александра. Заранее подсыплет он тому в питье отраву, чтобы обессилел тот в нужный Федору момент и не сумел дать отпора. Заколет его Федор собственноручно, а мертвое тело бросит в воду, чтобы не обнаружили Олексу сразу. Вернувшись в Городище, скажет он отцу, что напали на их отряд разбойники да и перебили всех, кроме него одного! Вот так и свершится план Федора.

«Судьба благоволит мне! Как же хорошо, что отказался Олекса от охранителя своего Мусуда, — размышлял в предвкушении княжеский первенец. — Не сможет теперь пронырататарин оборонить его от беды неминуемой! Сам себе Олекса могилу вырыл, собственными руками! И теперь пускай откушает мести моей до отвала!»

---

(1) Месяц травень — май

(2) Месяц изок — июнь

14. УДАР В СПИНУ

Летнее солнце проклюнулось над кривой линией горизонта, касаясь своими первыми лучами зеленеющей земли и причудливо искажаясь в дымке, парившейся над серыми водами реки Волхов. Оживал Новугород после теплой летней ночи, наполнялись его улочки людом, спешащим кто-куда: кто-то направлялся на базар с тележками, наполненным товаром, кто-то выгонял скотину с подворья, кто-то торопился в ремесленные мастерские.

Поднимая пыль столбом, стремительно пролетел Александр по дороге на своем вороном коне, направляясь к Рюрикову Городищу, однако, не доезжая до крепостных стен свернул в сторону, к речному берегу. Добравшись до рыбацких мостков, уходящих на глубину, княжич остановил своего скакуна и спрыгнул на землю.

На ходу сдергивая с себя кафтан и сбрасывая с ног сапоги, он зашел на мосток. Выехав еще до рассвета на конную прогулку по окрестностям Новугорода, Александр разгорячился во время скачки и захотел немедля освежиться в водах Волхова. Оказавшись на краю мостка он, недолго думая, нырнул в воду.

— Княже! Расхвораешься же! — жалостливо воскликнул кто-то из телохранителей.

Четверо телохранителей Александра отстали от ретивого коня княжича и нагнали его только сейчас. Спешившись с лошадей, слуги княжича встали на берегу, наблюдая за тем, как тот, рассекая речные воды сильными и уверенными гребками, плывет на середину реки. Растерянно княжеские ратники переглядывались друг с другом, не зная, как им поступить — прыгать в воду вослед Александру или ждать, когда тот накупается и сам вылезет из реки? Князь Ярослав Всеволодович настрого велел им во все глаза сторожить своего сына, однако долго им было снимать с себя латы, чтобы не пойти ко дну под их тяжестью! К их облегчению, Александр, добравшись до середины реки, развернулся и поплыл обратно к их берегу.

— Чего ж на берегу застряли, охранители непутевые? — раздался требовательный голос над головами княжеских слуг. — А ежели захотел бы он на другой берег выбраться да деру от вас дать?

Оглянувшись, увидели они, что подъехал к ним на коне Мусуд.

— Отстали мы от княжича, — повинились те, невольно робея перед ним. — Уж больно он скор аки ветер!

Татарин спустился на землю и, встав у рыбацкого мостка, следил взглядом за тем, как Александр возвращается к берегу. Узнав утром, что княжич ни свет ни заря уехал на прогулку, Мусуд дожидался его возвращения на крепостной стене. С высоты башни рассмотрев, что Александр свернул с дороги к реке, он оседлал коня и поехал в ту же сторону. Рассчитывал Мусуд на разговор с Александром!

После того, как стало ему известно о дерзкой выходке княжича в битве на Омовже, понял Мусуд, отчего тот поступил так нелюбезно с ним. И отлегло у него от сердца, унялась свербящая в нем горечь! Ясно стало татарину, что дело было не в гневливости Александра, не в оскорбленной его гордыне, а в хитром плане — который, конечно, княжич не сумел бы осуществить, ежели остался бы подле него кормилец. И мальчишка решил при помощи уловки устранить его, дабы никто не мешал ему рискнуть своей головой.

«Эх, Олекса! Олекса...» — вздыхал Мусуд сокрушенно, слушая рассказы о том, какую смелость проявил в бою княжич и каких плетей он получил позже от разгневанного

батюшки своего.

Когда по возвращению своему в Новгород князь Ярослав спросил Мусуда о том, какое решение тот принял относительно своей службы, то ответил он, что желает он вновь стать княжеским гридником. Рассуждал татарин так: ежели станет он кормильцем Андрея, то в любой момент князь может отослать третьего по старшинству сына в Переяславль, а с ним и его кормильца — а став гридником, Мусуд останется при дворе Ярослава Всеволодовича. А там, где Ярослав, там будет и Александр — ведь знал твердо Мусуд, что тот не отпустит от себя любимого сына надолго, как бы не серчал на его выходки.

Вчерашним днем Мусуд находился во двореце на устроенных Ярославом Всеволодовичем гуляниях. Но подойти к княжескому столу, за которым восседала княжеская семья, татарин не решился и только издали наблюдал за Александром. Княжич, несмотря на показную невозмутимость, показался Мусуду печальным — то, что не заметно было Ярославу, прекрасно наловчился видеть бывший кормилец! — и то тревожило татарина. Что там на уме у Александра? Что его гнетет? Почему он, дождавшись отцовского прощения и вернувшись в Новгород, совсем не радуется этому?..

Александр доплыл до мостка и, подтянувшись, выбрался из воды.

— Добрый хозяин своего коня сразу после дороги холодной водой не поит, — заметил небрежно Мусуд, — а ты, не остынув после скачки, в студеную воду прыгнул.

Княжич, отряхнув с волос капли воды, бросил на него насмешливый взгляд:

— А ты прав! Будь я конем — был бы повод волноваться.

Усевшись на край мостка он размотал пропитавшиеся водой онучи(1) на ногах и натянул на голые стопы сапоги, не обращая внимания на то, что вода, капающая с мокрых штанов, тут же начала стекать в обувь. Поднявшись, он подобрал свой кафтан и натянул его поверх промокшей сорочки — после чего глянул на своих телохранителей и заявил:

— Езжайте в Городище без меня. А я сам опосля туда приеду вместе с Мусудом, — но, видя, что те колеблются, опасаясь отлучиться от него и через то получить от князя суровое наказание, Александр раздосадовано прибавил: — Неужто думаете, что обороните меня лучше, чем Мусуд? Ступайте, покуда не осерчал я!

Всё еще сомневаясь, но не решаясь перечить приказу, залезли на лошадей княжеские прислужники и поплелись к Рюрикову Городищу. Александр сошел с мостков на землю, но к своему коню не подошел, а уселся на траву, коей порос отлогий речной берег. Рядом с ним сел Мусуд. Княжич долго хранил молчание, глядя сквозь рассеивающуюся дымку над Волховом в сторону противоположного берега и греясь под лучами восходящего светила.

— Мусуд... — словно бы собравшись с духом, заговорил княжич, но татарин тут же его перебил:

— Не надо, Олекса. Забудь! — произнес татарин, тоже глядя куда-то в сторону.

Александр тихо вздохнул — как это было прежде, понял всё Мусуд без слов.

— И как? Потешил свою душеньку побоищем? — спросил бывший кормилец следом.

Впервые на лице княжича появилась улыбка, тут же преобразившая его лицо.

— А то как же! Ливонский стяг был моим!

Рассмеялся тогда Мусуд, правда, не слишком весело.

— Что ж... Жаль даже, что не видел я того сам!

И вновь между ними повисла тишина, прерываемая только назойливым жужжанием мошкары.

— Ты получил, чего хотел, — не дождавшись от княжича больше никаких речей,

решился нарушить безмолвие татарин. — Так что же гнетет тебя?

— С чего взял, что гнетет?

Мусуд бросил на него проницательный взгляд и Александр снова тихо вздохнул.

— Ничего от тебя не скроешь! — проворчал он себе под нос и опять примолк.

Не дождавшись от него признания, татарин проявил настойчивость:

— Олекса?..

Но княжич, передернув упрямо плечами, попытался встать со словами:

— Пора мне в Городище возвращаться...

Татарин в тот же миг схватил его за руку и дернул назад, заставляя вернуться на место.

— Довольно скрытничать, Олекса!

— Это тебе довольно со мной как с дитём обращаться! — с отчетливым недовольством проговорил княжич. — Не ребенок я больше!

— Когда это я с тобой как с дитём обращался? — с не меньшим недовольством отозвался бывший кормилец.

Александр выразительно посмотрел на руку татарина, которая все еще сжимала его запястье — и пришлось Мусуду выпустить его из своей хватки. Сердито фыркнув, княжич, однако, больше не сделал попыток сбежать от него. Горделиво вздернув подбородок, он снова устремил взгляд на другой берег реки, будто что-то высматривая там.

— Не думал я об этом раньше. Но вот оказался в ссылке — и стали мысли разные в голову лезть, — наконец произнес Александр, преодолевая себя. — К чему мне княжеские почести, ежели не имею я вольности жить, как того хочется? Ежели почести эти дышать мне не позволяют?.. Надоело это! Тошно мне! Свободы хочу!

— Какой еще свободы? — осторожно удивился Мусуд.

— Хочу, как ты, пуститься по свету гулять. Сам решать, где мне быть. Сам решать, с кем драться. И чтоб никто не указывал, как должно мне жить!

Это признание не на шутку испугало татарина: неужто Олекса и правда о таком помышляет?!

— погоди, Олекса! Уж больно поверху ты смотришь на всё! Не знаешь еще ты жизни всей и потому судишь наскоро, — со своей обыкновенной рассудительностью возразил ему Мусуд, не спуская при этом внимательного взора с него. — Что, по-твоему, жизнь моя? Думаешь, много радости в ней было? Думаешь, я сам избрал для себя такой путь? Не дали мне решать, какую судьбу мне иметь — продали в рабство и назначили участь!

На губах Александра мелькнула печальная усмешка.

— А я выбирал судьбу? Родился я в княжеской семье! У отца моего для меня только один путь назначен.

— Да разве плохо то? Спроси любого — всякий бы завидовал твоей судьбе!

— Что мне до других! Пусть себе завидуют, — поморщился княжич в ответ. — А я наелся княжеской участи до тошноты.

Они примолкли, каждый думая о своем. Мусуд ломал голову, как еще ему втолковать Александру, что мысли его ошибочны и опасны. И правда, что мог понимать в жизни мальчишка?! Всю жизнь он жил в сытости и роскоши, ничего для него князь Ярослав никогда не жалел и всячески оберегал. И не понимает Александр, что жизнь простого воина далека от такого благополучия! Что полно в воинской жизни и лишений, и опасностей, и страданий — и что всякий воин мечтает в душе своей о той судьбе, что получил Александр только лишь по праву своего рождения!

— Не спеши, все же, горячиться, Олекса! — негромко проговорил татарин. — Поверь мне, ошибаешься ты.

Александр склонил голову низко и каким-то растерянным жестом растрепал свои влажные волосы.

— Князь Ярослав любит тебя, какие бы отповеди не выдавал при этом! Наказал он тебя ссылкой, вот и закипела у тебя кровь от вынужденного безделья, — продолжил Мусуд, почуяв, что удалось ему достучаться до его благоразумия. — Но то дело прошлое! Ведь возвратился ты в Новугород — а значит, теперь все станет как прежде. Выдохнешь сейчас, остынет твоя кровь! И поймешь ты, что судьба твоя не клетка вовсе — а тоже пусть война, пусть и несколько иной, нежели у меня!

Не сразу, но все же кивнул понимающе Александр в ответ на его слова.

— Знаю... Знаю, прав ты...

Мягкие наставления Мусуда и вправду подействовали на него отрезвляюще. Сидя в четырех стенах в переяславском детинце, он так извелся, что и сам не заметил, как мятежные мысли захватили его целиком. Настолько ему осточертели бездействие и отсутствие привычных вольностей! Не ожидал сам от себя Александр таких чувств — уверен был, что сумеет показательно спокойно вынести ссылку. Но — нет! Взбунтовалась у него душа, не вытерпела ограничений! Захотелось ему назло отцу сотворить сумасбродство, сбежать прочь от него и ощутить вкус воли вольной...

Повернувшись к Мусуду, просветлевший ликом княжич заметил лукаво:

— Как же не хватало мне твоей мудрости! Госковал я даже по спорам твоим со мной.

Заставил себя татарин рассмеяться непринужденно:

— Вороти меня в охранители свои — и, как и прежде, уши у тебя будут вянуть от моих речей!

Покачал отрицательно головой Александр и отвернулся в сторону:

— Не выйдет.

— Это почему?

— Когда попросил я отца снять с тебя долг кормильца и охранителя, то взял он с меня слово, что не смогу я вернуть тебя в услужение к себе.

Примолк Мусуд мрачно. Вот оно что! Значит, так решил князь...

Александр тем временем поднялся с травы и направился к своему коню. Мусуду ничего не осталось делать, как сделать то же самое. Оседлали они скакунов да и отправились в сторону Рюрикова Городища, не обмолвившись более ни одним словом друг с другом.

Солнце, полностью вынырнув из-за горизонта, уже всюю припекало.

А во дворе Городища уже собирался отряд, готовившийся выехать на охоту вместе с Федором и Александром.

Как и стоваривались, княжичи в сопровождении своей охраны выехали в новугородские леса на охоту. Федор убеждал брата, что нужно пойти ниже по течению Волхова и углубиться подальше в леса — дабы удалиться от общеизвестных охотничьих троп, где зверье уже давно распугано человеком — и зайти туда, куда редко заходили охотники в поисках добычи. Александр с его предложением согласился, не хотелось ему два дня плутать по чащобе и не встретить за это время ни одного зверька! Давно он не имел возможности выйти

на охоту и теперь желал вдоволь насытиться любимой своей забавой!

Надо признать, удивило его приглашение Федора.

Доселе уверен он был, что брат старший брат недолгоблывает его и рад будет не видеть его поблизости от себя. Однако, как видно, вознамерился Федор забыть все прошлые их братские стычки! Прошло детство, а с ним и соперничество ребяческое — Федор уже почти что женатый мужчина, после свадьбы отец поставит его князем, и дела тому уже не будет до мелочных распрей с младшим братом своим! Так думал Александр, скача на коне рядом с Федором и наслаждаясь ветром, упруго дующим ему в лицо.

Полдня проскакав вдоль реки, свернули они по указанию Федора вглубь древнего леса. Сначала они шли тропками, потом исчезли все следы человеческого пребывания. Но старший княжич уверенно вел за собой отряд, говоря, что скоро должно показаться небольшое озеро, богатое утками и рыбой. Так и случилось: через час плотный строй сосен расступился перед ними, открыв взору озеро правильной круглой формы — будто кто-то нарочно сделал его таким. Как и обещал Федор, на поверхности озера плавало в спокойствии множество уток, а крупная рыба меж водорослей плавала у самого берега.

— Отчего я раньше не слышал про это место? — задумчиво произнес Александр.

— У местных племен это озеро заверованным почитается — то бишь, верят они, что боги их здесь обитают. Капище у них тут имеется! Потому они здесь и не охотятся, — пояснил старший княжич. — Дикари, что с них возьмешь! Ну а нам, православным, чего стесняться? Эвон какая птица тут непугливая, так и просится на стрелу!

— А ты откуда узнал про озеро?

— Да один человек знающий подсказал по великому секрету, — уклончиво ответил на сей вопрос Федор.

Не спеша отряд поехал кругом озера, высматривая наиболее удобное место для ночевки — и вскорости наткнулся на идолищ, вкопанных в землю возле берега. Лица, вырезанные на деревянных столбах, были все, как один, устремлены на озеро.

— О! Только гляньте, кто тут у нас! — расхохотался вдруг Федор, заметив на капище одинокую девичью фигурку.

Молоденькая девица, разложив у подножия самого высокого истукана свои нехитрые дары — лепешки и куриные яйца — о чем-то коленапреклонённо молилась своим божествам, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Услыхав человеческие голоса, она взволнованно вздрогнула и поспешила вскочить на ноги. Осознав, что её окружили вооруженные мужчины, не принадлежащие к её племени, она испугалась еще пуще и затряслась как лист на ветру. Федор окинул девицу откровенным оценивающим взглядом — тонка как ива и недурна собой.

— Ну-ка, схватите её! — приказал он своим слугам, указав витнем её сторону. — Пускай она нас потешит этим вечерком!

Ратники из числа охраны Федора надвинулись на девицу, но их остановил властный голос Александра:

— Оставьте её.

Княжеские прислужники тут же замерли, напуганные интонациями княжича.

— Ты чего, Олекса? — изумленно повернулся к брату Федор. — Ты что, бабу пожалел?

— А тебя разве не баба на свет породила? — во взгляде Александра мерцало глубочайшее презрение.

Щеки старшего залились яркой краской, удалось младшему ощутимо задеть его! Прилив

злости с такой силой сдавил грудь Федору, что на миг он забыл, как дышать. Однако удалось ему вовремя спохватиться. Что же он творит, зачем выводит Александра из себя? Ведь, ежели осерчает сейчас его брат, то может развернуться и уехать прочь — и сорвется тогда план Федора!

— Пошутить уже нельзя! — примирительно сказал тогда старший княжич. — Уж больно ты серьезен, братец, как я погляжу!

Знаком он повелел своим охранникам отступить от девки и та — поняв, что жестокая участь миновала её — тут же бросилась наутек, мигом скрывшись в зарослях. Отряд двинулся дальше по берегу. Александр задержался ненадолго, еще разглядывая деревянных истуканов и размышляя о чем-то своем.

Оглянувшись на брата, Федор поразился тому, как преобразилось его лицо — проступило в нем что-то таинственное, темное, языческое. И против воли, ощутил он странный трепет — почудилось ему даже, будто ведет Александр с истуканами какой-то беззвучный разговор. И вспомнилось старшему княжичу жуткая снежная чащоба и сила нечистая, с которой столкнулся их отряд там. Сам-то он не помнил того, но ратники говаривали, что никто не мог достать мечом лесного беса, лишь у Александра хватило удали прибить сатанинскую тварь.

Страх и сомнения вдруг закрались в разум Федора. Что, если его младшему брату благоволит нечистая сила? И что, если не даст эта сила в обиду Александра, а самого Федора покарает за дурные намерения?.. Но заставил себя старший стряхнуть с себя короткое наваждение, взял он себя в руки! Нет уж, не отступит он от замысла своего! Этой ночью его брата настигнет смерть — и ничто на свете не изменит уготованной ему судьбы.

— Олекса! — окликнул он брата.

Тот вышел из задумчивости и, тронув своего коня, догнал отряд.

Подыскав удобное место для становища, отряд расседлал коней и пустил их кормиться травой. Вооружившись луками, ратники и княжичи отправились бить уток, чтобы добыть мяса для вечерней трапезы. Не привыкшие к человеческому присутствию птицы стали для них легкой мишенью — быстро каждый из них добыл по две-три утки.

Пока утиные тушки поджаривались на вертелах, развешанных над кострами, Александр полез в воду — и плавал там до самых сумерек, отдыхая от дневного зноя. Федор же сидел у костра и не спускал глаз с брата, дожидаясь, когда тот накупается и изволит подойти к костру погреться. Когда это произошло, Федор протянул брату приготовленный заранее бурдюк.

— Медовуха! Будешь?

Пожав плечами, Александр взял бурдюк и сделал несколько глотков из него. Федор едва смог скрыть при этом торжествующую улыбку. Хмельной напиток должен будет скрыть привкус отравы, что он подлил туда, а первые признаки отравления Александр спишет на опьянение медовухой. Подняв глаза к небу и заметив неумолимо зажигающиеся звезды, старший княжич удостоверился, что оговоренное с ушкуйниками время приближается. Уже скоро!

Вот и совсем стемнело, только свет от костров разгонял тьму, опустившуюся на озеро.

— Почему совсем ничего не ешь, Олекса? — с притворной участливостью спросил Федор брата.

Тот и правда не прикоснулся к жареной утке, в то время как все прочие с аппетитом уплетали сочное мясо. Александр, бледный как снег, поднял на старшего своего брата

подернутые нездоровой пеленой глаза. Затем он встал, но тут же покачнулся, чувствуя слабость в ногах — однако все смог дойти до воды, где, упав на колени, принялся трясушимися руками умывать лицо.

— Княже! Что с тобою? — встревожились его телохранители, вскочив на ноги.

Они не успели приблизиться к своему господину, как из темноты в них посыпались стрелы, безжалостно поражая их.

— Тревога! К оружию! — закричали ратники, хватая щиты и мечи.

И тут из-за деревьев с воем и свистом выскочили разбойники, числом своим превосходя княжеский отряд. Окружив со всех сторон тех ратников, что оказались не сражены стрелами, бешено ушкуйники кинулись в бой, стремясь одним наскоком сломить их сопротивление. Александр, осознав опасность, не без труда поднялся и, пошатываясь, бросился к костру — туда, где оставил он свой пояс с мечом.

Но стоило ему наклониться к мечу, как пронзила его спину резкая мучительная боль. Скрипнув зубами, Александр ловким ударом заставил отпрянуть от него того, кто напал на него со спины. Обернувшись, он увидел там Федора, сжимавшего окровавленный кинжал. Несмотря на боль, глаза Александра ошеломленно расширились — на него напал собственный брат?!

Федор снова бросился на Александра, желая вонзить кинжал тому прямо в грудь. Вопреки слабости и ранению, младший княжич не позволил тому нанести второй удар, перехватив его руку и так сильно вывернув её, что Федор, не стерпев причиненной боли, выронил кинжал куда-то в траву. Зарычав разъяренно, Федор вцепился руками в брата, рассчитывая повалить того на землю. Не сразу, но удалось ему свалить Олексу — слишком уж тот ослабел и едва мог стоять на ногах — и, вцепившись друг в друга, они перекатились по берегу к самой воде.

Осененный новой идеей, Федор, рывком толкнул Александра в воду и, когда тот упал в озеро, тут же навалился сверху всем своим весом. Сжав руками шею младшего брата, он заставил его голову полностью скрыться под водой — и держал так, дожидаясь, когда Александр захлебнется.

— Вот я и стал сильнее тебя! — победоносно воскликнул Федор, наслаждаясь моментом.

Кто-то торопливо зашел в воду и, ухватив старшего княжича за ворот, рывком оторвал его от младшего брата и с силой отшвырнул в сторону. Рыжий ушкуйник со свирепым лицом вытащил из воды Александра и, держа его головой вниз, несколько раз встряхнул — заставляя выйти из его горла всю воду, что княжич успел проглотить. Из рта и носа Александра хлынула вода, его начало судорожно рвать — и вместе с этим очищалось его чрево от отравленной медовухи. Удовлетворенный тем, что подает тот признаки жизни, ушкуйник бросил его на землю, чтобы потом, склонившись над ним, повернуть его лицо к себе.

— И правда! Красив, мерзавец! — ухмыльнулся Звяга Рудница. — Такой товар меня озолотит...

Александр моргнул несколько раз и окончательно лишился чувств. Звяга принялся деловито осматривать его рану, желая узнать, как сильно того успел ранить Федор. К счастью, силой и меткостью старший княжич не обладал и потому, хоть и ранил он Александра, но не смертельно. Ежели сейчас перевязать рану и остановить кровотечение, то всё обойдется — и сможет выправиться драгоценный пленник Звяги!

— Что ты творишь! — закричал Федор на главаря ушкуйников. — Его надо убить!

Сообщники Звяги уже разделались со всеми княжескими ратниками и теперь, поигрывая оружием в руках, собрались вокруг своего вожака. Старший княжич, поняв, что остался он в одиночестве перед ватагой безжалостных разбойников, против воли ощутил, как сердце у него ушло в пятки — стоило Звяге Руднице бросить на него недобрый взгляд исподлобья.

— перевяжите ему рану, — распорядился главарь ватаги. — Надо остановить кровь.

Подручные тут же поспешили выполнить его приказ, разорвав на лоскуты сорочки убитых ратников и перевязав ими рану Александра.

— Этого мы тоже заберем? — спросил вожака кто-то из ушкуйников, указав на Федора.

— Да кому он нужен? — хмыкнул презрительно Звяга.

— Так что же, прикончить тогда его? — снова был задан вопрос.

Помертвев от услышанного, задрожал княжич, и срывающимся голосом воскликнул:

— Ты что?.. Ты что!.. Мы же договаривались! Ты убиваешь его, — он ткнул пальцем в младшего брата, — а я князя на ложный след наведу, чтоб вы уйти смогли от погони! Мы же договорились!..

— Ага-ага, договорились! — согласился с ним Звяга и тут же ухватил его своей мощной пятерней за шею, едва ли не удушая. — Только вот братец твой мне живой нужен! Так что забираю я его с собой! Но не бойсь, княжий выродок, не увидишь ты его больше никогда! В этом не сомневайся.

Слегка придушив Федора, чтобы нагнать на него еще большего страха, отпустил его Звяга.

— Скажешь князю, что убили твоего брата, а тело его течением унесло из озера в реку. Добейся, чтоб не искал его никто! — проговорил он грозно и рык его вынуждал Федора приседать от ужаса. — И запомни крепко вот что! Ежели струхнешь и расскажешь князю правду али направишь дружину по нашему следу — доберусь я до тебя обязательно! Доберусь и, клянусь, живьем кожу с тебя сниму! Понял ли меня?..

— Понял! Понял!.. — судорожно закивал головой княжич.

— Тогда пошел вон! Садись на коня и чеши отсюда, молокосос!

Не дожидаясь повторного напутствия, Федор метнулся к своему коню и, не седлая его, заскочил на него и рванул прочь от места бойни. Звяга Рудница проводил его внимательным взглядом, прикидывая, хватит ли этому хлипкому княжескому дурню разумения обмануть князя-батюшку.

Впрочем, даже если и расколется Федор, то время работает против князя! В запасе у разбойничьей ватаги есть вся ночь, прежде чем доскачет княжич до Рюрикова Городища и еще полдня, пока оттуда доберутся сюда княжеские воины. Этого достаточно, чтобы Звяга вместе с сообщниками добрались до своих ушкуев и затерялись в речных водах.

— Уходим, братья! Забираем коней и борзо возвращаемся к ушкаям! — рыкнул он на свою ватагу. — Только осторожней с мальцом! Не попортите мне товар!

---

(1) Онучи — тканевая обертка ноги под сапог.

15. ОТЦОВСКАЯ КАРА

На самом рассвете Федор добрался до Рюрикова Городища.

Встревоженные дозорные, заметив возвращающегося в одиночестве княжича, забили в колокол, сообщая обитателям городища о том, что случилось нечто важное. Услышав бой колокола, и воины, и челядинцы и бабы поспешили высыпать из своих домов на улицы. Мусуд, завидев в каком виде проскакал мимо него Федор — на неоседланном коне, а сам в штанах и сорочке, без кафтана и своего оружия — опрометью бросился вслед за ним, чувствуя, как перестало у него биться сердце от жуткого предчувствия.

— Батюшка! Батюшка! — вскричал княжич, оказавшись во дворе перед княжескими хоромами. Когда на крыльцо быстрым шагом вышел князь Ярослав, желая узнать, по какой причине дозорный бьет в колокол, Федор спрыгнул с коня и кинулся к нему: — Беда, батюшка! Беда случилась!

Окинув старшего сына цепким взглядом, князь заметно побледнел:

— Где Олекса?

— Напали на нас ушкуйники в лесу! Много их было! — давясь сбившимся дыханием, торопливо проговорил Федор. — Такая лютая сеча там завязалась! Я еле ноги унес оттуда...

— Где Олекса?! — закричал Ярослав и в голосе его зазвучал устрашающий медвежий рык.

Вздрогнув, Федор даже вжал голову в плечи и начал заикаться:

— У-убили его! У-ушкуйники у-убили!

Князь стал совсем белым и даже покачнулся, будто готов был прямо на месте лишиться чувств. Народ, успевший сбежаться во дворе, ахнул, расслышав ответ княжича. Мусуд помертвел, оглохнув и ослепнув от охвативших его боли и отчаяния. Он не ослышался?.. Александра убили?.. Но в следующее мгновение, все его существо рьяно воспротивилось этой вести: нет, не может такого быть, это невозможно!

«Не мог Олекса вот так погибнуть! Я воспитал его умелым воином, я научил его бороться с врагом, каким бы тот не был! Олекса знает, как постоять за себя, — сказал сам себе Мусуд, пытаясь вернуть себе самообладание. — Нет, ошибка это! Олекса сражался в самой гуще битвы на Омовже, неужто свалили бы его какие-то ушкуйники?!»

Князь Ярослав, поборов первое свое потрясение, схватил за грудки сына:

— Отведешь меня туда! — грозно приказал он, говоря отрывисто, затем отыскал взором татарина: — Мусуд! Собери две сотни ратников, выезжаем немедля!

Мусуд кинулся исполнять повеление. Уже вскоре князь — даже не удосужившись облачиться в доспехи и оставшись в кафтане — заскочил на коня, и вместе с Федором и Мусудом борзо покинул стены Рюрикова Городища. Оставшийся в Городище люд взволнованно перешептывался меж собой, потрясенный вестью о гибели Александра. Миланья, услышав о случившемся, не смогла устоять на ногах и в потрясенных чувствах повалилась на колени.

Александр погиб?..

«Невозможно! Это невозможно! Я же видела его возмужавшим! И Вассу подле него Разве не боги дали мне это предвидеть?! Али то обманом всё было?.. — лихорадочно стучали мысли в её висках. — Почему же дар мой молчал всё это время, раз угрожала Александру гибель? Почему боги не заговорили со мной?! Почему видение мне не послали

они? Тогда бы я сделала всё, чтоб спасти княжича! Я бы предупредила князя Ярослава...»

Через силу поднялась Миланья на ноги и, спотыкаясь, зашла в избу.

Тщательно заперев дверь, она, не обращая внимания на льнущую к ней дочь, отыскала сундучок, в котором хранила свои колдовские принадлежности. Достав каменную чашу, она крошила туда особых трав, бросила несколько костей птиц и животных, насыпала измельчённой смолы и подожгла всё это. Когда огонь в чаше разгорелся и густой ароматный дым заполнил собой избу, надрезала колдунья свою ладонь ритуальным ножом и капнула в огонь своей крови. Зашипела кровь, падая в огонь. Забормотала Миланья заклятия на своем родном языке, призывая богов ответить на мучавшие её вопросы.

Молчали упорно боги!

Но колдунья не отступалась, снова и снова заклиная их заговорить с нею. Чувствовала Миланья, как силы покидают её тело, как кружится у нее голова, еще чуть-чуть и упала бы она без чувств на пол! И наконец она услышала тихий стук сердца — но зазвучал он как гром в её ушах. Слезы побежали по щекам Миланья и она, лишившись последних сил, опустилась на пол, пытаясь отдышаться.

— Славлю вас, боги, прародители наши! — шепнула она беззвучно. — Сердце его бьется! Он жив! Он жив...

Тем временем дружина князя скакала во весь опор по дороге, по которой днем ранее проехал охотничий отряд во главе с Александром и Федором. Мусуд, двигавшийся вровень с князем, молился, прося бога смилостивится над Александром и над им самим — молил он сделать так, чтобы весть, принесенная Федором, оказалась ложью. Пусть все это будет ошибкой! Пускай тот окажется всего лишь ранен, пускай он дождет помощи!

«Только пусть он будет жив! Аллах милостивый, пусть он будет жив!»

Много чего Мусуд перенес в своей нелегкой жизни! Потери, испытания, страдания... Но то он пережил, то давно осталось позади и, если и тревожило его порою печальными воспоминаниями, то все равно не лишало его присутствия духа. Однако сейчас... Сейчас он чувствовал, как рассыпается его душа в труху при одной лишь мысли о том, что увидит он, когда доберутся они до места ночного боя. Он не представлял, как сможет жить дальше, если то, что сообщил о судьбе младшего брата Федор, окажется неумолимой правдой. Мысли о грядущем лишали его мужества...

Дорога все не кончалась, став для Ярослава и Мусуда до мучительности бесконечной! Но вот и показалось то озеро, возле которого остановился охотничий отряд на ночевку. Солнце уже всю палило с небосклона и над становищем витал отчетливый запах трупного смрада.

— Осмотреть всё кругом! — приказал князь и голос его, против воли, дрогнул. Ярослав прыгнул со своего коня, но остался стоять подле него, держась рукой за луку седла, будто страшился упасть. — Мусуд, что видишь?

Татарин, переборов собственное оцепенение, прошелся по становищу, рассматривая мертвецов. Все охранники, отправившиеся с Александром и Федором, были убиты, среди тел княжьих ратников валялось около полудюжины убитых ушкуйников. Телохранители княжичей сопротивлялись — и даже смогли уложить некоторое число напавших разбойников! Но среди тел павших Мусуд так и не нашел Александра.

— Нет здесь Олексы! — крикнул Мусуд, чувствуя, как маленький росток надежды проклюнулся в его сердце.

— Я видел, как он упал в воду! — решил заговорить Федор, стоявший неподалеку от

отца. — Ранили его и он в озеро свалился...

Мусуд и Ярослав одновременно посмотрели в сторону воды, но и там ничего не обнаружили.

— Дружине разделиться на отряды и прочесать берег и лес! Проверяйте деревеньки поблизости, допросите местный люд! — повелел князь Ярослав, который, как и татарин, оказался обнадёжен отсутствием Александра среди погибших ратников. — Может добрался Олекса до людского жилья и укрылся там! Всё проверьте как следует!

Татарин тем временем остановился подле потухшего костра, разглядывая походный плащ Александра и его меч, который так и не был вытащен из ножен, а до сих пор аккуратно лежал на корзно. Княжич сложил своё оружие как и подобало воину — так, чтобы, сидя у костра, можно было без промедлений дотянуться до меча в случае опасности.

— Почему он не схватился за меч? — пробормотал Мусуд растерянно.

Охваченный подозрением, он еще раз — более внимательно — осмотрел становище и лежащие повсюду мертвые тела.

— Олекса не сражался! Он даже не вытащил меч из ножен, — громко заявил татарин, повернувшись к Ярославу. — Посмотри, князь, сколь мало ушкуйников убито! Ежели бы Олекса сражался, то положил бы он куда больше ушкуйников! Я его знаю — он бился бы до последнего!

Осознавая его правоту, князь тоже огляделся, а затем вперился взором в Федора.

— Его... его стрелой ранило! Потому и не успел Олекса взять меч, — проглотив комок в горле, на ходу придумал объяснение княжич. — Подобрались к нам незаметно и стрелы дождем посыпались из тьмы!

Слова его звучали убедительно, однако татарин все же нутром своим чуял подвох. Он вернулся к костровищу, у которого лежал меч Александра, и обошел его кругом. Ему попался на глаза бурдюк с медовухой, оставленный Александром тут же, на плаще. Подняв бурдюк, татарин вытащил пробку и, поднеся сосуд к носу, принюхался. Напиток в бурдюке пах медовухой и еще чем-то... Мусуд отчетливо уловил посторонний запах.

То был запах каких-то трав.

Догадка, словно молния, пронзила его.

— Чей бурдюк? — спросил он, обращаясь к Федору.

Его вопрос застал княжича врасплох и он даже не придумал, что соврать:

— Он мой. Мы с Олексой пили вместе.

— Пили, говоришь? — татарин пересек расстояние, отделявшее его от княжича и, остановившись вплотную к нему, протянул ему бурдюк: — А ну, выпей-ка еще!

Предательская дрожь пробежала по телу Федора.

— Да ты... Ты... Как смеешь ты говорить так со мной! — запинаясь, гневливо воскликнул он. — Батюшка! Что позволяет себе этот подлец?!

Повернувшись к отцу в поисках защиты от татарина, Федор натолкнулся на жгучий взгляд отца и похолодел. Ярослав прекрасно понял намек Мусуда и теперь взирал на старшего сына с недоверием и откровенной угрозой.

— Чего тянешь, Федор? — проговорил отец жестко. — Пей!

— Батюшка... — жалобно залепетал Федор.

— Пей сейчас же!

Нетвердой шагом отступил назад Федор, охваченный страхом перед неминуемым разоблачением, а затем и вовсе — совершенно потеряв разум — попытался было дать деру

прочь отсюда. И тем самым выдал он себя с головой! Мусуд не позволил ему сделать и нескольких шагов, немедленно поймав беглеца и заломив до адовой боли руку.

— Что сделал с Олексой?! Говори! — закричал татарин, без жалости выворачивая ему руку.

— Пусти! Отец! Больно! — пронзительно запричитал княжич, совсем как малое дитя.

Князь Ярослав смотрел одно мгновение застывшим взглядом на сына, а потом вытащил из ножен кинжал.

— Что же ты натворил, Федор... — проговорил он надтреснутым голосом. — Где Олекса? Что сделал ты с братом своим?

— Батюшка, сжался! Пощади, молю... — разрыдался Федор, видя, как тот приближается к нему, а Мусуд не давал ему двинуться с места, вынуждая бессильно ожидать расправы. — Прости меня! Христа ради, прости! Бес меня попутал!

— Где Олекса?! — зарычал князь, заноса кинжал над сыном.

— Забрали его ушкуйники с собой! — завопил в исступлении княжич.

Замерла в воздухе княжеская рука, сжимающая кинжал.

— Выходит, жив он? — выдохнул обрадованно Ярослав.

— Живой! — подтвердил Федор тотчас. — Ранен только! Но живой он...

Мусуд, услышав это, ощутил, как затапливает его душу сладостное облегчение.

— Для чего забрали они его? И куда?! — спросил татарин и еще сильнее скрутил руку княжичу, добиваясь признания. — Выкладывай!

— Клянусь, не ведаю того!.. Не стоваривался я с ушкуйниками о похищении!.. — заскулил, корчась от боли, Федор. — Только вожак... Вожак ушкуйников говорил...

— Что говорил?!

— Сказал он, что Олекса красив лицом! И еще сказал: «Такой товар меня озолотит!»

Ярослав и Мусуд посмотрели друг на друга, поняв без труда смысл сказанных ушкуйником слов. Сохранили разбойники жизнь Александру ради продажи княжича в рабство на невольничьем рынке — решив, как видно, поживиться за счет его необычайного облика. А значит, прямо сейчас ушкуйники на всех веслах должны плыть в сторону Волаги, что выведет их в Хвалынское море — ибо на его берегах процветала работорговля с иноземцами.

— Кто вожак ушкуйников? Как его звали? — требовательно встряхнул татарин княжича тогда.

— Все его Рудницей кликали... Звягой Рудницей!..

Наконец, Мусуд выпустил Федора из своей хватки и тот, всхлипывая, принялся укачивать свою посиневшую руку. Князь Ярослав подозвал к себе своих телохранителей, что стояли в стороне и благоразумно отводили глаза от сцены, разыгравшейся пред ними. Он приказал им созвать дружину, рассредоточившуюся по местности, и выдвигаться обратно в Рюриково Городище — ведь не имело смысла им искать Олексу в этих местах, коли похитили его разбойники!

Оставшись на месте ночного побоища только с Мусудом и Федором, князь прошелся по становищу, снова оглядывая мертвые тела и обдумывая что-то. Его сын следил за ним смятенным взглядом, гадая, какие мысли сейчас у его отца на уме. О каком наказании помышляет князь для него? Он выпорол Олексу за самовольство в битве, так как же он покарает своего старшего сына? Понимал, Федор, что не простит его отец за совершенное супротив брата преступление! И, помимо телесных наказаний, несомненно ожидает

первенца лишение княжеских почестей и пожизненная ссылка без права взойти на княжеский столец. Но сейчас Федора это не волновало! Он радовался хотя бы тому, что спрятал Ярослав свой кинжал обратно в ножны.

— Прости меня, батюшка... — скорее прошелестел он, нежели проговорил.

Князь повернулся к нему, глядя на сына с лютым гневом.

— Ты смеешь говорить со мною?!

Уронил голову Федор на свою грудь и примолк.

— Плохо я воспитал тебя, Федор! Упустил тебя! Не сумел вбить ума в твою голову... То моя вина и придется мне жить с этой правдой! — продолжал говорить Ярослав, перешагивая через мертвецов и возвращаясь к сыну. — Но не беспокойся — вот тебе, как раз, жить с этим не придется. Мусуд, держи его!

Не успел Федор и пикнуть, как татарин снова скрутил его и подсек ему ноги — и княжич упал на колени перед приближающимся отцом. Закричал истошно Федор, поняв, какую участь избрал для него разъяренный отец и затрепыхался — будто птица в силках — но не мог он победить силу Мусуда, удерживающую его.

— Отец мой! Не губи! Прости меня! — взмолился княжич, обливаясь горячими слезами. — Я же сын твой! Сын!..

— Твоя правда, на свет ты родился сыном моим, — кивнул князь, нависнув над ним. — Но отныне нет у меня больше сына Федора, первенца моего! Отрекаюсь я от тебя!

Ухватив одной рукой Федора за затылок, другой Ярослав зажал тому рот и нос, лишая возможности дышать. Затрясся княжич, замычал, захрипел — но что он мог сделать против двух крепких мужчин навалившихся на него? Только когда глаза Федора закатились, а сердце в его груди навеки замолкло, убрал князь ладонь от лица сына и отступил назад.

— Свалила княжича хворь неведомая! — проговорил Ярослав, отирая сую руку о полы кафтана. — Поплохело Федору вдруг и отдал он богу душу безвременно.

Мусуд, уложивший бездыханного Федора на траву, ответил:

— Видать, все-таки отравы, которую он еще вчера выпил, запоздало подействовала, — согласился он, выпрямляясь в полный рост.

Усмехнулся князь одобрительно: уверен он был — татарин сохранит тайну совершенной расправы.

Мусуд со скрытым удовольствием посмотрел на бездыханного Федора. Не сделай этого князь сам — сделал бы Мусуд. Не прямо здесь и сейчас, но потом — выгадав время и выследив его где-нибудь. Убил бы он княжеского первенца в отмщение за то, что решился тот покушаться на Александра! И убил бы жестоко, так, чтобы смог бы почувствовать весь страх и всю боль, что пережил Мусуд из-за его преступных деяний.

— Что делать будешь с ушкуйниками, князь? — заговорил татарин о главном.

— Возьму дружину и отправлюсь немедля к Волаге. Пройдем мы вдоль всего течения — и где-нибудь да нагоним их! А ежели не на Волаге перехватим, то и до Хвалынского моря дойдем! — твердо промолвил Ярослав Всеволодович. — Ты, Мусуд, пойдешь со мной как воевода в этом походе.

— Не сомневайся, князь, я костыми лягу ради сына твоего! — сказал татарин искренне. — А те места мне знакомы! Знаю я, где разбойники на ушкуях проходят да лагерь на берегу устраивают. Знаю все пороги и мели. Да и персидские берега мне не понаслышке известны. Коли борзо двигаться будем, то будет у нас шанс нагнать их!

Шагнул к нему князь Ярослав и благодарно возложил руку на его плечо.

— Дорожу я твоей преданностью, Мусуд! В черный час я столь неразумно удалил тебя от Олексы! — вздохнул он с горечью. — Знаю, не случилось бы с ним несчастья, ежели оставил бы я тебя охранителем его! И теперь дорого плачу за ошибку свою...

— Отыщем мы Александра! — ответил ему Мусуд. — Отыщем непременно — и воротим сына твоего домой!

Вспомнился татарину вчерашний день и последний его разговор с Александром. Вспомнился и голос его звонкий и улыбка, появившаяся на лице княжича, когда спросил его Мусуд о ратных подвигах в битве. Только день отделял эти воспоминания от Мусуда, но казалось тому, что случилось это давно! Невыносимая тоска сжала его сердце и вынудила сжать что есть силы зубы.

«Держись, Олекса! Мы уже идем по следам! — подумал он, прикрыв глаза. — Ты только продержись...»

КОНЕЦ ВТОРОГО СКАЗА
